

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Рисолат ХАЙДАРОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Хуршид ДАВРОН

*Я думал, что сердцу крылья
подарят небесные сны...*

Я думал, что сердцу крылья
Подарят небесные сны,
И с ними летать в небесах,
Но встретились только птицы...

Перевод

Литературоведение. Литературная критика

Юрий МОРИЦ

**Тернии и звезды
максималистов**

Поляризация центральных персонажей романа позволяет увидеть и познать в контрастах Америку-мать... Америка нередко воспринимается как адская скала несчастным Сизифом, который по достижении вершины тут же скатывался вниз.

Людмила БАКИРОВА

Я вовсе тебе не снюсь...

...Мы превращаемся в тихое дерево
близ шумной людской дороги.
Под небом Востока в трезвоне – под говор, под шорох, под стук,
мы птиц отпускаем с ладоней на север, на запад, на юг.

Поэзия

Проза

Галина ВОСТОКОВА

Запах немислимых трав

Всю жизнь я был талантливым и толстым.

Но толщина бросалась в глаза каждому. А талант — попробуй разгляди! За бесцветной физиономией, полусонными горошинками-гяделками, носом-пяточком... Стараться надо, душевные силы затрачивать. А кому это нужно?

Караван истории

Наргиз ХАСАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Заслуживающим внимания аспектом в искусствоведении нашей республики является проявление универсализма, свойственного интеллектуальной элите: ученые занимаются разработкой сразу нескольких научных аспектов: эстетики, истории и теории искусств, художественной критики, киноискусства и др.

Новые имена

Татьяна ЧЕРНЫШОВА

Блюз для двоих

Меня привлекали творческие люди, я жаждала окунуться в их среду, но не представляла, как им сложно жить. Постоянные поиски своего «Я», нереализованные проекты, нервные срывы, уход в себя, затянувшиеся депрессии – это подводные камни красивого и могущественного белого айсберга.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

- Махуммад Али.** Амир Темур Великий. (Роман-эпопея, перевод с узбекского М.Али и С.Камиловой).....5
- Мухаммад Юсуф.** В моих стихах нет благозвучья, право, но сердца боль – строфе оправа... (Перевод с узбекского Розы Казакбаевой)..... 25
- Улугбек Хамдам.** Шиповник (Мини роман. Перевод с узбекского Рубена Назарьяна).....34
- Я думал, что сердцу крылья подарят небесные сны...**
(Из современной узбекской поэзии: Хуршид Даврон, Даврон Раджаб, Хосият Рустамова. Переводы с узбекского Адель Чильяковой).99

ПРОЗА

- «...Стремление познать, понять и объяснить...»** (Из малой прозы наших современников: Игорь Корниенко, Александр Евсюков, Рубен Ишханян, Вика Чембарцева, Валерий Былинский).32
- Галина Востокова.** Запах немислимых трав (Рассказ).58
- Ариадна Васильева.** Храбрый Ван Лао и мудрый Шеньсянь (Сказка).117

ПОЭЗИЯ

- Людмила Бакирова.** Я вовсе тебе не снюсь...30
- Алексей Кириянов.** И строчка прорастет из музыки – зерна... ..55
- Баходыр Ахмедов.** Письма в Армению.67

ПОЗДРАВЛЯЕМ

- Сайдамин Бакиев.** Феминология.141

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Сайди Умиров.** Публицист планетарного мышления (к 85-летию Ч. Айтматова)..... 73
- Юрий Мориц.** Тернии и звезды максималистов (о книге О.Лесли «Америка-мать зовет? Мифы и реальность»).76
- Фархад Хамраев.** Проза, пробуждающая добро.80
- Зинаида Требухина.** Экологическая катастрофа и проблемы современности в романе В.Баграмова «Тварь».82

НОВЫЕ ИМЕНА

- Татьяна Чернышова.** Блюз для двоих (Рассказ).103
- Мария Дар.** Двенадцать сыновей Земли и Года (Сонеты). ...107
- Юлия Гармаш.** Осознаю, что я – Венец творенья...110
- Камила Хикматуллаева.** Художественное оформление Ташкентского метрополитена.114

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Мир без границ...** (Интервью главного редактора журнала «Звезда Востока» с поэтом из Австралии Натальей Крофтс). 128
- Владимир Карасев.** Прозрачные сны Марата Садыкова. ...133

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Павел Кулешов.** Вопреки течению времени.136

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Юрий Флыгин.** «Этот путь явится... могущественным средством развития...»87
- Наргиз Хасанова.** Из истории формирования искусствоведческого образования в Узбекистане. 91

Звезда Востока

2014 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 09.12.2013.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1200 экз. Заказ 24-14

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

На 2-ой, 3-ей, 4-ой страницах обложки картины
Марата Садыкова.

Переводы

**АМИР ТЕМУР
ВЕЛИКИЙ***Роман-эпопея*

Книга первая

Джахангир Мирза*

Глава одиннадцатая

I

После призыва муэдзина к утренней молитве с минарета Соборной мечети прошло совсем немного времени, а над древним городом уже лилась мелодично-умиротворенная и вместе с тем вдохновляющая мелодия карная. Следом по-праздничному зазвучали барабан и сурнай. Наступал торжественный момент. Большую площадь рынка Чорсу тщательно убрали, предварительно обильно полив водой. Послышался звонкий голос глашатая:

– Эй, люди-и-и! Слушайте! Не говорите, что не слышали! Сегодня Его Высочество Непобедимый Сахибкиран Амир Темур будет объявлен Султаном Турана! Всем на площадь Чорсу-у!.. На Чорсу-у-у!.. На Чорсу-у-у!..

С тем же призывом глашатаи отправились во все уголки старого города, заходя в каждую махаллю. Принаряженный по этому случаю народ Балха потянулся в сторону рыночной площади.

Темурбек с духовным отцом Мир Сайидом Баракой после сахарлик¹ совершили бомдод². По окончании намаза, не вставая с молитвенного коврика, каждый из них шепотом произнес священные слова «Аллоху акбар³», благославляя свои благие намерения. Мир Сайид Барака отдельно помолился за Темурбека, прося Бога ниспослать ему светлую судьбу и долгих лет жизни, пожаловав достойное место среди падишахов мира... Думы его унеслись далеко-далеко.

Мир Сайид Барака, один из сайидов⁴ священной Мекки, человек очень скромный, был большим почитателем Шейха Хакима ат-Термези, прозванного в народе Термез-ата. Величественная гробница ат-Термези, жившего около пятисот лет назад, была расположена у рыночной площади города Термеза и стала местом поклонения правоверных. После наше-

* **Продолжение. Начало см. в №3 журнала за 2013 г.**

¹ Сахарлик – утренний (до восхода солнца) завтрак во время поста-уразы

² Бомдод – первая молитва мусульман до восхода солнца.

³ Аллоху акбар – Аллах велик

⁴ Сайид – потомок пророка Мухаммеда

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений. Председатель Союза писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии. Родился в 1942 г.

ствия Чингисхана Термез превратился в руины, с пепелищем на месте некогда благоустроенного рынка.

Гробница Термез-ата была стерта с лица земли. Впоследствии город переместился на две-три версты южнее. Но народ не переставал посещать это святое место. Милостью Аллаха Мир Сайид Барака построил здесь скромную ханаках¹ и, чтобы радовать дух великого учителя, решил жить там. Паломников было очень много.

Однажды после полуденной молитвы шейх незаметно задремал. Обычно днем он не спал, остерегаясь пропустить тахорат². Однако все в руках Всевышнего... Неожиданно заснув, он увидел во сне Термез-ата, который обратился к нему со словами: «Сайид! Я очень доволен тобой. Ты поступил как достойный ученик, не позволив затеряться моей могиле, сохраняя память обо мне, воздвиг молельню, ежедневно получая благословение паломников. Дай Бог, тебе всего! До сих пор мне было беспокойно, теперь моя душа умиротворена. Аллах велик! Дай Бог, нашей родине цвести и благоденствовать! Да не перестанут бурлить светлые родники религии, да крепнет вера в величие Всевышнего! Отныне сын Турана будет править своей страной! Иди к нему, будь рядом с ним! Не допускай, чтобы зеркало его души помутнело. Иди!.. Сию же минуту ступай в путь!..»

Взволнованный Мир Сайид Барака даже не спросил у великого учителя, кто будет управлять страной, язык не повернулся, да и времени не было, проснулся... Встав с места, тут же совершил омовение и начал полуденную молитву с особым рвением. Потом, опустившись на колени, впал в глубокую задумчивость, размышляя над словами Термез-ата...

Ханаках Мир Сайида Барака стоял у самой дороги и многие путники, следующие из Балха в Самарканд, из Самарканда в Термез, совершали паломничество к гробнице Термез-ата. Во время долгих и кратких бесед с путешественниками он узнавал последние новости о волнениях и беспорядках в стране, о положении в городах, об интригах амиров и беков. Как ни странно, когда речь шла об этих людях, Мир Сайид Барака оставался равнодушен, но рассказы о повелителе Туркестана Амуре Хусейне и его подданном амуре Темурбеке волновали его. Постепенно шейх и сам стал частенько расспрашивать о Темурбеке. Смелый, решительный, умный, честный и справедливый Темурбек все больше интересовал его. Особенно когда один из паломников поведал ему о происшествии, непосредственным очевидцем которого он стал.

Темурбек решил захватить город Карши. Прежде, собрав войско из шестисот человек, остановился в одной из усадеб Жуйбори, что на побережье реки Хузар. Приказал передохнуть воинам, предварительно накормить лошадей. Ночью его воины со стороны Хузара кольцом окружили Карши. Часть воинов Амира Мусы взяли в плен. А военачальники со своими телохранителями, как мыши, попрятались по норам.

В это время волею судеб караван торговцев, ехавших из Кашгара в Багдад, остановился в караван-сараях Карши. Молодчики Темурбека, Тамука кавчин и Шодравон найман, толком не разобравшись приняли их за врагов и, устроив побоище, отобрали четыре рулона бархата и другие ценные вещи у бедняг, чтобы в качестве трофея преподнести Темурбеку. Темурбек по заведенному обычаю тщательно перепроверил происхождение даров и, установив, что они принадлежат торговцам, тут же приказал все вещи вернуть владельцам... Но объятые страхом купцы давно покинули Карши. Люди Темурбека разыскали их и с извинениями вернули имущество. Этот благородный поступок долгое время был у всех на устах.

Однажды Мир Сайид Барака услышал от паломников, что Темурбек с большим войском направляется в Балх, чтоб свергнуть Амира Хусейна. Шейх, взвесив все за и против, помня вещей сон и предсказание великого учителя Термез-ата, что «сын Турана будет править своей страной», пришел к выводу, что это предсказание, по воле Аллаха, о Темурбеке... Настало время сбыться пророчеству! Вот такова история столь загадочной и странной встречи Мир Сайида Барака с Темурбеком в окрестностях Буйе ...

С тех пор как завязалась их дружба, Мир Сайид Барака видел Темурбека в разных

¹ Ханаках - молельня.

² Тахорат – ритуальное омовение (перед молитвой и чтением Корана)

ситуациях: и в радости, и в печали. Это был человек с душой подобной величавой реке Джейхун¹, внешне спокойной и размеренной, но скрывавшей с своих глубинах силу и напор внутренних вод... Если бросят в нее камень, не всколыхнется, камень скроется в речной пучине. Если примкнет к ней какая-нибудь небольшая речушка или канал, не затрепешет от гордости и тщеславия. Если же над ней разразится шквальный ветер судьбы, переждет, не станет вступать в единоборство, а мирно будет нести свои воды, не выходя из русла. А кто окажется рядом с этой полноводной рекой, будет осыпан ее щедротами... Горе тем, кто преградит ей путь и посмеет перекрыть ее воды, она безжалостно снесет все запруды, разобьет вдребезги! Да, эта мощная река достигла расцвета и силы... Пример тому – осада Хиндувана, судьба Амира Хусейна – доказательство...

...Наконец, убрав молитвенные коврики, они встали со своих мест и, приветствуя друг друга, обнялись².

Темурбек как всегда задумчив, ведет себя так, словно сегодня – обычный день и ничего особенно не предстоит. Его лицо не выражает ни радости, ни торжества от предвкушения будущей коронации, он не испытывает особого восторга. «Быть султаном Турана, владеть Туркестаном – это лишь одно из тысячи желаний Темурбека. Сие есть истина...» – взглянув на Темурбека, подумал Мир Сайид Барака, все еще находясь во власти собственных мыслей.

В дверях Хумаюн урду внезапно показался Мухаммад Чурага додхах и, поздоровавшись, сообщил, что все готово. Темурбек пропустил вперед своего духовного наставника. Они вышли из шатра и свернули налево в сторону нарядно отделанного высокого настила у водоема, устланного золотоканяными мягкими тюфяками и белыми пуховыми подушками.

На голове Темурбека золоченый шлем, на плечах блестящий черный чапан с золотыми пуговицами, а на безымянном пальце золотое кольцо с надписью «Сила в справедливости»... Духовный наставник Мир Сайид Барака, как обычно, в своей неизменной бело-снежной одежде: длинной мантии и чалме, один конец которой ниспадает на левое плечо... Первые лучи весеннего солнца приятно согревали, обволакивая сладкой истомой. От грохота барабанов и звука карнаев, доносящихся с Чорсу, дрожали небо и земля.

Только Темурбек с духовным наставником присели на сури и хотели было прочитать приветственную молитву (фатиха), как вдруг со стороны улицы послышался шум: к ним приближалось человек пятнадцать, громко смеясь и оживленно разговаривая. Это были именитые люди государства – сановники, вельможи, амиры, пришедшие засвидетельствовать свое почтение и поздравить Темурбека с великим днем. Они, ободряя друг друга и хлопая в ладоши, пели веселую песенку:

*В эту ночь я буду весел!
В эту ночь я буду пьян!
В эту ночь я буду весел! Эх!
В эту ночь я буду пьян!*

Амиры были похожи на друзей жениха, пришедших за невестой. Во главе их, неуклюже кружась, вытанцовывает Амир Сайфиддин некуз. Все принарядились, веселятся, ликуют.

Амиры остановились в десяти шагах от сури.

– Сохибкирану долгих лет жизни! – неожиданно прогремел голос Амира Довуд дуглата.

– Долгие вам лета!

– ...Да бу-уде-ет! – в унисон прокричали амиры. Всем было весело, все радовались, словно дети, чьи братья получили главный приз на козлодрании.

– Да будет Салтанат благословенным! – прокричал теперь Амир Жаку барлас.

- Поздравляем! Поздравляем!

– Да будьте благословенны!

– Да бу-уде-ет! – Ликованье достигло предела.

Среди шума поздравлений особо выделялись хриплый баритон Амира Муайяда арлата и тонкий голос Амира Сарибуга жалайира.

¹ Джейхун – древнее название реки Аму-Дарья.

² После молитвы мусульмане, по обычаю, обмениваются приветствиями.

– Сегодня шалости и балагурство наших уважаемых амиров вполне уместны, – смеясь заметил духовный отец. – Они заслужили...

Игривое настроение степенных и солидных людей передалось и Темурбеку, он весело улыбнулся. Пригласил амиров сесть с ними.

– Все, что творится в этом мире, делается по воле Аллаха! Все по намерению Всевышнего! – начал Мир Сайид Барака после прочтения молитвы. – В священном Коране сказано, что только в Его воле дать человеку царство, и только Он волен отобрать у смертного правление... Сие есть истина...

– Да, велика божья милость, как и гнев Его... Да сохранит всех нас Аллах! – сказал Темурбек. – Хвала и честь вечному Творцу!

Все внимательно слушали духовного отца. Амиры были свидетелями искренних отношений Мир Сайида Бараки и Темурбека, за короткое время они стали настолько близкими, что друг без друга не могли обойтись. Это и радовало, и удивляло их. Между Амиром Сахибкираном и духовным наставником соблюдались четкие границы почтительности и взаимоуважения, которые никто не смел нарушить. Это понимали и амиры.

Мир Сайид Барака изначально собирался высказать падишаху страны ряд пожеланий, коль скоро его мюрид¹, нет не мюрид, а самый близкий друг Сахибкиран Темурбек всходит на престол Турана. «Всему свое время. Ибо в цветнике салтаната должны взойти семена процветания и благоденствия и, чтобы эти ростки принесли хорошие плоды, необходима деликатная политика мудрого правителя. А политика, как ртуть, скользкая вещь...» – подумал Мир Сайид Барака.

– Сие вовсе не наставление... прошу принять за совет, Амир Сахибкиран!

– Вы имеете полное право давать и советы, и наставления, мой учитель! Мы желаем их услышать! – поддержал Темурбек духовного наставника. Он сердцем чувствовал, что Мир Сайид Барака хочет поведать нечто важное.

Сидящий неподалеку писарь, который по обычаю записывал все в книгу событий, приготовился сделать запись. Музыканты тоже перестали играть.

– Благодарю, Амир Сахибкиран! – духовный отец стал перебирать свои пестрые четки. – Человек, отмеченный Всевышним, заслуживает участи повелевать и удостоивается чести быть коронованным. Достойный султан в своей стране строго соблюдает предписания Аллаха: *амри маъруф* - повеление совершать добрые дела, *нахийи мункар* - не допускать злодеяний. Все помыслы правителя должны быть устремлены на искоренение зла, насилия и жестокости. Государь не допустит появления и распространения гнойников интриг, козней и смуты на благочестивом теле салтаната. И всю свою мощь направит на защиту своего народа. Правитель должен осознавать, что высокое положение, дарованное Всевышним, обязывает его заботиться о бедных, обездоленных и нуждающихся. Он знает, что величие салтаната в поддержке и помощи убогим и несчастным. И это единственный путь сделать счастливым каждого мусульманина!.. Всю силу и могущество необходимо направить во имя торжества справедливости. Не забывайте, что сила в справедливости!..

Мир Сайид Барака упомянул и о порядках в стране, и о ведении государственных дел. Темурбек знал, что для управления государством необходим некий общий закон, похожий на правила Чингизхана. Темурбек давно все продумал, осталось только записать все это. Лишь бы было время...

– Если будет угодно Аллаху! – подтвердил Темурбек невольно взглянув на золотое кольцо на левой руке, где выгравировано: «Сила в справедливости», и осторожно погладил надпись. Сила в справедливости! Да, мой учитель! Я всегда и везде всей душой буду поддерживать и развивать заповеди ислама... Украшать историю салтаната законами шариа... чтобы воцарилась справедливость... Ислам – это мое убеждение.

– Сие есть истина, Амир Сахибкиран! Честь и хвала! Ваши искренние речи ликующим эхом отзовутся и в сердце вашего наставника, – воскликнул Мир Сайид Барака. – Но, об этом позже... Вот уже более семисот лет минуло с тех пор, как появился на востоке Посланник Аллаха. Слава Творцу, он заботится о своих рабах. И в начале каждого столе-

¹ Мюрид – последователь, ученик шейха

тия Аллах выбирает из правоверных достойнейшего для укрепления и распространения основ ислама. И этот правоверный мусульманин удостоивается всяческого почета и уважения. Именно он поведет свой народ вперед к благоденствию и процветанию. Именно об этом мы говорили в Термезе на собрании шейхов.

Улемы, священнослужители и богословы утверждают, что ислам начал развиваться в первом столетии хиджры в период правления великого халифа Умара ибн Абдулазиза. В те времена люди были невежественны и вместо любви к Аллаху их сердца были наполнены злобой и ненавистью. Хариджиты¹ оклеветали Хазрата Али². Имам Хусайн³ и Хазрат Аббас⁴ тоже не избежали анафемы... Бездуховные изуверы, объединившись, возомнили себя всемогущими. Поэтому устои ислама были подорваны. Халиф Умар положил конец всему этому!

– Слава Богу! – невольно вырвалось у Амира Сайфиддина некуза.

– Во втором веке, что удивительно, в единой исламской религии появилось семьдесят два ложных махзаба⁵! Да, да, семьдесят два течения! Господи!!! Халиф Маьмун, сын Харуна аль-Рашида, решительно искоренил эти лжетечения и вернул исламу истинное направление - суннизм⁶, ниспосланный Всевышним. Этот мужественный человек смог уберечь свой народ и направить мусульман на праведный путь. И посему Халиф Маьмун был удостоен величайшего звания «Веропророковедник».

С глубочайшим сожалением хотелось бы сказать, что в начале третьего столетия на святую Мекку обрушилась страшная беда: карматы Абу Тахира захватили Каабу и в канун священного праздника, убили тридцать тысяч паломников - мусульман. Эти безбожники, не убоившись гнева господнего, похитили Хаджар ал-асвад, наш святой черный камень... В те времена многие исламские государства превратились в руины, целые народы были истреблены... Но халиф Муктадир биллах Аббаси, волею Аллаха, объявил войну карматам и одержал победу. Ислам и шариат вновь стали источником вдохновения и развития...

Взволнованный Мир Сайид Барака на мгновение замолчал, медленно перебирая четки. Темурбек слушал затаив дыхание, по-новому воспринимая своего духовного наставника. Перед его взором представляли живописные картины тех времен... он казался себе одним из тех халифов... Как бы он поступил?.. Без сомнения, точно так же. Амиры и бахадуры внимали, стараясь не пропустить ни слова, замороженные увлекательным рассказом шейха. Об этой древней истории они слышали впервые. Смелые и отважные воины, для которых привычным делом было искусно владеть оружием, участвовать в сражениях, защищать границы, получать ранения, ежедневно видеть кровь, смерть, сейчас с трепетом слушали рассказ шейха, то и дело возмущенно восклицая: «Ничего себе!», «Вот это да!», «У-у, нечестивцы!», «Безбожники!».

– Говорят, в начале четвертого века в государствах Халифата вновь воцарился хаос. Повсюду разгул, вражда, козни, междоусобица... – Мир Сайид Барака с сожалением окинул взором присутствующих. – Дьявольские тучи ереси заполонили горизонты салтаната, устои шариата были попорчены, народ страдал от гнета и изуверства. В те смутные времена к власти пришел Изуддавла Дайлами Бувайхи, который смог навести порядок, следуя религиозным заповедям Мухаммада... В пятом столетии Султан Санджари Мазий упрочил позиции ислама и стер с лица земли всех, кто противостоял ему... Религия Пророка достигла вершин могущества, история не помнит ни одного нарушения и отступления от заветов шариата. В шестом веке Газанхан Султан получил высокое звание мураввич⁷. Когда ислам начал ослабевать – вот пример истинной силы и воли Аллаха! – Газанхан Султан со столысячным войском в пустыне Лор, недалеко от Хоросана, встретил величайшего из великих шейха Иброхима Хамави и после беседы с ним, встав на колени и

¹ Хариджиты – религиозное течение в исламе

² Хазрат Али – последователь и соратник пророка Мухаммада.

³ Имам Хусайн – внук и ученик пророка.

⁴ Хазрат Аббас – основатель династии аббасидов, сторонников пророка и приверженцев ислама

⁵ Махзаб – религиозное направление.

⁶ Суннизм – основное направление в исламе, сторонники которого, наряду с Кораном, признают сунну (т.е. мусульманское священное писание, содержащее рассказы (хадисы) о Мухаммеде, и его высказывания).

⁷ Мураввич – человек, внесший значительный вклад в развитие ислама

взявшись за подол халата великого ученого, произнес священные слова: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммад пророк его», тем самым принял ислам и стал мусульманином... А в седьмом веке...

– И кто же великий мураввич седьмого столетия? – нетерпеливо спросил Амир Улжайту.

– Султан Мухаммад Худобанда, правитель Ильханов ...

– Ваше преосвященство! – обратился Амир Сайфиддин некуз. – Расскажите поподробнее?

– Пожалуйста, поведайте! – присоединился Суюргатмишхан.

– Сие есть истина... Его настоящее имя Улжайту султан, после принятия ислама его назвали Султан Мухаммад Худобанда... Мир Сайиду Барака хотелось побыстрее перейти к основной мысли своей речи, которую он бережно лелеял в душе, и потому он постарался быть кратким. – Он правил салтанатом тринадцать лет. Однажды ему сообщили, что вера в ислам ослабевает. В качестве примера рассказали, что мусульмане во время намаза после ташахуда¹ перестали прославлять Мухаммада и его потомков. Когда калима² произносится, тогда и молитва принимается душой. Это известно всем правоверным! Разгневанный султан решил лично удостовериться. В Соборной мечети салтаната хан обратился к собравшемуся духовенству:

– Почему необходимо прославлять пророка Мухаммада и его потомков во время намаза?

– Всевышний обязывает прославлять пророка Мухаммада и его потомков, – ответила мусульманская знать.

– Имам Шафийи, основатель суннизма, считал недействительным намаз, в котором отсутствовало славословие Мухаммаду и его потомкам, – добавили священники, стоящие слева.

– Великий шейх Имам Агзам запретил такой намаз, назвав его скверной, – сказали справа.

Тогда Султан спросил:

– Почему мы не прославляем каждого из его потомков в отдельности во время намаза, а упоминаем их только при прославлении самого пророка, добавляя слова «...его потомки»?

Все присутствующие священнослужители не зная, что ответить, погрузились в молчание.

– Тут есть две причины, – сказал хан. – Первая состоит в том, что враги в насмешку называли нашего пророка Мухаммада абтаром³. Всевышний лишил их самих наследников, и их род оборвался на земле. А число отпрысков семьи пророка возросло настолько, что их количество ведомо только самому Аллаху. Поэтому после прославления Пророка, да благословит его Аллах, желают добра и его потомкам. Вторая – Аллах ниспослал на землю сто двадцать четыре тысячи пророков... Вероисповедание и деяния этих пророков со временем либо исчезали, либо менялись. Однако религия пророка Мухаммада, да благословит его Аллах, сохраняется в чистом виде до самого Судного дня! Следовательно последователи Пророка обязаны при прославлении благословенного его имени упоминать и его потомков, дабы было известно всем правоверным, что именно те, которых упоминаем словами «...его потомки», являются поборниками веры Мухаммада, толкователями божественного Откровения, хранителями святого шариата и наследниками знаний Пророка и заслуживают уважения и почитания.

Все священнослужители поддержали слова султана и начали вслух прославлять Пророка и его потомков. Тотчас же была издана фетва,⁴ гласящая, что «Отныне Султана Мухаммада Худобанда следует считать достойным великого звания «мураввич»!..»

Мир Сайид Барака смолк, мерно перебирая четки. Воцарилась тишина, лишь со стороны Чорсу все еще доносились ритмичные звуки барабана и сурная. И Темурбек, и амиры

¹Ташахуд (араб). - свидетельство; начало молитвы «шахадат»: Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммад пророк его.

²Калима – символ веры у мусульман, прославляющая всех потомков и последователей Мухаммеда

³Абтар (араб.) – не имеющий сына.

⁴Фетва – заключение, постановление

чувствовали, что речь духовного наставника еще не закончена, что это лишь предисловие к более важному и значительному. Так оно и было. Духовный отец, собравшись с мыслями, хотел было приступить к животрепещущей теме, но Амир Улжайту нетерпеливо вставил:

– Досточтимый шейх... А кто же восьмой... развивающий религию ислам?

Мир Сайид Барака, довольный вопросом, с улыбкой посмотрел на амира.

– Сие есть истина... Ваш покорный слуга тоже задается этим вопросом... – Духовный наставник повернулся к Темурбеку. – Итак, какому почтенному человеку выпадет на долю развивать и возвеличивать религию ислам в восьмом, то есть в нашем веке? Аллах, да святится Имя Его, каждому своему рабу воздает по способностям и деяниям. У великого Амира Сахибкирана есть все для выполнения этой святой миссии: и ум, и сила, и власть, и могущество... Я надеюсь, что с благословения Всевышнего, в восьмом столетии этим высокочтимым званием нарекут Вас! Развивая ислам и шариат, Вы сможете достичь справедливого правления и благоденствия для своего народа в этом подлунном мире! Хвала Аллаху, Господу миров!

Мир Сайид Барака произнес эти слова так внушительно и так убежденно, что их магическая сила тут же покорила душу Темурбека. «Смогу ли я?..» промелькнуло у него в голове. Приложив правую руку к груди и слегка склонив голову, он едва слышно промолвил: «Благодарю». Лицо духовного отца раскраснелось от взволнованных речей. Он был счастлив, что смог сказать Темурбеку самое сокровенное, озвучить те мысли, которые ему предначертано было произнести, и это случилось в такой великий день! Он облегченно вздохнул и, раскрыв руки, молитвенно превознес Аллаха, Пророка, четырех праведных халифов и всех его последователей. Торжественная молитва закончилась высоким пожеланием:

– О Создатель! Ниспошли Амиру Темурбеку счастья и удачи! Будь милостив и милосерден к нему! Пусть путь его к справедливости и прославлению ислама будет благословенным и успешным! Аминь!

Все, раскрыв руки, хором подхватили: «Аминь!»

– Аллах велик!

– Мой учитель уже начал совершать священный амри маъруф своим напутствием! – не скрывая своей радости, произнес Темурбек.

– Это наша миссия, главная миссия, Амир Сахибкиран! – улыбаясь ответил Мир Сайид Барака.

Слова духовного наставника на самом деле были восприняты всеми как божественное повеление совершать добрые дела. Амиры все еще были под впечатлением от услышанного.

– Та-ак-с... Вот тебе на... сколько унижений и испытаний претерпела религия Аллаха! О, боже!. – прокашлявшись, прошептал Амир Сайфиддин некуз сидевшему рядом Суюргатмишхану.

– Да уж, нет в этом мире легких путей, господин амир! – сказал Суюргатмишхан едва слышно, дабы не привлечь внимания других.

Темурбека ожидала торжественная церемония восшествия на престол на площади Чорсу. Речь духовного наставника Мир Сайида Бараки прозвучала как божественное напутствие перед началом торжества. Солнце было уже в зените, но до полудня еще оставалось какое-то время.

Управлять торжественной церемонией и соблюдать порядок было возложено на Амира Жаку барласа и Аббаса бахадур кипчака. Поняв, что в скором времени будет прочитана фатиха,¹ и все отправятся на площадь Чорсу, Амир Жаку барлас тихо соскользнул с сури и приблизился к призывным.

– Прикажите срочно сесть коней! Есаулы готовы? Музыканты здесь? Карнаисты? Сурнаисты? Держите ухо востро! Аббас бахадур! Прикажи построиться тысящикам, сотникам, десятникам и предводителям подразделений! Вот-вот прозвучит верховный указ! Загляни-ка в шатер Джахангира Мирзы и прибывшего вчера Умаршайха Мирзы! Хоть они

¹ Фатиха – краткая молитва, приуроченная к какому-либо торжественному случаю.

и говорили, что будут ждать Сохибкирана на площади Чорсу... Ну, на всякий случай... Понял?

– Понял, военачальник! – склонил голову Аббас бахадур, приложив руки к груди.

II

В Хумаюн урду зазвучали торжественные звуки карная.

Прочитана молитва, амиры спешно сошли с нарядного настила и встали в два ряда коридором, скрестив руки на груди. Темурбек хотел было уступить дорогу духовному наставнику, но Мир Сайид Барака вежливо отстранился, промолвив:

– Мы благодарны... Амир Сахибкиран!... Вам дорога!..

– Спасибо! – сказал Темурбек и направился к запряженным лошадям.

Скакуны, пофыркивая, нетерпеливо били землю копытами. Темурбек, обычно ловко и легко садившийся на коня, на сей раз сделал это с трудом. Да-а, раньше у него было меньше забот, ответственности, потому-то и взбирался беспечно и легко. Теперь – другое дело... теперь это скакун не обычного воина, отныне это аргамак султана! С сегодняшнего дня на плечи Темурбека ложатся заботы всего Турана, всей Туркестанской земли... Под ним не просто золотое седло, а трон салтаната! Да, нелегко оседлать аргамак власти! Если бы не поддержка его верных друзей таких, как Амир Довуд дуглат и Суюргатмишхан, если бы не держали крепко Амир Жаку барлас и Амир Сайфиддин некуз стремна владычества, трудно было бы сесть на сей трон, и немудрено выпасть из седла без поддержки соратников.

Открывали торжественное шествие музыканты на арбах, сотрясая окрестности звуками торжественного марша. Вслед за ними – сорок нукеров-охранников. В пятидесяти шагах от них на белом алайском скакуне ехал сам Темурбек.

На площади Чорсу народу видимо-невидимо, похоже люд собрался со всех махаллей Балха, разноцветная толпа восхищенно глазееет на музыкантов, скоморохов, клоунов, канатаходцев.

Справа, рядом с Соборной мечетью, установлен роскошный настил, застланный пестрым ковром. Подняться на этот величественный постамент можно по девяти ступенькам. Середину сури¹ украшает высокий золотой трон. Это трон владыки Турана, он ждет своего правителя. Над треном гордо вьется темно-голубой флаг с изображением трех золотых колес.

Праздник, организованный на площади Чорсу, Темурбек считал одним из самых важных мероприятий доселе им проведенных, поэтому он велел Мухаммаду Чурага додхаху: «Мамат! Иди, проконтролируй все! Пусть восшествие на престол останется в памяти народа!»

Все с восхищением смотрели на двух сыновей Темурбека, как две капли воды похожих друг на друга, и считали, что сегодня нет в мире людей счастливее их. У входа на площадь все, кроме Джахангира Мирзы, слезли с лошадей и отдали поводья конюхам. Ахий Джаббар вел за поводья скакуна принца. Посреди площади принцев встретил Мухаммад Чурага доддах, сделал комплимент Джахангиру Мирзе: «Здоровья вам, богатырь!», – и пригласил его встать справа у трона. Один за другим подоспели братья будущего правителя Абульмаоли и Али Акбар Термези. Увидев ликующий на площади народ, Абульмаоли Термези то и дело восхищенно приговаривал: «О, мой Бог!», «Вот это да!»

– Его Величество Сахибкиран Амир Темур приближа-а-а-ют-ся! Его Величество Сахибкиран Амир Темур удостаивают своим посещением-е-е-ем! – прокричал въехавший на площадь Аббас бахадур кипчак.

Амир Муайяд арлат вышел ему навстречу.

– Все готово, господин амир? – спросил Аббас бахадур, слезая с лошади, весь пунцовый от волнения. Один из конюхов повел его лошадь в конюшню.

– Все с нетерпением ждут великого Сахибкирана! – ответил Амир Муайяд арлат.

Белоснежный аргамак салтаната остановился у золотого трона. Темурбек на мгнове-

¹ Сури – деревянный настил.

ние обернулся и с радостью отметил, что среди сопровождающих его сановников, амиров шествовали главы древнейших родов барлас, дуглат, арлат, жалайир, сулдуз, найман, кипчак, некуз, кавчин и других.

По знаку Амира Муайяд арлата карнаи умолкли, стихла музыка. Площадь затихла. Мир Сайид Барака осторожно поднялся на сури – его фигура была заметна издалека:

– Достопочтенные правоверные мусульмане! – начал он свое обращение. – Сегодня двенадцатый день священного месяца рамазан, месяца ниспослания божественного откровения – священного Корана, счастливый день – среда. Хвала Аллаху, Господу миров, что все мы дожили до этого светлого дня! Аллах щедро дарит нам свой божественный свет, очищая наши души в месяц рамазан. Наши помыслы светлы и чисты. Сие есть истина. Наш пророк, да будет он благословенен, говорил: «Кто уповает на Аллаха, тому сам Творец станет опорой и защитой». Никто не сможет поколебать нашу веру, ислам – религия правоверных, мусульманство – путь к благочестию и праведной жизни. На сюзана неба божий писарь начертал: Сахибкиран Амир Темур станет властелином мира и, ошеломив все царства семи частей света, прочитал хутбу с девятиярусного¹ минбара², благословляя его славное имя. Итак, владыкой Туркестана предопределен достойнейший из всех султанов мира, его Высокопревосходительство, выдающийся Победоносец Абулмансур Абулмузаффар Амир Темур! И мы, потомки Пророка, да будет он благословенен, клянемся до последнего нашего вздоха быть преданными Его Величеству Сахибкирану!

– Клянемся! – поддержали духовного отца братья Термези. – Клянемся!

– За каждую строку фирмана Сахибкирана готовы сложить свои бесстрашные головы! – пробасил Амир Довуд дуглат. – Клянемся, служить честно и преданно, подпоясавшись ремнем верности и послушания! Клянемся!

– Клянемся! – крикнул Амир Жаку барлас.

– Клянемся! – присоединился Амир Сайфиддин некуз.

– Клятве - клятва! – подал голос Амир Муайяд арлат.

– Клянемся! – гаркнул Амир Сарибуга жалайир.

– Клянемся! – вторил Суюргатмишхан...

– Готовы служить Сахибкирану! – разом выкрикнули Аббас бахадур кипчак, Амир Кайхусрав, Амир Улжайту, Тамука кавчин, Шодраван найман, Шайх Мухаммад Баен сулдуз, Зиндачашм опарди. Вслед за ними мощным хором выразили свою преданность Мухаммад Чурага додхах, Джахангир Мирза, Умаршайх Мирза, Ахий Джаббар. Тысячники, сотники, десятники, передовые нукеры подразделений взревели как львы, демонстрируя свою верность. В этот момент каждый хотел выразить свою преданность султану Турана. Площадь сотрясалась от торжествующего эха.

А между тем, Темурбек, сидя на белоснежном скакуне и глядя на площадь, думал о том, что возглавить государство ему довелось лишь в тридцать четыре года, он понимал, что это уже поздновато. Александр Македонский в таком возрасте давным-давно владел миром... Но, как говорят, каждому свое, Бог каждому определяет свой срок, любое дело свершается в свой час: не раньше и не позже...

– Сохибкирана Абулмансура Амира Темура посадить на белый войлок! – приказал амирам духовный наставник Мир Сайид Барака .

Отовсюду послышались призывы:

– Усадить на белый войлок!..

– На белый войлок, на белый!..

– На белый войлок посадить!..

Амиры и военачальники приступили к исполнению обряда тюрской коронации султанов. Амир Жаку барлас с Амиром Довудом дуглатом расстелили свернутый белый войлок перед аргамаком салтаната. Вновь запели карнаи, торжественно грянули барабаны. Темурбек прямо с коня ступил на белый войлок с узорчатой бахромой... С правой стороны войлок держали амиры племени барлас, с левой – бахадур дуглатов и арлатов, за другие концы взялись главы других родов.

¹ Небо, согласно мусульманской религии, состоит из девяти ярусов.

² Минбар – возвышение в мечети, с которого имам читает проповеди

Со словами: «Бисмиллохир рахмонир рахим!»¹ осторожно подняли войлок с земли. Народ, увидев сидящего на нем Амира Темура, радостно приветствовал нового правителя. Площадь торжестующе зашумела, оглушительно грянули карнаи и сурнаи. Повсюду звучали поздравления:

- Да будет так! Поздравляем!
- Да будет благословенен!
- Да будет удел счастливым!
- Слава! Слава!

Скандируя слова приветствия, амиры и военачальники под одобрительные возгласы людей девять раз обошли площадь с царственным войлоком, на котором сидел Амир Темур – султан Турана. Затем бережно опустили его на роскошное сури. Амир Темур не спеша, по обыкновению стараясь не показывать своей хромоты, по ковру направился к золотому трону...

– Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! – произнес Сахибкиран и неторопливо взошел на трон... Девять раз подряд грянули карнаи. Видные государственные мужи: вельможи, сановники, тысячники, десятники, главы всех родов девять раз преклонили колени, воздавая почести султану Чагатайского улуса Его Величеству Сахибкирану Амиру Темуру.

Площадь ликовала. Все были счастливы – свершилось, Амир Темур стал единым властелином Турана. Но лишь Амир Темур понимал, что это только первый шаг на пути к великой цели...

Так с 771 года хиджры² в год Собаки по восточному календарю на мировой арене появилась новая династия, господствовавшая около пятисот лет. Ни один царский род не господствовал так долго. Начало династии положено Его Величеством Сахибкираном Амиром Темуром.

Вечером того же дня в честь нового салтаната на площади Чорсу был дан грандиозный ифторлик³. Празднества прошли во всех городах страны.

Во все страны были отправлены послы с официальным фатхнома⁴ о восшествии на престол Сахибкирана Амира Темура, султана Турана.

Глава двенадцатая

I

Теперь Джахангир Мирза как наследный принц должен думать о судьбе родного края, заботиться о могуществе салтаната. Он опора и единственная надежда Сахибкирана Амира Темура. Другие братья еще совсем несмышлениши, младшему Мираншаху Мирзе исполнилось только четыре годика.

Царский караван, возвращаясь из Балха в Самарканд, растянулся на несколько десятков фарсахов.

Джахангир Мирза отпустил поводья, лошадь медленно вышагивала по дороге, в такт ее размеренному шагу принц неторопливо обдумывал пережитое. Сообщение десятника, что эта дорога через Бухару ведет в Хорезм, неожиданно взволновало его. Он вспомнил: уже светало, когда они прибыли к Жейхуну. Река тогда показалась ему огромной серебряной лентой. Там на мосту, глядя на быстро текущую в сторону Хорезма воду, он затосковал. Его сердце переполняли такие же, как эти воды, бурлящие и мутные, как этот весенний паводок, чувства. Эх, была бы возможность, поплыть бы в сторону Хорезма! Примчала бы его великая мать-река к заветной мечте... его луноликой... Забрать бы ее с собой, показать бы ей отчие края, насладясь, как Туроглан и Онабури, счастьем вечной любви...

Да и сейчас забыть бы обо всем, пришпорить коня и пуститься галопом в Хорезм к своей любимой! К тому же десятник Ахий Джаббар знает те края.

¹ Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

² 9 апреля 1370 года

³ Ифторлик – ежевечернее розговение в дни мусульманского поста (уразы)

⁴ Фатхнома – послание о торжестве.

О-о-о, Хорезм! Загадочная страна! Что это за край! О своей любви к Ханзаде ханум можно поведать лишь бабушке Кутлуг Туркан ока. Бабушка поймет. Больше никому нельзя довериться. Хотя... если намекнуть об этом своему десятнику? Во-первых, он сохранит его тайну как свою, во-вторых, что очень важно, он хорошо знает этот край. Надо учтиво поддержать разговор, прикинуться человеком, которого совсем не интересует Хорезм, приличия ради задать несколько наводящих вопросов о городе, хорезмшахе, дворце, рынке... попросить рассказать об увиденных чудесах...

– Что с вами, мой принц? Что беспокоит вас? Рана в ноге дает знать о себе? – спросил Ахий Джаббар, приблизившись к уехавшему вперед принцу. Разговора о Хорезме не получилось. А в это время царский караван приближался к крепости Карши.

Глядя на толстые стены крепости, десятник вспомнил, что она была построена лет десять назад самим Темурбеком, вернее, так ему рассказывали.

Джахангир Мирза обрадовался, что Ахий Джаббар сам начал разговор и попридержал поводья.

– Нет, нет! Ничего особенного! Слава Аллаху, рана не тревожит! – улыбнулся принц. Он судорожно соображал, как повернуть разговор в нужное русло. – Вы говорили на перекрестке, что одна из дорог ведет в Занжирсарай?

Ахий Джаббар обрадовался, что принц спросил о дороге. Может, начнет расспрашивать и о Хорезме...

– Да, эта дорога ведет к Занжирсараяу.

Принц надеялся, что Ахий Джаббар тут же начнет рассказ о Хорезме, но дальше Занжирсарая разговор не пошел. Так, спокойно, еще Бухара впереди, а потом и Хорезм...

– А сколько дней до Бухары?

– Если без остановок, то за два-три дня, думаю, можно добраться... – И тут же неожиданно добавил: – Но до Хорезма гораздо дальше...

Сердце Джахангира Мирзы учащенно забилося. Он постарался показаться равнодушным

– Дальше, говорите? Наверно, дней десять добираться? Или больше?

Ахий Джаббар был вне себя от радости. Значит, принц хочет услышать о Хорезме. Именно то, чего он и добивался!

– Дорога длинная, мой принц, – снова повторил Ахий Джаббар. – От Занжирсарая до Бухары пролегает через голую степь.

Ахий Джаббар тайком посмотрел на принца, убедившись, что тот слушает его с большим вниманием. «Я еще не дошел до самого интересного... – подумал десятник. – Вот начну рассказ о своем пребывании во дворце Хорезмшаха, о всяких там чудесах и, самое главное, о Ханзаде ханум – красивейшей во всем мире дочери Ок Суфи, младшего брата Хорезмшаха, принц еще больше заинтересуется. Но стоит ли рассказывать о Ханзаде ханум?..»

«Слава богу, дошли до Гурганжа, – подумал принц. – Лишь бы теперь его не понесло в другую сторону. Надо засыпать его вопросами, но быть внимательным, вопросы должны быть интересными, чтобы десятник не смог ни о чем не догадаться!..»

– А что это за город, Гурганж?..

Увлеченные беседой, принц и десятник не заметили, как царский караван вошел в крепость. Было объявлено, что царский обоз простоит в Карши пять дней, а затем отправится в родной город Кеш.

– Гурганж – очень древний город, столица хорезмшахов. Его построили во времена хорезмшаха Атсиза, а при Мухаммаде Хорезмшахе город прославился на весь мир. Но во время нашествия Чингисхана город был потоплен...

– Потоплен? Неужто?..

Джахангир Мирза приостановил лошадь, затрусившую рысью. На самом деле, он хорошо знал и историю Хорезма и, конечно, историю Туркестана. В семье Амира Темура большое внимание уделялось образованию детей, особенно изучению истории. Но сейчас он специально делал вид, что слышит обо всем впервые.

– Да! Не смог Чингисхан захватить Гурганж, не сдался город, и тогда он, перекрыв

Жайхун, направил ее воды в город.

– Жаль!.. – Покачал головой Джахангир Мирза. – Значит, Гурганж до сих пор потоплен?

Ахий Джаббар пылко поспешил заверить, что город сейчас стал красивым и благоустроенным, с многолюдными рынками, оживленными торговыми лавками, караван-сараями, мечетями и медресе:

– А что за человек хорезмшах Хусайн Суфи? – вынужден был перебить Джахангир Мирза, видя, что Ахий Джаббар не на шутку разошелся. – Расскажите о нем.

– Хорошо, мой принц... Хусайн Суфи сын Тонгадая из рода кунгратцев... У них давняя дружба с Амиром Кайхусравом, судя по тому, как он меня встретил со всеми почестями. Но его младший брат Юсуф Суфи, говорят, упрям и очень вспыльчив... У хорезмшаха весьма роскошный дворец! Великолепный дворец! Резные столбы, разукрашенные стены, высоченные ворота... А гробница Турабики... Да, стар и млад в Хорезме только о ней и говорят...

Ага, о ней говорят. Джахангир Мирза подумал, что, наконец, близок к цели, дошла очередь и до его любимой красавицы Ханзады ханум, и поспешно спросил:

– Так! Так!.. А это кто?.. О ком весь народ Хорезма говорит?

Он думал, что вот сейчас услышит: «О ком? О несравненной красавице Ханзаде ханум!». Однако десятник, кашлянув, заговорил совершенно о другом:

– Вы знаете, когда свирепые нукеры Чингисхана пришли с войной в Гурганж, великому шейху Нажмиддину Кубре было семьдесят лет. Он, несмотря на уговоры и просьбы приближенных, возглавил хорезмское войско с флагом в руках и встретился лицом к лицу с жестоким противником. Первая же вражеская стрела безжалостно сразила шейха, крепко державшего древко знамени!.. Хотели вырвать знамя из его рук, но не смогли, вот так... рука окончена со знаменем, пришлось спилить нижнюю часть. В Хорезме я не смог посетить священную гробницу этого великого человека... Мавзолей находится почти рядом с караван-сараяем Кайсария...

Джахангира Мирзу стало немного раздражать многословие Ахия Джаббара.

Ахий Джаббар умолк. «Что же ему еще сказать? Рассказал обо всем. Теперь... Рассказать о Ханзаде ханум или лучше промолчать?» – растерянно размышлял Ахий Джаббар.

И тогда Джахангир Мирза вдруг спросил:

– У хорезмшаха есть дети, много у него сыновей?..

Десятник бросил быстрый взгляд на принца – его живые глаза светились лукавством. Вот теперь можно спокойно рассказать. Принц сам спросил.

– Да, очень много! – поспешно ответил Ахий Джаббар. – О сыновьях ничего не знаю... Но, говорят, у Ок Суфи, брата Хусайна Суфи, есть одна-единственная дочь, о ней много я слышан, мой принц. От мала до велика, все взахлеб говорят о ней.

Джахангир Мирза покраснел, затрепетал.

– Взахлеб говорят о ней? Не понимаю, что это значит...

Тут Ахий Джаббар дал волю своему красноречию:

– Да, мой принц, взахлеб говорят, всякий от мала до велика говорит о ней так сладко, будто мед капает из уст. Говорят, она так прекрасна и чиста, как полумесяц в звездную ночь, ее имя стало легендой. О ее неземной красоте в Хорезме певцы слагают песни, поэты – газели... Поэт Хорезми сложил такой чудесный стих об этой нежной прелестнице, что за душу берет! Всего раз слышал и запомнил.

– Ну, прочтите, – заинтересовался принц.

– С превеликим удовольствием!

Десятник начал вдохновенно декламировать:

*О светоч мира! Красота твоя,
Как сад Эдема, пышно расцвела.
Своим дыханьем, как пророк Иса,
Умерших воскрешать бы ты могла.
Рубин померк, взглянув на твой рубин,
И роза ворот свой разорвала.*

*Увидев солнце твоего лица,
В смятенье на ущерб луна пошла.
Мир озарен твоею красотой,
Она - творцу предвечному хвала!
Я от кудрей твоих сошел с ума,
Ты пламенем очей меня сожгла.
За родинку твою, за поцелуй
Бессмертие душа бы отдала!¹*

Я часто слышал, как люди читают эти строки, мой принц...

Словно не поэт, а сам принц сочинил эти строки! Как точно они отражают его чувства! Джахангир Мирза молча слушал, боясь каким-нибудь вопросом прервать рассказ о своей далекой возлюбленной, изо всех сил, между тем, стараясь казаться безразличным. Лошади, словно понимая всю деликатность беседы, вышагивали размеренно и неторопливо.

Десятник, увидев, что его рассказ пришелся по душе принцу, продолжал:

– Говорят, эта луноликая красавица очень мудра... не по-женски смела и умна! К ее советам прислушиваются достопочтенный отец и ее дядя-правитель. Хусайн Суфи, оказывается, любит повторять, что калым за дочь будет равен пятилетнему хараджу² его государства! Ой-ей-ей! Вот это да! Калым размером в пятилетний харадж целого салтаната! А когда приезжают послы из других царств или собирается совет старейшин, она сидит рядом с хорезмшахом как визирь. Да-да, как визирь! Дает свои мудрые советы...

– А как зовут эту мудрую девушку?.. – выпытывал принц.

– О-о... увлекшись рассказом о ее достоинствах, забыл назвать имя принцессы! – воскликнул Ахий Джаббар. – И имя ее прекрасно! Ее зовут Севинч бика! Но известна она больше как Ханзада ханум. Она внучка чинигизида Узбекхана. И самое удивительное то... – здесь Ахий Джаббар не мог сдержаться и прыснул от смеха. – Прошу меня простить великодушно... К ней сватаются многие, но умная девушка никому не дает своего согласия. Говорит, что ни за кого замуж не выйдет.

– Что вы говорите! Почему? Да... Да... Ну? Ну так что? – в замешательстве спросил принц... Тут он вспомнил сватовство Амира Хусейна. Ахий Джаббар заметил волнение принца, слегка удивился, но, не показав виду, спокойно продолжал:

– Однажды пришли сваты от самого Урусхана – хана Золотой Орды...

– От Урусхана? От этого старика?

– Да, от него. Не согласны были и Хусайн Суфи, и Ок Суфи. Но не знали, что ответить. Если откажут, тот пойдет на них войной. Тогда Ханзада ханум, нужно отдать должное ее уму, успокоила Хусайна Суфи и Ок Суфи словами: «Мой достопочтенный отец и дорогой дядя, вы не тревожьтесь, я сама отвечу сватам!».

– Неужто сама встретишься со сватами? – удивился принц.

– Да... Все только об этом и говорят. Как в сказке, мой принц. Как вспомню, не могу сдержать смеха. А дело было вот как. Встретившись со сватами, Ханзада ханум сказала:

– Если Его Величество Урусхан хочет жениться на мне, пусть пришлет мне вот какой калым...

– Ие! Значит, Ханзада ханум дала Урусхану свое согласие?.. – принц резко перебил Ахий Джаббара, натянув поводья, его ясные глаза беспокойно заискрились. – Если она попросила калым...

– Не-ет! – сказал Ахий Джаббар, смеясь. – В том-то и соль. Ханзада ханум просила Урусхана прислать калым... Но калым какой-то странный.

– Мне не нужно ни годового хираджа, ни других богатств и сокровищ, – пояснила мудрая девушка. – Пусть все оставит себе. А в качестве калыма пусть пришлет мне десять ягнят, двадцать волков, тридцать тигров, сорок жеребцов, пятьдесят недоузтков, шестьдесят мерингов, семьдесят иволг, восемьдесят младенцев, девяносто жаворонков, сто

¹ Стихи из «Книги о любви» поэта Хорезми XIV век. Перевод с узбекского В.Державина.

² Харадж - поземельная подать, дань.

круглых яиц! Этого будет достаточно.

– Всего-то! И этого достаточно для калыма?.. – удивились сваты. Они думали, что девушка попросит несколько тысяч верблюдов, груженных сотнями тюков шелка, сундуки с драгоценностями, ларцы с золотом, парчовые одежды...

– Это и есть мой калым! – ответила Ханзада ханум. – Больше ничего не нужно.

Ошеломленные услышанным, сваты Урусхана возвратились восвояси...

Джахангир Мирза не понял, что имелось в виду под этим загадочным калымом, он был удивлен и ошарашен. Собрать такой калым нетрудно, он испугался, что его возлюбленная достанется другому. Для такого царя, как Урусхан, собрать такой калым – пара пустяков...

– А потом? Дальше что было! Прислал Урусхан калым?

– Подошли к самому интересному месту... – улыбнулся Ахий Джаббар, окинув взором окрестности. Лошади шли мерным шагом, до усадьбы они еще не доехали. – Рассказывают, что сваты, возвратившись домой, передали слово в слово условия невесты. Урусхан задумался. Собрал учнейших мужей своего царства, сказал: «Эй, проницательные из проницательных! Мудрейшие из мудрейших! Кто сможет объяснить, что это за калым?» Ученые все поняли и были огорошены умом девушки. Но они не знали, как объяснить царю условия невесты. Наконец, один умный из умнейших взял на себя смелость растолковать смысл калыма:

– Очень странно...

– Смысл таков: «Десять ягнят означает, что ей только десять лет, пока она еще ягненок, двадцать волков – хан в двадцать лет был силен, как волк, обладал цепкой хваткой, тридцать тигров – в тридцать лет набрал он силу, как тигр, сорок жеребцов – в сорок лет, как жеребец, был резвым скакуном, пятьдесят недоузdkов – в пятьдесят, как взнузданная лошадь, стал проницательным, человеком блестящего ума, шестьдесят мерингов – в шестьдесят лет он стал как усталая кляча, семьдесят иволог – в семьдесят лет, как певчая птичка: на языке есть, а в душе пусто, восемьдесят младенцев – в восемьдесят будет беспомошен как младенец, девяносто жаворонков – в девяносто язык заплетается как у жаворонка, сто круглых яиц – в сто лет человек колышется, как яйцо, но не может встать с места...» После этого от Урусхана не было ни слуху, ни духу – нет вестей ни о сватах, ни о калыме. В Хорезме все знают об этом случае...

Джахангир Мирза, услышав толкование калыма, неожиданно для себя расхохотался. Искренний смех принца разбудил пыльную улицу города, казавшуюся безжизненной под палящим солнцем. Амиры и другие подданные тоже засмеялись, хотя и не знали, в чем дело. Джахангир Мирза слышал о несравненной красоте Ханзады ханум, был пылко влюблен в нее. А теперь, узнав о ее проницательности и уме, полюбил душе прежнего.

О, Ханзада ханум! Ханзада ханум! Что ты за ангел?! Еще я не видел твоего прекрасного лица, подобного полумесяцу, но ты уже так сильно заставляешь страдать мое сердце, если мне посчастливится быть рядом с тобою, думаю, что сгорю в пламени своей любви... Пусть, сгорю, превращусь в пепел, но своим великодушием воскрешай меня снова и снова, уничтожай каждый раз, но одной своей улыбкой осчастливь для новой жизни!..

Ахий Джаббар удивился, что Джахангир Мирза как-то вдруг изменился. То внимательно, не перебивая, слушал его рассказ, то вдруг расхохотался. От Ахий Джаббара не ускользнуло, что принц как-то воодушевился, узнав, что Урусхан больше не отправлял своих сватов.

– Значит, вы говорите, что Ханзада ханум ни за кого не пойдет замуж. Так? – весело спросил Джахангир Мирза. – Говорит, не выйдет. Не выйду, говорит.. Ха-ха-ха-ха!..

– Да, мой принц! Говорит, что не выйдет ни за кого... – ответил Ахий Джаббар.

Джахангир Мирза сразу перестал смеяться. Его красивые глаза стали задумчивыми. Ахий Джаббар в них увидел отражение душевного трепета и волнения. Это была не боль и страдание, а приятная и затаенная мечта, шемящее неудовлетворенное желание, надежда, борющаяся с безнадежностью. Ему хотелось что-то сказать, но не находилось слов. Лошади замедлили шаг.

– Мой принц... Что с вами?..

– Душа горит... Огонь охватил мое сердце... – еле слышно прошептал Джахангир Мирза... – Начало пожара в Хорезме... В Хорезме...

Принц, пришпорив коня и поскакал вперед. Оторопевший Ахий Джаббар лишь успел крикнуть вдогонку:

– Мой принц! Мой принц!.. Мой принц...

...Через пять дней царский караван направился в Кеш. На перекрестке Карши человек тридцать под видом торговцев отделились от царского обоза и направились в сторону Хорезма. Возглавлял караван с шелками и нарядами Алуфа тавочи, один из самых авторитетнейших людей салтаната. Примкнул к каравану и личный есаул Джахангира Мирзы десятник Ахий Джаббар со своими десятью нукерами.

II

Спешно покинув Самарканд, не останавливаясь для привала ни в Джизаке, ни в Ташкенте, Амир Муса через тридцать дней, валясь с ног от усталости, прибыл в Янгкент. Не желая оставаться в городе, он направился на джайляу. Наконец, в четырех верстах от Янгкента, на одном из живописных склонов холма, установил шатер. Рядом, на другом холме, раскинули свои шатры десять человек во главе с Тармачуком.

Еще в пути до него дошла весть о триумфальном восшествии на престол Сахибкирана Амира Темура в Балхе. Как будто чем-то острым кольнуло его в сердце. Один враг – Амир Хусейн – умер, а другой – Амир Темур – жив! Вдобавок ко всему, Темурбек стал султаном Турана! Говорят, главы всех племен перешли на его сторону, поклялись ему в верности! Других-то можно понять, но как все это пережил Зиндачашм опарди? Если речь заходила о Темурбеке, неважно, критика ли это, похвала ли, хаким Шибиргана Зиндачашм опарди всегда был настроен скептически. Конечно вел себя осторожно, был скрытен. Амир Муса был его закадычным другом. Говорят, Амир Темур после победы в Балхе при раздаче трофеев подарил Зиндачашму опарди жену Амира Хусейна Дилшад оку. Конечно, хотел сделать Зиндачашма опарди своим должником, бросил ему заманчивую кость... да кость, ишь ты, еще какую кость! Ой-ей-ей!..

Что ж, не будем отчаиваться... сейчас нужно найти верных союзников: преданных, хитрых, изворотливых, умеющих держать язык за зубами. Нужно собрать таких людей, которые недовольны Темурбеком, его правлением... Если поискать, такие люди найдутся в улусе.

В первую очередь, он подумал о Зиндачашме опарди. После смерти отца Мухаммада ходжи опарди он правил Шибирганом. Издавна Шибирган являлся одним из тех городов, какие не любили подчиняться. К тому же Зиндачашм опарди хочет править не только Шибирганом. Ему хочется большего... Амир Муса всегда это знал, но не подавал виду. Зиндачашм опарди мечтает сделать то, о чем грезил его отец... Ладно, пусть ворона каркает, себя тешит, но пусть внесет свою лепту в общее дело... Это важнее для Амира Мусы.

Племена ясури имеют свои претензии к Темурбеку... Много претензий. С ними тоже нужно посоветоваться и, если пообещать что-то, они тоже могут присоединиться... Однажды Амир Жаку барлас за какую-то провинность привязал Махмудшаха Бухари к хвосту шелудивой клячи и при всем честном народе пустил коня вскачь. Сам бы он не решился на такое. Разумеется, по воле Амира Темура.

Амир Муса возлагал надежды и на хакима Хутталана Амира Кайхусрава. Если подобрать ключ к сердцу этого отважного и бесстрашного амира, спеть ему пару дифирамбов, к которым он уж очень не равнодушен, то возможно он возглавит оппозицию. Хоть и очень он вспыльчивый человек, торопится, не задумывается о последствиях, но и им можно воспользоваться...

Амир Муса собирался поговорить с каждым из них в отдельности, пусть каждый думает, что он главный в предстоящей большой игре...

Шатер Амира Мусы, словно юрта кочевника, все вещи лежат нераспакованными, если возникнет необходимость, можно немедленно пуститься в путь.

Вот уж сколько лет, дом Амира Мусы находится в таком состоянии: нет ни покоя, ни

стабильности, всегда беспорядок, неустроенность, беготня, живет как перекасти-поле... Это не нравилось его жене Орзумульк оке. Двадцатидевятилетняя Орзумульк ока была смуглой, миловидной и обаятельной женщиной. Туглук Темурхан, обвинив в предательстве, казнил Амира Боязида, а его жен и дочерей подарил своим амирам и приближенным. Любимая дочь Амира Боязида жалайира Орзумульк ока была подарена одному из известных сановников Карши Амиру Мусе. Симпатичная молоденькая девушка пришлась ему по вкусу. Постепенно Орзумульк ока стала любимой женой Амира Мусы и прибрала к рукам весь гарем. Он всюду брал ее с собой. А спустя четыре года, у них появилась дочь. Девочку назвали Туман ока. Своим лепетом и шаловливостью она умиляла всех. Сладкая, словно горlinkа. Амир Муса любил играть с малышкой, радовался ее забавам, забывая с ней все тяготы жизни. Из всех детей Амир Муса больше всего любил двоих – Амира Мухаммадбека, сына от первой жены, и эту кроху.

Орзумульк ока выросла в городе, она не знала кочевой жизни. Трудно ей было привыкнуть к степи. Сколько слез выплакано по ночам, сколько страданий и горестей пришлось пережить, странствуя по пустыням и пастбищам. Однако смирилась со своей участью и не роптала на судьбу. Стала хорошей наездницей. Но в последнее время все чаще говорила, что хочет жить в городе, что боится пустыни. Она знала, что Амир Муса терпеливо сносит все ее капризы... Умная женщина никогда не переходила границы дозволенного, умела искусно и незаметно добиться своего...

Глава тринадцатая

I

На западе горизонт стал темнеть, пастбище окутала вечерняя прохлада.

Оглядывая бескрайние пастбища, Амир Муса решил еще раз навестить шатер Тармачуков и предупредить их о бдительности.

Перешагнув арык, Амир Муса подошел к палатке нукеров, стоявшей в ста шагах от его шатра. Из нее доносился оглушительный хохот. «Я о чем пою, а кобуз мой о чем?! – осерчал амир. – Хоть всемирный потоп, а им море по колено. Поняли!..».

Нукеры, двадцати-двадцатипятилетние юноши из простолюдинов, не подозревавшие, что их амир у шатра, беззаботно точили лясы, забыв обо всем, будто они одни во всем мире, травили пошлые анекдоты, сквернословили, обменивались непристойными шутками и колкостями.

– Давайте потише, чтоб никто не услышал, – пытался предостеречь один из них.

– Эй, что вы раскричались? Уши вянут...

– Если кто услышит, проклянут ваших отцов... – добавил третий нукер.

Кто-то откликнулся:

– Да кто услышит? Вокруг ни души, поле! А амир наш со своей старшей госпожой...

Эх, а старшая ханум такая свеженькая и хорошенькая...

«Ие! – удивился Амир Муса и встал как вкопанный, превратившись в слух. – Они судачат о нас! А ну-ка, послушаем, что они будут нести!.. Ну-ка...»

– Прекрати! – Это был Тармачук. – Оставим нашего амира в покое. Нет другой темы что ли? Поговорим о наших приключениях! Все! Расскажи лучше что-нибудь с кислинкой! Что-нибудь поинтереснее! – пробасил кто-то недовольно.

– Из своих анекдотов... – подмигнул третий воин своему дружку.

– Хорошо. Анекдот, так анекдот. У одного человека был двадцатилетний сын по имени Бердикул. У него не все в порядке с головой было...

– Как у этого растяпы! – пошутил нукер, указывая на соседа. – У него тоже не все в порядке с головой...

– Не обо мне говорят, а о тебе, разиня! Если бы у тебя была голова, сказал бы ты такое? Даже на это у тебя ума не хватает!

– Да пропадите вы оба пропадом! Не даете дослушать рассказ! Давайте послушаем! – возмутился осторожный нукер.

Нукер-рассказчик, вдохновленный всеобщим вниманием, заливался соловьем:

– Так вот, отец лечил своего малохольного сына у разных лекарей и знахарей. Все в один голос твердили, что вылечили его. Отец решил проверить и попросил приятеля своего сына: «Ну-ка, скажи своему другу: отец твой хочет тебя женить. Посмотрим, что он ответит? Если он выздоровел, сыграем свадьбу...»

– Бердикул, – обратился приятель. – Твой отец хочет тебя женить... А ты хочешь?

– Хочу! – не задумываясь ответил Бердикул, сверкнув глазами.

– Если женишься... Что будешь делать? Ну, скажем, вы с невестой за пологом... Первая ночь...

– Я быстро обниму ее! – оскалился Бердикул.

– Молодец... А потом?

– Быстрее уложу в постель!

– Ие, ие... А потом?

– Потом запущу руки в ее штаны...

– О-го-го!... Проказник! А потом?

– Потом развяжу шнурок на штанах...

– Ну-ну...

– Вытащу шнурок из ее штанов и... запущу бумажного змея!

Юрта разразилась оглушительным хохотом.

– Ну и дуралей! – захохотал Тамарчук, забыв, что запрещал рассказывать такие анекдоты. – Запустит бумажного змея! Ха-ха-ха-ха! Не бумажным змеем заниматься надо, дуралей, а своим... змеем!

От дружного хохота палатка чуть не развалилась! Анекдот понравился и Амиру Мусе, но он не издал ни звука. Кажется, этим анекдотам не будет конца. Он громко кашлянул и позвал:

– Тармачук! Эй, Тармачук!

– Слушаю, мой амир! – выбежал Тармачук из юрты. Вслед за ним выбежали и прочие нукеры.

– Со стороны Янгкента поставь двух часовых! Если услышат что-нибудь, пусть сразу дадут знать! Понял? Не прозевайте!

– Мы только что собирались... Я сам буду караулить!..

– Молодец!

Тармачук взял с собой нукера-остряка и они направились к дороге, ведущей в Янгкент. В четырехстах шагах от стойбища дозорные встали в караул.

Амир Муса, возвращаясь к своему шатру, почувствовал себя веселее. Пошлые остро- ты воинов помогли ему отвлечься, взбодриться. Плохое настроение как ветром сдуло. Сегодня он обязательно посетит свою пухленькую любимую женушку Орзумульк ханум. Сколько дней он не прикасался к ней!

Амир Муса, кашлянув, вошел в шатер. Супруга, увидев его, встала навстречу.

– Все ли спокойно? – взволнованно спросила Орзумульк ока. – Приподзнились что-то, амир мой...

При свете колеблющейся свечи Орзумульк ханум заметила, что лицо мужа как-будто посветлело, значит, настроение амира улучшилось.

– Спокойно, Орзу...

– Задержались там... – Орзумульк ока внезапно поменяла тему. – В этой безлюдной пустыне живешь в постоянном страхе, боишься, что вот-вот несчастье свалится на наши бедные головы. Аллах, спаси и сохрани!

– Орзу... Знаю, замучил я тебя. Дом наш в Карши осиротел без нас. – Амир Муса сел на бархатный тюфяк. – Но... Сама знаешь причину наших скитаний. Темурбек захватил власть. Один мой враг умер, а второй... Я его тоже уничтожу!

– Вы должны найти верных единомышленников, мой амир! – сказала Орзумульк ханум, сверкая красивыми глазами. – Не доверяйте всем! Опирайтесь на племя жалайиров, да, на жалайиров! Как-никак вы им зятья! А зятьям оказывали почтение даже пророки. Если заманите их всеми правдами и неправдами, пообещаете что-нибудь, они пойдут за вами. Они падки на чужое богатство, за копейку удавятся. И доверчивы, к тому же...

– Правду говоришь, Орзу...

Он уставился своими рыбьими глазами на Орзумульк ока... Его супруга очень красива, молода и чувственна... Хорошо сложена... Орзумульк ока поняла красноречивый взгляд своего амира. «Вай... Кажется, сегодня он останется у меня...», от нахлынувших чувств лицо ее вспыхнуло.

В этот момент четырехлетняя Туман ока, спавшая на семислойной постели, беспокойно заворочалась. Орзумульк ока подошла к ней и принялась убаюкивать. Жена стояла спиной к Амиру Мусе нагнувшись над дочкой, подол ее белого шелкового платья приподнялся, и при свете свечи ярким пламенем вспыхнули ее красные шелковые шаровары... Амир Муса не смог разгадать, сделала это Орзумульк ханум специально или ненамеренно. Он любил этот наряд жены – белое платье и красные шелковые шаровары. Почувствовав сильное влечение, амир, причмокивая, словно пробуя что-то на вкус, незаметно подкрался сзади и обнял свою пышечку. Почувствовав горячее дыхание мужа, Орзумульк ока кокетливо прошептала: «Еле усыпила вашу дочь... РазбУдите ее...» и отодвинула цепкую, уже блуждающую по ее упругой груди, руку Амира Мусы... Орзумульк ока чувствовала, что ее амир готов взять ее прямо сейчас...

– Подождите, свечу потушу ... – Орзумульк ока ловко выскользнула из объятий мужа и стала стелить постель. Сгоравший от нетерпения Амир Муса наспех разделся и растянулся на мягкой постели.

Из верхнего отверстия шатра потянуло приятным весенним ветерком.

Орзумульк ока, оставшись в нижнем белье, поднесла свечу к двери шатра. Она намеренно оттягивала время, дразня Амира Мусу. В полумраке ее приятные округлости напоминали китайскую вазу из тончайшего фарфора. Она подошла к дочери поправить подушку, снова нагнулась, демонстрируя мужу свои прелести...

Когда красавица легла в постель, Амир Муса порывисто обнял ее, будто впервые! Упругий бюст Орзумульк ока нежно уперся в крепкую грудь мужа... Это еще больше распалило амира, и он стал жарко целовать ее лицо, шею. Жена стонала, извивалась, делала все, чтобы угодить мужу... Амир Муса в этот момент забыл все: мир с его жестокими правилами, вражду между амирами, погоню за чинами, борьбу за власть, скитания, заговоры! Бойцовый петух только сел на насест и, расправив крылья, хотел было прокукарекать, как снаружи раздались тревожные голоса:

– Мой амир! Господин амир!.. Мой амир!..

Эта был голос Тармачука. «Э, будь проклят твой амир, и тебе тысячу проклятий! – выругался про себя Амир Муса и сердито закричал: Что стряслось? Что за спешка? Все испортил, негодяй!»

Амир Муса быстро оделся и вышел из шатра. В тридцати шагах от него стоял встревоженный Тармачук.

– Мой амир! Приехали послы от Его величества Амира Темура! Хотят срочно видеть вас. Говорят, что у них нет времени, – озабоченно доложил Тармачук.

– Сколько их? – Амир Муса подумал, что если людей Темурбека много, то лучше сейчас же сбежать.

– Человек пять-шесть, – ответил Тармачук.

– Понятно... – прикидывая чем может кончиться дело, Амир Муса, взвесив все за и против, приказал: – Тармачук! Собери ребят! Но двое пусть останутся здесь.

Амира Мусу ждал Аббас бахадур кипчак, один из доверенных людей Темурбека. Они хорошо знали друг друга, раньше часто встречались. Амиру Мусе нравился этот смелый воин. Это он во время спора между Амиром Темуром и Амиром Хусейном, бесстрашно бросился с минарета Арсланхана в Бухаре. Амир Муса тогда был там и своими глазами видел это страшное испытание, восхищаясь его смелостью...

– Господин амир, мы пожаловали к вам с благословенным фарманом Его величества Сахибкирана Амира Темура! – сказал Аббас бахадур после приветствия. – Амир Сахибкиран велел, чтобы вы, уставший от скитаний и мук, прибыли к нему вместе с нами...

– А где находятся в настоящее время Его величество Сахибкиран? – уклонившись от прямого ответа спросил Амир Муса, желая хоть что-то прояснить.

Аббас бахадур, словно ждал именно этого вопроса, окунулся в подробные объяснения. Он с удовольствием рассказал о том, что Сахибкиран после великой победы в Балхе приехал в Кеш, где два месяца отдыхал в кругу близких и родных. Рассказал о том, что центром и столицей государства стал благословенный Самарканд. Аббас бахадур говорил искренне, воодушевленно, он и представить себе не мог, что каждое его слово больно жалит сердце Амира Мусы. Рассказывая о Кеше, он с радостью выложил, что Его величество Сахибкиран Амир Темур женился на дочери Казан Султанхана Сараймульханум, свадьба длилась семь дней и ночей.

– Сохибкиран стал кураганом! Теперь, господин амир, вы стали родственником Его величества Сахибкирана. Поздравляем!

– Благодарю! Благодарю! Да-да... Милость Аллаха безгранична. Поняли... – рассеянно ответил Амир Муса. Он никак не отреагировал на то, что Сараймульханум – дочь его старшей сестры – удостоилась чести попасть в гарем Сахибкирана.

– Мы срочно должны вернуться в Самарканд. – закончил рассказ Аббас бахадур. – И так уже выбились из графика. Задерживаемся больше положенного... Должны были поспеть к началу жавзо¹. Думали, что застанем ваше благородие в Янгкенте, но по глупости заблудились на пастбище и потеряли много времени. Время, что птица, да... Если соблаговолите, прямо сейчас отправимся в путь ...

Наступило неловкое молчание... Джигиты Аббаса бахадура и Амира Мусы стояли, держа поводья и опираясь на сабли. Степной ветер заставлял их ежиться. Амир Муса глубоко задумался.

– Поняли... Мы бесконечно благодарны великому амиру за проявленную к нам милость. Мы счастливы... Конечно же, мы вернемся на родину. Куда же нам податься, если не домой?.. Вы правы! Нужно скорее пуститься в путь. Но сейчас уже полночь. И, я гляжу, ваши ребята изрядно устали. Пусть передохнут. На рассвете двинемся. Вы отдохнете, а мы пока соберемся.

...Аббаса бахадура разбудили солнечные лучи, бившие в глаза. Солнце давно взошло, а его нукеры все еще спали богатырским сном. «Ох, ты черт! Вот бес попутал!» – чертыхнулся Аббас бахадур и стал будить ребят. «Странно, почему господин амир не разбудил нас? Наверно, пожалел, дал возможность хорошенько отдохнуть перед дальней дорогой», – подумал посол Амира Темура.

Аббас бахадур оглянулся, странно, от вчерашних шатров не осталось и следа. В голой степи никого, кроме них, ни единой души. Только в четырехстах шагах от них еще дымятся два-три очага: значит, здесь еще недавно были люди. Амир Муса как сквозь землю провалился. Еще ночью он с домочадцами и нукерами куда-то исчез...

¹ Жавзо - название третьего месяца солнечного года, соответствующего период с 22 мая по 21 июня.

Мухаммад Юсуф (1954-2001)

Он был истинно Народным поэтом Узбекистана. Его стихи, на первый взгляд, казались очень простыми, но каждая строка блистала удивительной образностью. Только он мог мечтать, превращаясь в дорожку, на которую падают листья душистого базилика, утешить пригорюнившийся из-за скоротечности своей жизни мак (ведь маки живут только один день!), назвать снег «милым другом», просить маки украсить его могилу...

Его стихи сразу же становились песнями, их знали и любили, как говорят узбеки, «люди от семи до семидесяти лет», потому что они были очень искренними, правдивыми и музыкальными.

По форме они вполне вписывались в классическую традицию и одновременно, представляли нечто новое.

Благодаря рифме его стихи получали четкий ритмико-композиционный рисунок и это усиливало мелодичность и напевность.

Он умер рано. Но успел оставить богатое наследие: более десяти стихотворных сборников («Знакомые тополя» («Таниш тераклар»), «Хочу говорить с соловьем» («Булбулга бир гапим бор»), «Спящая девушка» («Уйкудаги қиз»), «Корабль любви» («Ишқ кемаси») и др.), несколько поэм и баллад.

26 апреля этого года ему исполнилось бы 60 лет...

*В моих стихах нет благозвучья, право,
Но сердца боль – строфе оправа...*

(перевод Розы Казакбаевой)*

Признание

*Судьба, зачем меня ты сделала поэтом?
Да разве для мужчины мука эта...
И легион поэтов – скажем им в глаза –
Дешевле для меня, чем мамина слеза.*

*Я – поэтический изгой. СознАюсь,
Что я с лирической братией не знАюсь.
У них в стихах сады и соловьи, цветочки.
Довольно... Я дошел до точки!*

*Хотя в моей душе ржавеет суховей,
Единственный в саду я – соловей.
В моих стихах нет благозвучья, право,
Но сердца боль – строфе оправа.*

*Судьба, ведь я прошу кетмень, а ты даешь перо.
На сельский труд мне лучше дай добро.
Где, ниве поклоняюсь, я буду жать пшеницу,
Сбирая колос в жесткую десницу!*

*Нормальные поэты вон – в тенечке
Для будущего лепят строчку к строчке.
И, Абдулло Орипова ругая,
Пекут стишочки под журчанье сая.*

*Судьба, позволь мне стать обычным человеком,
Оптимистично топать в ногу с веком.
В моих стихах ведь даже смысла нет...
Твой дар – мираж. Я не поэт.*

*Судьба, смотри: сверкая, жизнь гремит,
Клокочет, радужные волны мчит.
Мои стихи пред нею – безделушка,
В ночном лесу погасшая гнилушка.*

*В моих стихах и доли жизни нет.
Кому нужна трава, луна, любовь... Я не поэт.
И поэтический свой дар я отвергаю.
Писать стихи (и прозу) прекращаю.*

* Роза Казакбаева. Родилась в 1949 г. в Учкургане. В 1972 г. окончила факультет русского языка и литературы Наманганского университета. Работала преподавателем русского языка и литературы, занималась творческой работой: автор переводов, повестей и рассказов.

*И если ночью на одно мгновенье
Ко мне нагрянет вчуже вдохновенье,
То днем ни строчки я не сберегу.
Я все предаю огню! Я все сожгу!*

Тюльпанчик мой любимый...

Памяти Шавката Рахмона

*Что, уйдя, оставлю?
Томик небольшой,
Книжек пару сундуков,
Холмик земляной.
Мне вослед что скажут –
Только звук пустой,
Ну а ты, родная,
Что будет с тобой?
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Как уйду, сторонись
Ты плохих людей,
Их, красавица моя,
Избегай когтей.
Все невзгоды в одночасье
Схлынут, как вода –
Нечестивцу лучше
Не стать никогда.
Ты держись подальше
От толпы людской,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Хоть прикован к ложу,
Вижу сердцем я:
Птицы возвращаются
В милые края.
Немошному барду
Их крылатый взмах
Тихий крик прощанья
Замер на губах.
Зовы откликаются
Свежей синевой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Я к весне истаю,
Не увижу стаю,
Мне не выйти на айван
Проводить их караван.
Осень. Пора свадеб.
Я б сердце разорвал –
Ни одну дочурку
Замуж не отдал.
Знать, не видеть свадьбы
Предписано судьбой,*

*Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Сердцем я предвижу,
Что после меня
Двор наш улыбнется
Свадебным гостям.
Ты еще устанешь
Праздники справлять,
Еще жизнь подарит
Счастье дочерям.
Чист наряд невесты,
Чист, как я душой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Сядь, цветок, поближе,
Уйти не спеши,
Чудеса земные
В сердце запиши.
Кому участок нужен,
Кому банкнот мешок,
Мне же нужен ВОЗДУХ,
ВОЗДУХ нужен впрок.
Живые полны дремой,
Бдит мертвый, как живой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*Грудь моя сгорает,
Сердце пылает...
Скажите докторам –
Пусть его вскрывают!
Телу истлеть в земле,
Сердце вмиг завянет,
А бедняга-душа,
Что с нею станет?
Теперь небо далеко,
Лишь в земле покой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

*На земле жизнь такова,
Не забудь мои слова:
Время есть цветению,
Время есть забвению.
В моем сердце всегда
Ты, любовь, была.
Над могилою моей
Будешь ты одна.
Чувства нашего во мгле
Быть тебе зарей,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.*

Ты сильным женским сердцем
Пройдешь огонь и воду.
А коль беда случится,
Ты духа не теряй.
Умру я с просьбой к Богу,
Чтобы после меня
Тебя в пути тернистом
Не встретил негодяй.
Ведь руки их – ловушки –
Полны злобной тьмой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.

Ну, а если что-то надо,
Обратишься к Мухаммаду.
Я из всех поэтов
Верю лишь ему:
Стих он сердцем проверяет,
Хоть, бывает, выпивает,
Душой чистой наделен,
Как поэт непревзойден.
Только он молодой,
Только слишком простой,
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.

Ищет покоя тело больное,
Но это смертный покой.
Сердце ударит последний раз,
И жизнь улетит стрелой.
Я завтра отдам тебе поцелуй,
И землю-мать обниму.
Не удивляйся, если ресниц
Больше не подниму.
Только прошу –
Не плачь надо мной,
Тюльпанчик сиротливый,
Алый мак степной.

Математика

Математика, твой путь вечной тайной будет,
Ведь единожды один – то один и будет.
Вон в окно глядит на нас ветка яблони.
Облака на небесах – завтра дождь будет.

Математика, мне с ливнем прыгать хочется,
Быстро формулы решать тоже хочется.
А миндаля веточка мне в окно глядит,
Всех жуков поцеловать в саду хочется.

Математика, язык твой понять хочется,
Камень бросить в тебя очень хочется.
Тебе – в небе самолет, а моя мечта –
Мне в обнимку с мятою прикорнуть хочется.

Математика, месяц прочь – новый год будет,
Танк на танк умножать – мертвый пепел будет.
И когда наш шар земной весь в садах будет?
Коль поэтом станешь – вот мученье будет!

Математика, огнем символы пылают.
Ты не знаешь сама, как тебя пытаются.
Зря черешни веточка мне в окно глядит
Срубят ствол на приклад, пули отливают.

Математика, твой путь вечной тайной будет,
Ведь единожды один – то один и будет.
Под ребром под моим горлинка рыдает
Отйду от доски – сразу СТИХ будет.

Послестишие

Детоубийца я. В печи все строфы сжег. О горе мне...
Стихи мои, стена и прошая,
Отринутые, корчатся в огне.
Сиротский из тандыра выгреб прах. Развеять в буре?
Или осыпать глупую главу?
Я жизнь молю: подай спасительную руку,
Позволь мне удержаться на плаву.
Стою один как перст я, бесталанный,
И в омуте бездушия тону.
Судьба, верни мой дар! И до захода солнца
Клянусь, мои стихи тебе верну!

ПОЭЗИЯ

**Людмила
БАКИРОВА**

Родилась в Кировской области РФ. Окончила Ташкентский госуниверситет. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор». Участница Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2003, 2005, 2006, 2008).

Я вовсе тебе не снюсь...

* * *

Девятый видишь сон,
иль слушаешь в пол-уха
молчит твой телефон,
гудки,
а дальше глухо.

Пока ты будешь спать,
и думать – мне не нужен,
придет в мой дом опять
незванный гость на ужин.

* * *

Хочется снегом укрыться скорей борозде,
раннею южной зимой, но пока
снегом не пахнет, и снега не видно нигде,
хотя без перчатки на улице мерзнет рука,
«хочется снегом укрыться скорей борозде»,
вот привязалось – важнее бывают дела,
чем эта строчка, со мной неотступно везде,
словно под кожу прячется где-то стальная игла.
Хочется снегом укрыться скорей борозде,
там, где на дереве пусто и холодно в птичьем гнезде.

* * *

От всех дорог, холмов, от рыжих перелесков,
со dna больших домов, подтянут взгляда леской,
ты весь в моем окне, ты весь в моем зрачке,
как рыба на крючке,
где я стою молчком, откинув занавеску.

Признаюсь – ты мне люб.
В пространстве между нами
зачем уходишь вглубь пустынными дворами,
то медленно, то резко тяну тебя, тяну,
ты, обрывая леску, уходишь в глубину.

* * *

Дождь весь вышел, оставив широкие лужи без дна,
в них с камнями, кустарником, пнями, травой,
ты сама над собой в тусклом небе видна,
под взлохмаченным облаком вниз головою.
По пустынной дорожке идешь над пустынной речкой одна,
рядом с длинной, бетонною, крепкою стеною
обрывается вдруг,
а за нею другая стена,
где земля под твоей уползает ступнею,
а с деревьев вокруг осыпается хна
и невидимый ангел бредет за спиною.

Да, внутри тебя тоже бывает стена,
и смыкается где-то с наружной стеною.

* * *

Ты смотришь в чертополох,
я – на вишневый сад,
на каждый твой выдох и вдох, твержу – обернись-ка назад,
я вовсе тебе не снюсь, лицом к лицу твоему повернусь,
да только что в нем смогу найти,
да только что мне все эти – авось,
нам просто не по пути,
а дальше и дальше врозь.

* * *

А мы, как два сообщающихся сосуда,
отсюда убудет, обратно прибудет оттуда,
каждую клеткой проверено,
сплетаются мышцы и нервы
в итоге –
мы превращаемся в тихое дерево
близ шумной людской дороги.
Под небом Востока в трезвоне – под говор, под шорох, под стук,
мы птиц отпускаем с ладоней на север, на запад, на юг.

* * *

Сближаются все расстояния,
за шагом, за каждым шажком,
откуда оно узнавание
себя в человеке другом?
И если так близко, так близко,
скажу себе – глубже дыши,
чтоб с воздухом свежим порыскать
по всем лабиринтам души.
От первого вздоха, с пеленок,
душа – она тайна во мне,
где жизнь желторотый цыпленок,
увиденный мною во сне.

«...Стремление познать, понять и объяснить...»

(Из малой прозы наших современников)

*О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тщете, недоуменье,
О глазках умирающих детей....*

Общая картина современного литературного процесса во многом напоминает те процессы, которые происходили в 60-е годы прошлого века, но сегодняшние искания обусловлены не «оттепелью», а «метелью» постперестроечного пренебрежения к духовной сфере жизни.

Вниманию читателей журнала «Звезда Востока» предлагается небольшая подборка опытов в прозе, не всегда поддающихся привычному традиционному жанровому осмыслению. Это малая проза наших современников, представляющих литературу разных стран СНГ: России, Молдавии, Армении, малоизвестная или неизвестная нашему читателю. Авторы этих произведений: Игорь Корниенко¹, Александр Евсюков², Рубен Ишханян³, Вика Чембарцева⁴, Валерий Былинский⁵ – люди разных поколений, различные по масштабу дарования и признания, тематическим и художественным предпочтениям и исканиям, воплощению своего видения современной действительности. Но всех их объединяет стремление постичь и отразить социополитические, культурно-исторические, социально-психологические знаки эпохи, закономерности и тенденции сегодняшнего дня, выяснить отношения с самим собой, пробиться к смыслам бытия, к собственной человеческой сущности, тому лучшему, настоящему, что определяет суть жизни человеческого духа.

В их произведениях очевидно стремление познать, понять и объяснить сегодняшний мир, найти свой – индивидуальный – «маяк». Искренность и серьезность этого стремления, чувство уважения к разномыслию, попытки зафиксировать приметы нового века, подробности сегодняшней жизни, языковые особенности нового времени, которое, может быть, зачастую и является их главным героем, объединяет авторов предлагаемой прозы и представляет несомненный интерес для читателя.

Редакция журнала "Звезда Востока"

¹ И.Корниенко. Три миллиона пятьсот двадцать три мамы.

² А.Евсюков. День палача.

³ Р.Ишханян. Лик смерти.

⁴ В.Чембарцева. Пророк из спального района.

⁵ В.Былинский. Его жена.

проза

Три миллиона пятьсот двадцать три мамы

Рассказ

Солнце швырялось сосульками с крыш в прохожих. Пришла долгожданная грязная весна, пришла в середине апреля. В комнате, где лежала мама, было слышно, как подтаявшие льдины с грохотом разбиваются об асфальт.

Весенняя бомбежка.

У мамы последние недели всегда закрыты шторы. Солнечные лучи причиняли ей боль. Даже поворачиваясь к ним спиной, мама говорила, что они прожигают ее мозг. Папа занавесил окно темным покрывалом.

– В темноте дышится легче. В темноте всегда лучше. Будто сближаешься с ней. Сливаешься. Исчезаешь...

Сижу возле мамы на табурете. Рядом на журнальном столике куча лекарств: таблетки, баночки-стекляночки, уколы...

– Дождь? – тихо спрашивает мама. – На улице дождь?

– Это капель, мам, с крыш так сильно течет... Прямо потоп.

– Люблю дождь. Небо такое большое, безграничное, сильное, а тоже плачет. Даже небо... Все плачут. Только человек может не плакать. Однажды, Олежка, в твоём возрасте я видела, как плакал наш пес Туман...

Мама часто засыпала на полуслове. Не договорив.

На ней всегда, и теперь, был платок.

– Скоро совсем, как ты, буду лысая, – шутила мама.

Она перестала рассказывать на ночь истории, а я, хоть и ходил уже в третий класс, любил их слушать. Одну, например, историю про картавое привидение я заставлял маму рассказывать по несколько раз в неделю. Теперь читал сам маме. Или рассказывал что-нибудь, выдумывал, сочинял...

– Все писатели любят дождь... Ты тоже станешь писателем...

Я обещал маме, что стану.

По ночам приходила боль. Мама сдерживалась, чтобы не кричать. Только я все равно слышал, как она стонет в подушку, как успокаивает ее папа, как суетится на кухне мамина сестра тетя Нина...

По ночам приходил страх. Я лежал в кровати и боялся, что произойдет что-то плохое. Неправильное. Ненужное. Боялся, что однажды проснусь утром без мамы. Мамы не станет. Болезнь победит и заберет ее от нас...

В одну из таких ночей я и увидел сон. А может, это был не сон... Увидел мертвую бабушку. Мамину маму. Бабушка вошла ко мне в комнату, легонько прикрыла дверь, подошла. Я не испугался, это ведь моя бабушка, ну и что, что она давно умерла?..

Бабушка села ко мне на кровать, погладила по голове:

– Ты помнишь, внучек, что я тебе рассказывала про картинку? Помнишь? – тихо спросила она.

Задумался.

– Про то, что люди на картинках живут вечно?..

– Умница, – похвалила бабуля, – они остаются надолго,

Игорь Корниенко

Родился в 1978 году в Баку, живет в Агдагарске. Лауреат все-российских премий имени В.П.Астафьева в номинации «Проза» и «Золотое перо Руси». Участник Форумов молодых писателей России (2004-2012 гг). Печатался в журналах «Москва», «День и ночь», «Смена», «Полдень XXI век», «Флорида» (США) и др., в сборниках «Новые писатели» (2006, 2007, 2009, 2010). Автор сборника рассказов «Победить море» и пьесы «Человечина».

очень надолго с нами. Всегда рядом...

– Всегда рядом... – повторил и я...

Хлопнула дверь.

– Ты с кем тут разговариваешь? – спросила, входя, тетя Нина.

Смотрю по сторонам: приснилось или нет?

За окном солнце, очередная «бомбежка», а в уголке окна кусочек голубого неба и белое облако, так сильно похожее на лицо мамы.

– Тема сегодняшнего урока рисования «Мой лучший друг», – объявила Татьяна Ивановна, наш классный руководитель. Я нарисовал лицо мамы. Нарисовал как смог.

Коля Толстый, сосед по парте, нарисовал пса Рекса, Оля Сомова попробовала изобразить подружку Вальку, а я...

– Маменькин сынок, – прошипел в ухо Толстый, когда Татьяна Ивановна поставила мне пять, а ему три. «Да, пускай так, я маменькин сынок».

Рисунок показал тете Нине. Она приехала и стала жить у нас через день после первого приступа мамы. Тогда мама отказалась ложиться в больницу...

– Так сильно похоже, – погладила меня по лысине тетя, – прямо копия.

– Копия...

– Молодец, иди поешь, я подогрела.

– Пойду маме покажу.

– Потом, – остановила тетя, – мама только заснула после лекарств.

– Потом? Ладно, потом, – согласился.

А потом маме стало хуже. Она кричала. Папа приехал с работы. Вызвали «скорую». Я все это время сидел в своей комнате с закрытыми глазами и просил Боженьку об одном – чтобы он спас маму.

– Пускай болезнь исчезнет, пройдет, как растворяется все в темноте. Я сделаю все, чтобы мама не болела никогда. Ни в жизнь... Все-превсе... – шептал я.

Теперь я ненавижу это слово «потом». Маму увезли в больницу в третий раз за две недели. Папа со мной почти не разговаривает. Боится. Даже не смотрит на меня. Глаза у него всегда «на мокром месте». Тетя Нина говорит: «Маму должны прооперировать, и операция должна помочь»...

Знаю, что поступил нехорошо – подслушал разговор папы по телефону и услышал это слово. Диагноз. Рак – вот что мучает маму. Он засел, укрылся в голове и стал поедать ее, стал расти. Он пытается выбраться. Он не любит солнечный свет и заставляет выпадать мамины волосы...

Я вспомнил эти такие разные платки, которыми она повязывала голову... Красный с золотыми кистями платок – подарок сестры. Еще три платка подарил папа...

Черный платок я боялся больше всего. Черный цвет не мой любимый цвет. Цвет не жизни. Поэтому я отворачиваюсь и боюсь попов в их черных одеяниях... Разве Божий цвет черный? Бог – это ведь свет... Белый цвет – вот цвет Бога. Золотистый...

Втихаря выкрал ненавистный платок из маминого шкафа и выбросил по дороге в школу в мусорный контейнер в чужом дворе.

«Лучше я сам накоплю денег и подарю маме другой платок. Голубой – как небо».

Мама взяла мою руку, поцеловала в открытую ладонь. Я не выдержал. Заплакал. А ведь обещал, что не буду, сдержусь. Обещал...

– Ну, Олеч...

– Мама...

На маме была белая больничная марлевая повязка, и я сказал, проглатывая слезы:

– У меня тебе подарок.

Мама улыбнулась, и мое сердце улыбнулось в ответ.

Я разбил копилку, копил на футбольный мяч и сегодня купил маме платок такой, какой хотел. Голубой с желтыми и сиреневыми цветами.

– Сынок...

– Я повяжу его тебе на шею. Продавщица сказала, это самый модный сейчас асексуар.

– Что? – переспросила мама.

– Асексуар. Самый модный...

И мама засмеялась так неожиданно, так чисто, зажигающе... Я тоже засмеялся. Мы смеялись вместе, да так громко, что в палату заглянула медсестра:

– Все хорошо?

В ответ мы лишь продолжали смеяться.

Из больницы уходил в отличном настроении. Хотелось бежать по лужам, прыгать в них, брызгаться, кричать... Вышел на крыльцо и тут вспомнил про второй подарок для мамы – школьный рисунок. Залез в карман, достал аккуратно сложенный альбомный лист...

«Мой лучший друг».

Сосулька, крикнув, сорвалась с конька крыши, просвистела перед самым носом и с оглушительным треском разбилась у ног.

– Ой! – вскрикнул. Отпрыгнул. Выпустил из рук рисунок. Не по-апрельски холодный сильный ветер подхватил лист, рисованное карандашное лицо мамы мелькнуло перед глазами и со скоростью пули взмыло вверх. В голубое небо. И выше, и выше...

Сначала я побежал, задрал голову, не замечая луж и кочек... Но вскоре остановился. Рисунок, подарок маме, исчез в небесах.

Долго смотрел в голубую бесконечность. Ждал, а вдруг вернется...

Небо темнело. Хмурилось. Мамин портрет, мне чудилось, все дальше и дальше бумажным ковром-самолетом стремился высь. Навстречу солнцу. Звездам. Навстречу Вселенной. У которой нет начала и нет конца...

Дома не находил себе места. Ходил из комнаты в комнату. Зашел в мамину спальню, шторы все еще были закрыты. На кухне зачем-то включил воду, помыл руки, вернулся в свою комнату... Постоял у окна, небо было темным. А где-то там высоко-высоко...

Вернулся папа, спросил:

– Как дела?

Сказал:

– Маме лучше, – помолчал чуток, – ведь лучше?..

– У мамы через месяц операция, Олег, – начал отец, – это временное улучшение. Понимаешь? Мы должны держать кулаки за маму, чтобы операция помогла...

Я видел, как папе было тяжело говорить, как он подбирал каждое слово. Слово за словом...

– И может случиться так, сынок...

– Я все знаю, папа. Не говори. Я знаю...

Он обнял меня крепко, как никогда. Папа плакал точно так же, как я всего лишь несколько часов назад. Не сдержался.

– Мама поправится. Вот увидишь. Мама будет с нами. Всегда. Я знаю. Знаю способ...

Он молча кивал, соглашался. Слезы, его горячие слезы обжигали мою шею, затекали под воротник и струились, струились...

Собрал все, чем можно было рисовать. Карандаши, фломастеры, краски акварельные, масляные, гуашь, пастель, ручки шариковые, ручки гелиевые, мелки...

Закрылся в комнате и начал рисовать. Рисовать маму.

Потому что люди на картинках живут вечно...

За выходные, субботу и воскресенье, засыпая лишь на пару часов, не завтракая, не ужиная, нарисовал всего сто восемьдесят одну маму. Понимал, надо торопиться и рисовать, рисовать, не останавливаясь, не обращая внимания на истощенные карандаши, иссохшие фломастеры, искрошившиеся мелки, так быстро кончающиеся краски...

Попросил папу купить альбомов, тетрадей...

А кончатся они, буду рисовать на клочках бумаги, обоях, стенах... Себе...

Тетя Нина приносила еду в комнату: надо, так надо...

Только ел я немного, да я и не был голоден. Бывает, остановлюсь на минуту, съем целую луковицу репчатого лука – и снова за карандаш и краски...

Папа послушно приносил листы для рисования, не задавая вопросов. Ни звука. Ни слова ... Папа чувствовал. Папа все понимал...

К маме не пускали. Приходя в больницу, несколько раз я видел ее, стоя в чуть приоткрытых дверях. Мама теперь все время спала, и голубым теплым цветком в белоснежной и холодной палате был платок, повязанный мною. Я не сдерживал слез... Зачем...

Я спешил рисовать маму.

Рисунки висели по всем комнатам. Повсюду... И на потолке тоже...

Мама смотрела на нас отовсюду. Разноцветно-радужная...

Через неделю у меня было тысяча девятьсот двадцать две мамы, и ко мне присоединилась тетя Нина: вдвоем мы нарисуем больше.

– Мамы должно быть много, - говорил со знанием дела я. – Мама – это бесконечность... как небо. Как Вселенная. Как Бог...

А еще через три дня папа молча зашел к нам, сел на полу посреди разбросанных ручек, красок, тетрадных и альбомных листов и стал рисовать (а рисовал он очень хорошо) свою жену. Мою маму...

Мы сбились со счета, когда двухмиллионный портрет мамы повис на нетронutom плафоне лампы в больничной палате мамы...

«Мамы должно быть много...»

Мама дома. На шкафах, книжных полках, телевизоре, аквариуме... На холодильнике в кухне, на газовой плите, стиральной машине... В подъезде, в просветах перил... Мама улыбалась с заборов огородов и гаражей... Сопровождала по дороге в больницу... Мама на автобусных остановках и деревьях в парке... Афишах и досках объявлений... Мама встречала в больничном лифте... Шла по коридору и кружила вокруг колонн... В кабинетах врачей и палатах...

Мама...

За день до операции во сне (или это был не сон?..) я снова увидел бабушку. Она зашла ко мне в комнату, как тогда, прикрыла за собой дверь и произнесла:

– Это первый и последний.

Подошла, протянула мне мой первый рисунок мамы с надписью: «Мой лучший друг» в левом верхнем углу листа и оценкой пять красной пастой в нижнем правом.

– Как?..

Я сидел за столом, положив голову на локти, перед чистым альбомным листом.

– Как? – спросил себя, спросил тишину и подумал: задремал.

Я наблюдал, как в открытое окно жаркий ветер июня запустил сложенный бумажный самолетик. Он покружил по комнате, словно разглядывая мамины разноцветные портреты, а потом легонько приземлился на столе перед моим носом. Я хмыкнул.

«Вот так весточка с неба».

Взял небесного посланника и, осторожно раскрывая самолетик, вдруг почувствовал, как проснулась и улыбнулась мама. Улыбнулась солнцу в окне. Без боли.

Мое сердце улыбнулось в ответ.

– Мама навсегда.

И развернул лист...

«Первый и последний».

проза

День палача

Рассказ

Стук в дребезжащее стекло раскатился по затихшему дому. Кошка метнулась в испуге. К окнам подступил туман, густой и неподвижный. Жена? Нет, рано... Дождавшись следующего стука, Виктор встал, на ходу потирая виски, пересек комнату и вышел в сенцы, раздраженно ускоряясь с каждым шагом. Откинул крючок и дернул дверь на себя. Ранний гость потянулся было к стеклу в третий раз, но тут же убрал руку.

– Чего надо?.. Опять? – хриплым, клокочущим со сна голосом спросил Виктор, признав в явившемся из тумана нового соседа, Тимофея.

– Сделай. Денег дам, – уткнувшись взглядом под ноги, про-
стонал сосед.

Виктор без разговора шагнул к нему, но тут вдруг качнуло так, что пришлось опереться о косяк.

– Проставлюсь без разговоров, готово уже, – заметив како-
во ему, подлил масла сосед.

Виктор постоял, дыша туманом. За эту неделю сосед кру-
жил и домогался его помощи трижды: подстерег за починкой
забора, вынырнул на автобусной остановке, а сейчас вот и до-
мой приперся спозаранок.

Протяжный вой безнадежным призывом донесся до них.

– Вон – слышишь?..

Тимофей с семьей въехал в дом свекра в прошлом меся-
це. Надломленный болезнями Иван Самсоныч уже не ходил.
Дом был отписан дочери много раньше. За ночь после смерти
покойник посинел и раздулся. Виктор с другими нес переме-
ренный широченный гроб по разбитому асфальту и склизкому
глинозему. От самого дома лил обложной дождь.

После похорон Тимофей с напором принялся за починку
забора, запущенный огород и покосившиеся строения. Он
успевал повсюду. Временами, закуривая, как будто прикиды-
вал, насколько дом и участок вырастали в цене с каждым днем.

Но на самом видном месте новых владений оставался тот, с кем
договориться никак не получалось. Пока хозяин был жив, Буран,
хмуро оглядев, пропускал и деловитых докторов, и суетливую ро-
дню. Теперь же выл в сторону кладбища даже в безлунные ночи. Не
брал еды. А при каждой попытке приближения рвался с бешеным
хрипом. И тяжеленная кованая цепь, намертво вбитая железнодо-
рожными костылями в сваю, казалась тогда тонкой истертой бече-
вой. Хозяина больше не было. Никого другого он не признавал.

– Я за ребенка боюсь. Ну, и вообще – прохода нет... – при-
знался Тимофей.

– Сам чего не сделаешь?

– С оружием не дружу. Пацаном еще ствол в руках взорвал-
ся, палец пришивали потом... – и показал на стыке с ладонью
что-то похожее на шов.

У соседа нашлись сигареты и огонь. Они молча высмолили
по одной.

– Я подумаю, – не глядя, сказал Виктор.

Туман ушел вниз и висел клочьями над тинистым ручьем.
Виктор успел продрогнуть в семейниках. Толкнув дверь, вер-
нулся в дом. Там, спасая хвост из-под тяжелой хозяйской ноги,

**Александр
ЕВСЮКОВ**

Родился в 1982 г. в
Тульской области
РФ. В 2007 окончил
Литературный ин-
ститут. Печатался
в альманахах
«Тула», «Артбухта»
(Севастополь),
«Михайловские
чтения» и т.д.
Участник VI, VII и
XII Всероссийских
Форумов молодых
писателей. Лауреат
конкурсов им.
А. Платонова (2011)
и «Согласование вре-
мен – 2012».

выскочила кошка.

День становился жарким. Виктор полил завязи капусты, выкосил бурьян на лужайке, срубил сухие сучья с груши.

Вой и лай весь день. Буран заставил себя уважать с тех пор, как появился и подрост. Огромный, широкогрудый и пружинистый – как не заглядеться издали. Таким, наверно, был в молодости и Иван Самсоныч, последний год с одышкой выходивший потрепать любимца за ухом.

Виктору вдруг жгуче захотелось спросить у кого-нибудь совета, но жена еще не вернулась от родни. Он двинулся было к остановке с телефонным аппаратом, но цифры в голове путались и стало понятно, что номера ему не вспомнить.

Завернул в соседский двор. Буран поднялся: он, казалось, хотел разрешить последние сомнения. С хрипом рванулся с цепи. Он не признал Виктора, как не признавал никого из живых.

– Давай ствол...

Тимофей скрылся и тут же вынес оружие на вытянутых руках.

Виктор принял ружье, примерился и, еще не обернувшись, ощутил тишину: рев за спиной стих.

– Заряжено?

Тимофей кивнул. Но, помня про оторванный палец, Виктор засомневался – не лучше ли перезарядить самому? Однако ствол был начищен почти до блеска, без единой ржавчины. Заводской заряд безупречно сидел в патроннике.

Огляделась. Та же приземистая фигура почудилась ему сквозь забор.

Он подошел ближе: Буран лежал на пороге конуры. Косой луч сквозь крону липы высветил висок и ухо.

Проше было некуда. Виктор поднял оружие. Замер, сверяя прицел. Буран протяжно поглядел и снова положил голову на лапы. Давай!.. Струйка пота скользнула к подбородку. Но он все еще будто ждал чего-то. Зачем, Буран? Почему я?.. Палец затекшей руки дернулся. Грохнул выстрел. Стрелка обдало горячей волной. Тело собаки приподнялось, беззвучно содрогнулось и упало рядом с конурой.

Виктор опустил ружье и зашагал к дому.

Денег он не взял, только водку, и сказал так, что сам удивился своим словам:

– Закопай по-человечески.

Тимофей в ответ было опешил, потом кивнул и выскочил за лопатой.

– Эй, Иванна! – отчего-то по отчеству позвал он супругу.

Кровь застыла бурой лужицей. Положив тяжелое, начавшее деревенеть тело на прогнувшийся лист железа, они с женой доташили его до угла сада. Чуть в стороне от перевившихся узлами березовых и яблоневых корней, Тимофей срыл дерн и подготовил яму по пояс.

Сынишка, взгромоздившись на подоконник, глядел в сторону сада из-под скошенной занавески.

Жена Тимофея огляделась. Страх ушел. Появились усталость и тоска. Муж азартно закидывал яму бурыми комьями. Потом утрамбовал землю лопатой и попрыгал на могиле.

– Хватит, – прошептала она, подумав, что только сейчас вдруг хорошо поняла Бурана.

Поселок будто вымер.

Виктор сел один под навесом возле дома. Влил в себя стакан, водка не брала. Катал в ладонях папиросу и глядел на холодный, перечеркнутый проводами закат.

Лик смерти

Рассказ

Сильно зажмурив глаза, резко откройте их и поглядите на рыжее солнце. В нимбе острых тонких лучей оно только начало подниматься из-за горизонта. Следите за рассветом, начинается новый день. Уже пропел первый петух. Доносятся пронзительные крики стрижей. Они мчатся стаями в поднебесье. Несутся с неопишуемой скоростью. Кажется, их гонит по кругу молодой пастух. Дело его осложняется тем, что птицы порхают в открытом пространстве. Там нет ни равнин, ни возвышенностей. Значит, некуда их загонять. Пастырь только проснулся и еще полон сил. До вечера нужно остаться в форме. Но скоро устанет, ляжет на облако и заснет. Погода не пасмурная, но хмурится, клонит ко сну. Деревья будто пребывают в унынии. Ночью шел дождь, но следа от него не осталось. Только чувствуется особый запах свежести. Теперь небо окрашено в яркий цвет лазури. И если глаза устремлены ввысь, то ноги стоят на холодной земле. Возникает желание опуститься на колени и взять в руки горсть глины. Сползаешь вниз и чувствуешь влажность грунта. Хочешь немного поиграть и попробовать слепить из него по образу своему человека. Вручить свою жизнь ему и знать, что после себя оставляешь след. Он будет предан и, веруя, отречется от создателя. Набравшись смелости, станет бродить по миру. Со временем забудет об отце. А вспоминая, начнет ругаться, мол, почему его на свет извлекли, мало страданий родитель увидел, решил мучения свои передать по наследству. Нетушки, хватит. А когда настанет час, сам породит свое чадо. Поглядит, полюбуется. Срок подоспеет, на раз вздохнет, на два выдохнуть не успеет.

Здание больницы окрашено в белый цвет, создающий ощущение стерильности. Не шумно. Запах лекарств чувствуется слабо, все к нему привыкли. Время почти неподвижно. Врачи и медсестры отдыхают в своих кабинетах, а у больных сидят родственники. Доносятся неотчетливые звуки чаепития: кто-то ложкой мешает сахар, другой пьет большими глотками чай, и каждый раз от соприкосновения с блюдом раздается скрежет. Говорят все приглушенно, потому звуки беседы похожи на жужжание комаров. Гул чередуется с затишьем. Не ведаешь грани между ропотом и безмятежностью. Никто по коридорам не ходит, новых посетителей нет. Санитарка убрала все этажи и раньше отпросилась домой: сегодня день рождения ее первого внука, собирается помочь невестке. С утра вся светилась. «Новых пациентов нет, а все остальные – живы...», - заметила в сердцах. Перекрестилась три раза, поцеловала крест и, переодевшись, вышла. По дороге очень спешила, нужно было

Рубен ИШХАНИЯН

Родился в 1986 году в Ереване. Окончил Российско-армянский (Славянский) госуниверситет. Автор эссе «От антифизика до псевдофизика» (2009), романа «Тюрьма для свободы» (2010). С 2011 года является координатором «Международного Форума переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии».

Редактор сайта «Переводчики стран СНГ и Балтии».

зайти в магазин. Переходя улицу, чуть не попала под машину. Водитель успел нажать на тормоз. Крикнул: «Вот коза! Смотри в оба, когда дорогу переходишь». Она поспешно скрылась в супермаркете.

В одной из палат возле окна стоит пожилой мужчина. Имя его Арсен. Высокого роста, всегда отличался внешним изяществом. Еще в молодые годы отпустил бороду, которая прикрывала шрам на правой щеке. Лысый, с широким лбом и большими серыми глазами, с римским носом и маленьким ртом, с длинной шеей и выпирающим кадыком, с широкими плечами... Не станем подробно описывать человека, которому предстоит умереть от сердечной водянки. Недуг прогрессировал, и это пугало врачей, которые, забыв о традиционной медицине, вновь обратились к народной. Лечение все равно было неэффективным. Временами задыхался, начинал безостановочно кашлять, пил воду большими глотками, чтобы подавить кашель. Другие на его месте давно уже лежали бы и не вставали, а он упрямо ходил по комнате, даже во двор спускался и прогуливался по саду. Общался с другими пациентами, спрашивал, как у них болезнь протекает. Желал здоровья, советовал крепиться и не терять веру. Демонстрировал оптимизм, удачно шутил, а потом уединялся где-нибудь на скамье под деревом, предавался воспоминаниям.

Палата Арсена – маленькая комната, очень тесная. Большую часть занимает двуспальная кровать, которую не с кем делить. Постоянно работает компактный телевизор: футбольный комментатор восторгается игрой своих соотечественников. Лампочка мигает и гаснет, потом снова загорается. На тумбочке лежит нетронутая пачка сигарет, а в пепельнице еще догорает окурочок. Мобильный телефон, лежащий на кресле, безмолвствует. Через открытые ставни Арсен смотрит вниз. Возле здания присела женщина. Дышит она тяжело. Кудрявые волосы разбросаны по плечам. Скрестила ноги и руки. Кажется, он узнает в ней свою жену Сабину в молодости. В своей памяти он старался сохранить ее такой. Не раз до этого чувствовал, что она где-то рядом. Теперь сумеет проверить правильность своих ощущений. Узнает, есть ли на самом деле жизнь после смерти, и куда деваются души. Умеют ли мстить за причиненные обиды, или прощают смертным грехи их. В ожидании финала мечтал, чтобы за ним пришла именно она, Сабина.

Сабина поднимает голову, глаза их встречаются. Не улыбаются. Будто застыли от удивления. Минуту спустя, она набрасывает на голову капюшон черного плаща, который он подарил ей на день рождения. Быстро встает. Он слышит, как скрипит входная дверь. Плавно переступая по ступеням, словно скользя, поднимается она по лестнице. Вот сейчас дойдет, войдет, сядет возле кровати. Взглянет, вздохнет, промолвит слово. Послушает его, ляжет рядом с ним, рукой прикажет замолкнуть. Приласкается, поцелует в губы и остановит сердце. Поможет встать, возьмет за руку и подсобит сделать первый шаг. Но она не заглядывает, проходит мимо, даже не здоровается. Понимает Арсен, что опять ошибся. Рановато, не настал час. Говорят, к Богу не опоздаешь, а он и не торопится, только, кажется, очередь все же подошла. Ожидание длится долго, а за ним все не идут. Будто играют, следят, сколько еще выдержать сумеет, не сдастся ли. А он и не намерен сдаваться.

Арсен снимает тапочки и ложится на кровать. Обнимает дрожащими руками белую подушку. Из-под синей пижамы виднеются седые волосы на груди. Хочет заплакать, но беззвучно хохочет. «Плача я ворвался в этот мир, смеясь, уйду», – шепчут губы.

И в этот миг, будто отвечая ему, доносится вопль: «Мой сын, сынок... он умер». Выбегает женщина, крича, рыдая, взывая к врачам, надеясь на чудо, на спасение. Плач и причитания не прекращаются. Кто-то приближается к ней, желая успокоить. Арсен узнает этот голос. Припоминает молодого человека лет двадцати восьми, не старше. Когда его привезли, он тоже гулял по саду. Доктор и мать помогли ему возвратиться в здание.

– Кто этот парень? Что с ним? – осведомился Арсен у своего врача.

– Ах, вы про Гора? У него острая форма лейкемии.

– Уйдет молодым?

– Мои пациенты не умирают, они тут для того, чтобы бороться со смертью.

– Помогите, мой сын, он... Верните его, умоляю, – врзается в воспоминание вопль матери из настоящего.

Но никто не может помочь. Остановилось сердце. Ушел навсегда, не вернется.

Арсена что-то заставило резко встать. Замешкался, начал босиком ходить по палате, почувствовал угрызения совести. Он увидел Сабину, знал, кто она, и не попытался остановить. Не вышел к ней навстречу, не поговорил, не попросил прощения за несчастный и бездетный брак. Смирился с ее решением, желая конца, все же боялся его. А теперь стало стыдно, покраснел и побледнел, будто был ответственен за судьбу молодого человека. Господь рано забирает к себе тех, кто невинен. «Как беспомощен человек, как слаб он перед несправедливостью», - мелькнуло в мыслях. Захотелось выйти к матери Гора навстречу. Но у порога приостановился, заколебался. Взялся за ручку двери и стал издалека наблюдать за происходящим. Сабина прошла совсем близко, улыбнулась: она читала его мысли. Вслед за ней шагала душа умершего, подошла к матери и обняла, поцеловала в лоб и попросила ее успокоиться. Мать вздрогнула, почувствовав прикосновение сына. По коже пробежали мурашки, сердце стало биться быстрее. Начала задыхаться, словно кто-то душил ее. Как ни старался сын успокоить, ничего не получалось.

Арсен не отрывал взгляда от Сабины. Непроизвольно прошептал ей: «Я знаю тебя в лицо». Несколько секунд помолчал. После продолжил: «Нет, не знаю. А вижу тебя такой, какой хочу». Последняя мысль возникла случайно. «Образ Смерти изменчив. Нет у нее настоящего лица. У каждого человека она своя, собственная», – подумалось ему. Когда Сабина медленно стала спускаться, он сделал шаг навстречу. Она резко повернулась, строго взглянула. Арсен словно окаменел, только глаза следили за происходящим. Гор оставался на месте, стоял возле своей матери. Неправильно люди думают, что умирая, душа покидает тело и сразу же исчезает. Ей нужно проститься со всеми, на некоторое время задержаться на земле.

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

Родилась в Кишиневе. Член Ассоциации русских писателей Молдовы, член СП Москвы, переводчик. Автор поэтической книги «Тебе...» и многочисленных публикаций в коллективных сборниках и литературно-художественных журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Дети РА», «Новая юность», «Звезда Востока», «Вайнах», «Русское поле» и др.

ПРОРОК ИЗ СПАЛЬНОГО РАЙОНА

Рассказ

Моя неудавшаяся иммиграция, а точнее – репатриация, в свое время оставила мне в награду за трудолюбие и прилежность увесистую стопку разного рода дипломов и счастливое избавление от учебы в медицинском училище. И если дипломы, при всей мрачности своих расцветок и моей нелюбви к приобретенным профессиям, все же придают уверенность в том, что в черный день я всегда смогу честно заработать на хлеб, то неоконченное среднее медицинское образование всякий раз вызывает у меня улыбку облегчения.

Начать с того, что и вообще-то моя медицина была экспромтом в ответ на мамины сетования о том, что «с такими высокими оценками в аттестате преступно упускать время, отчаиваясь из-за неудачи при поступлении в университет». И чтобы не терять год, я скоропостижно на «отлично» сдала все вступительные экзамены на сестринское отделение городского медучилища.

В течение последующих полутора месяцев мои новоприобретенные коллеги – будущие медбратья и сестры – в тесном контакте с будущими фельдшерами, трудились на благо родины: наполняли корзины виноградом. Мои же околomedicalные занятия в этот период сводились к ежедневному перемыванию лабораторных пробирок и перетаскиванию книг училищной библиотеки в новое помещение. От колхоза я была освобождена. Неподходящее для садовых работ здоровье и две бутылки коньяка, вкуче с большущей коробкой дефицитных конфет оказались весомой причиной для этого.

Когда к концу ноября стало известно, что разрешение на выезд на историческую родину нам подписали, я с чистой совестью перестала ходить на лекции. Окончить училище до отъезда я все равно не успела бы, а зря тратить время на нелюбимую и без того медицину показалось лишним. Нужно было срочно приобретать полезную профессию, которая бы дала возможность прожить ТАМ без особых знаний языка хотя бы в первое время. Не тратя силы на изобретение велосипеда, я, по проложенной прежними отъезжающими дорожке, пошла на курсы парикмахеров-косметологов-массажистов.

А к февралю стало ясно, что пачка дипломов может пригодиться не на благо процветания родной и далекой солнечной Греции, а как раз для того, чтобы не умереть с голоду в солнечной же Молдавии. Курсы были окончены, учебы не было, работы тоже, деньги заканчивались, и «уже никто никуда не ехал». Разрешение на выезд, демонстративно разорванное по семейным обстоятельствам, аккуратной кучкой было выброшено в контейнер мусоропровода...

Спустя некоторое время, по сумасшедшему блату меня устроили в элитный парикмахерский салон в Центре города. Впрочем, «устроили» звучит несколько неточно. Тучная,

немолодая, но весьма ухоженная дама, хозяйка заведения Бася Абрамовна, взяла меня с условием оплаты двухмесячных курсов маникюров с тем, чтобы по их окончании закрепить за мной место. «А со временем - кто знает - перейдешь в парикмахеры. Это все же элитный салон, а не хухры-мухры, и место здесь стоит того, чтобы его подождать без отрыва от производства. Ты должна быть благодарна мне за этот жест». И я с несколько удручающей от озвучивания суммы благодарностью внесла аванс за курсы, официально выйдя на работу маникюршей немисливо низкого разряда.

К концу первых двух недель многочасовых наблюдений за шустрými движениями рук моей наставницы Светки я уже вполне могла самостоятельно работать. Чем Светка и не преминула воспользоваться. Она посадила меня на клиентуру. Забирая вырчку вместе с оставленными мне чаевыми и получая еще полтора месяца надбавку за мое «обучение», Светка весьма прибыльно совмещала работу здесь с работой еще в одном салоне. В конце концов, набрав там себе клиентуру во время моих «обучений» у Абрамовны, Светка благополучно свалила в новый салон, освободив мне законное место. И тут встал вопрос о том, что весь инструмент и парфюмерия, оказывается, «должны приобретаться и оплачиваться мастером самостоятельно». Это был удар под дых. Два оплаченных месяца учебы, из которых я могла бы заработать хоть на чаевых, не будь Светка такой меркантильной, теперь затыгивали на шее петлю вынужденного безденежья еще туже. Одолжив у знакомых энную сумму до лучших времен, я купила два новеньких набора инструментов, которые теперь нужно было на какие-то средства еще заточить для работы.

Думаю, что в те времена, из так или иначе причастных к быткомбинату мастеров, Йоську-точильщика в этом городе не знали только слепоглухонемые. Мои маникюрные инструменты были выпущены каким-то белорусским ООО, и в первозданном их виде ими можно было, в лучшем случае, безуспешно кромсать толстую ветку березы, в худшем, измучить нецензурной надписью парковую скамейку. И снова одолжившись у своих терпеливых знакомых, я впервые поехала к Йоське...

Автобус на остановке пришлось ждать довольно долго. Он задерживался – движение в Центре было перекрыто из-за митингов. Национальный Фронт собирал на Площади не только ратующих за возрождение языка, но и просто постсоветских безработных, вынужденно обладавших массой свободного времени для пребывания на свежем воздухе.

Было начало мая. Пыльный город задыхался от разлитой в воздухе ненависти и неожиданно наступившей жары. На перекрестье двух улиц велись дорожные работы. И к невыносимой духоте добавлялся густой тошнотворный запах горячего битума. Изможденные потные лица рабочих, утираемые тыльной стороной рук, то и дело обращались к небу, словно в немой молитве прося оттуда долгожданного живительного спасения...

Дурманным наваждением цвела сирень. Разметанный вдоль тротуара тополиный пух грязными ключьями напоминал надерганную из больничных матрацев сваленную вату, навеяла мысль о том, что общество неизлечимо, и все мы – пациенты одной огромной лечебницы для душевнобольных. Наконец, приехавший автобус отвлек меня от мыслей о человеческой глупости, сводящей право на проживание в этом государстве к языковому и национальному различию. Опустившись на рыжее драное сидение «Икаруса», я задремала, прикинув головой к разогретому на солнце стеклу...

Из сонного ступора меня вывел громкий хлопок раскрывшихся дверей и оружий над ухом гундосый голос контролерши – «Коне-е-чна-а-а-я-я!»

Я вышла из автобуса. Передо мной распростерся серый городской стоунхендж симметрично расположенных типовых высоток спального района. Довольно долго проплутав среди унылых, похожих друг на друга домов, я, наконец, нашла нужный мне номер. Поднявшись на один пролет, я без труда опознала дверь. Координаты точильщика мне дала Алка - педикюрша, работавшая со мной у Абрамовны.

– Так, слушай, вот адрес, только номер квартиры я не помню, но ты ее найдешь сразу – первый этаж, дверь обшарпанная и на стене написано «Еська жид трындуи в Израиль». Не ошибешься. Звони в звонок долго. Он глуховат, но иногда, собака, слышит лучше, чем нужно. Если не будет открывать, обойди дом и стучи в окно кухни – увидишь там, оно самое грязное. Сдачи никогда, сволота, не даст. Денег авансом ему не плати! Он потом скажет, что не помнит ни о каком авансе. Йоська вообще мастер исключительный! У него точит инструменты для операций отделение глазной хирургии из Республиканской больницы. Единственный в городе мастер такого уровня. Серьезно! У них операции по четвергам, так утром в среду за ним приезжает такая белая волга с длинным кузовом и белыми занавесочками на окошках. Забирают его, везут в больницу – там у него есть специальное место под работу. А несколько часов спустя, привозят на этой же машине обратно. Вся эта тряхомудь из-за того, что Йоська-зараза совершенно не пунктуальный.

К оговоренной Алкой надписи на стене, видимо, добавилось еще несколько свежих. Впрочем, содержание их было примерно того же глубоко-философского направления, из чего стало ясно, что нужная дверь передо мной. Я нажала кнопку звонка и долго, неотрывно, как советовала Алка, держала ее. Наконец, дверь открылась будто бы сама, и в проеме я увидела удаляющуюся от меня сутулую спину в байковой клетчатой рубашке неопределенного цвета. За этой дверью силуэт хозяина был первым и, пожалуй, последним, что я могла осмысленно отнести к какой-либо упорядоченной категории.

– Запри дверь, накинь шеколку, – прокричала мне спина.

Судя по типовому расположению, квартира была однокомнатной. Но квартирой ЭТО было назвать невозможно! Хаос, бардак, бедлам и Авгиевы конюшни были бы слишком смягченным сравнением с тем, что находилось за раскрытой передо мной дверью. «Что же она об этом ничего мне не сказала?! Трындец...» – моментально пронеслось в моей испытывавшей чистоплюйский шок, голове. Узенький проход от входной двери вел, видимо, на кухню. Почему узенький? Потому что по сторонам, по стенам и даже на потолке было навалено, приколочено, развешено, пристроено и присобачено невероятное количество совершенно несопоставимых вещей и предметов. А протиснуться к тому, что называлось кухней, куда ушел хозяин, и, судя по гулу точильного станка, должна была проследовать я, возможно было только сильно изловчившись и выгибаясь в разные стороны на ходу. В так называемой кухне было три свободных островка, на которых можно было стоять и очень условно сидеть. Первый – место перед точильным станком, где сидел сам Иосиф. Еще одно место, где стоял пустой сомнительно серого цвета шаткий кухонный табурет с четырьмя разными ножками, видимо, произведенными разными мебельными предприятиями нашей бывшей нерушимой страны и служившими в разное время разным хозяевам. И третье место – деревянный венский стул с гнутой спинкой и прикрывавшей его сиденье засаленной, неопределенной формы и цвета подушкой.

– Садись. Сейчас я закончу, и покажешь мне свой инструмент, – громко сказал мастер. Вообще вся его речь сочно расцветивалась неожиданно неправильными ударениями.

– Не-не-не!!! – предотвратил он мою попытку усесться на мягкое. – Только не на стул! Стул – это для Моше-нишенького. Он скоро придет. Садись на табурет.

Я села и стала осматриваться, в непроходящем зрительном нокауте отложив изучение внешности самого хозяина на более позднее время.

Широкое – во всю стену – грязнейшее окно было забрано толстыми прутьями металлической решетки, некогда выкрашенной во что-то напоминавшее цветом зеленую масляную краску. Причем, решетка, вопреки общепринятой логике, была установлена не снаружи, а внутри помещения. «Шоб не сперли! А то спилят и унесут!» – как позже объяснил мне хозяин. Вдоль одной из стен тянулся ряд из четырех закопченных газовых плит, разной степени некондиционности. На одной из них неровно трепетало синевато-оранжевое пламя горелки. Поверхности остальных трех были под потолок завалены коробками, ящиками, банками, книжками и стопками разъезжающихся газет. В более низких местах конструкции венчали пять разнокалиберных будильников, маленькая двухконфорочная электроплита, горшок с бледной, но еще живой тшедушной геранью, смотанные в огромный змеящийся моток капроновые колготки, выбивалка для ковров, пустой запыленный аквариум с разбитой стенкой, невообразимое количество галош, вставленных друг в друга и напоминавших черный хитиновый панцирь гигантской лакированной улитки, початая булка серого хлеба и покрытая жирным слоем сажи кастрюля, с торчащей из нее ручкой половника. Вторая стена представляла собой встроенный деревянный стеллаж. На нем до самого потолка был навален подобный же мусор. У третьей стены стояли две стиральных машинки. Одна – ведро с пропеллером – круглая, бочкообразная с двумя валиками для выжимания белья. Вторая – угловатая полуавтоматическая «Аурика» местного производства. На них стояли три телевизора. Один без корпуса, с торчащим вперед обтекаемым серо-стальным моноблоком угасшего кинескопа. Второй – мигающий бегущей рябью полос – маленький с отсутствующими ручками переключения каналов. И третий – допотопный монстр – орущий свои дикие лозунги черно-белой толпой сегодняшних площадных манифестантов. В самый угол была зажата выдавшая виды грязная раковина с кирпично-ржавыми разводами и одиноким, торчащим тошей гусиной шеей, краном. Выглядывающие кое-где из-за залежей всего этого барахла редкие фрагменты стен, были меланхоличного дымчато-серого цвета. «Халоймис» – неожиданно всплыло словечко, часто произносимое нашей соседкой Шуркой, и как нельзя лучше определявшее то место, в котором я сейчас находилась.

В тот момент, когда я была совсем уже близка к эмоциональному коллапсу, гул станка

неожиданно оборвался, и громкий голос, перекрывая выкрики из телевизора, произнес:

– Ну, показывай свои поделки. Что там точить нужно?

Чуть сдвинув в сторону примотанную изолентой к станку настольную лампу и опустив толстолинзные очки на кончик носа, на меня смотрел неопределенного возраста мужчина. Ему с одинаковой вероятностью могло быть как сорок, так и семьдесят. Я протянула ему сверток с чудесными слесарными произведениями белорусского ООО.

Из носа его торчали два пучка седых волос, и казалось они шевелятся от сквозняка звуков, производимых губами. Пегая всклокоченная шевелюра приподнималась над засаленным воротом рубашки и спускалась на большие уши, из которых тоже высывались серебристые мохнатые кусты. Невыразительный рот, окруженный нахляпавшим на щеки и кадык серым лесом шетины, сжимался в узкую полоску после каждого произнесенного предложения.

– Где ты работаешь?

– В салоне, в Центре, возле новой пиццерии.

– А, ясно. У этой – Белы Бромберг.

– Не у Белы, у Баси Абрамовны.

– Какая разница! Бромберг-шмомберг, все равно вам инструмент не дают и платят как кот накакал.

– Наплакал...

– Что?

– Кот наплакал – так надо говорить.

– А! Ну да, только разницы нет. Все равно – гамно платят.

Я смущенно пожала плечами, начиная проявлять нетерпение.

– Оставишь. Придешь дня через два. Стоить будет дорого, потому что первая обработка, а инструмент дерьмовый.

– Ой, я через пару дней не могу! Мне один комплект хотя бы сегодня нужен! У меня работа во вторую смену, я специально к вам пораньше приехала.

– Пораньше!.. Посмотри на время!

– Автобуса долго не было, – еле слышно пробормотала я.

– А! Ясно. Это из-за митинга в городе. Да?

– Наверное.

– Ладно, так и быть, стрекоза, один комплект сточу тебе сейчас. Но это будет еще чуть-чуть дороже. Расценки знаешь?

– Да, мне говорили. Я согласна.

– Ну, тогда жди.

Он принялся за работу и в этот момент в дверь позвонили. Он никак не отреагировал на звук, продолжая точить первую пару ножниц.

– Иосиф, – потрясла я его за плечо, – Иосиф, там звонят в дверь.

Он на мгновение отвел руки от станка и в чуть стихшем гудении прокричал мне:

– Это Моше-нишенский. Иди, открой ему.

Я протиснулась между коридорными завалами и откинула шеколку дверного замка. На пороге стоял маленький тшедушный человечек. Росту в нем было, как в первокласснике. Облачен он был в широкий, болтавшийся на плечах и ниже колен черный пиджак, стянутые на поясе веревкой, широкие же брюки и непонятной формы останки фетровой шляпы, с надорванными полями. За спиной его свисала набитая чем-то торба, завязанная переброшенным через плечо кожаным ремнем с пряжкой. Он заискивающе поклонился, ожидая, когда я посторонюсь, чтобы пропустить его. Я поспешно захлопнула входную дверь и совершила обратный переход на кухню.

– Садись, – кивнул нишему точильщик.

Ниший сел на венский стул, растянул на торбе ремень и, достав оттуда батон белого душистого хлеба, начал медленно есть, прикрыв глаза.

– Сейчас уснет. Сегодня пустой день. Вторник. К началу недели в бане народа нет – еще не успели запачкаться. Автобусов меньше стало из-за митингов. Вот он и приходит в обед домой.

– Дядя Йося, а кто он?

– Моше? Моше – городской ниший. Сколько лет живу в этом городе, Моше-нишенский всегда работал на пятачке между городской баней, синагогой и остановкой пригородных автобусов. Он, старый хрыч, наверняка богат, как Крез, но жмот последний... Да ты не бойся, он ни хрена не слышит вообще. Он глухонемой от рождения. А может и врет. Кто его знает.

Я покосилась на доедавшего батон человечка, так и сидящего с закрытыми глазами и чуть кивающего головой в меланхолическом ступоре.

– О, эти нишие такие проныры и хитрюги! Они только прикидываются добренькими и жалкими. На самом деле это целая мафия. Таких богатеев, как наши нишие, не сыскать

среди этих нынешних, на вишневых девятках. Когда я был еще мальчик – давно, до войны – в нашем городе хоронили одного бывшего нишего. О, что это были за похороны! Всем похоронам похороны! Сколько народу приехало! А как плакали плакальщицы! Что ты! Ведь это хоронили самого Рубинчика! Рубинчика – нишенького с соборной паперти. Ты знаешь, ведь его дети жили в Америке! Да...так они не приехали, потому что знали, что их могут больше не выпустить назад. Но они прислали в Одессу, из Америки, пароходом через Румынию и гроб, и такой чудесный венок, какой тут можно было бы свободно подарить кому-нибудь на свадьбу. Я думаю, лежа в таком гробу, покойный был счастлив и горд за своих детей. И ты знаешь, на чем он зарабатывал в своем нишенстве? Э, что ты знаешь! Этот Рубинчик был еще тот жук. Он сидел себе на паперти у собора всю свою жизнь и просил у прихожанок всего копеечку, а в благодарность, натирал им тряпочкой золотые колечки. Чтоб блестели ярче. И что ты скажешь – в чем тут вся мулька? В том, что тряпочка у него была непростая. Шершавая такая тряпочка, с вплетенными в нее стальными тончайшими нитями. Он тряпочкой колечко протрет и тихонечко стряхнет ее в жестяночку. Так за годы золотой песочек и настряховал. В слиточки потом летит. Вот тебе и нишенький. Правда сидел он, бедный, и в морозы лютые, и в душевное летнее печло, и в снег, и в дождь. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Но и помогал потом многим. Деньги одалживал без процента, всегда по первому требованию и не оговаривая сроков. А обмануть его никто не решался – хороший был человек. Помню, мама говорила, что мою старшую сестрицу Кларку он спас, одолжив нам денег на доктора и больницу, когда та от тифа умирала уже. Вот так вот. Вот тебе и Рубинчик-шмубинчик. А Моше-нишенький всю жизнь между баней и синагогой. У синагоги нынче не очень подают, да и в баню люди ходит меньше стали. Он тоже – старая кляча – наверное, где-то в подкладке своего лапсердака прячет золото – даром, что не снимает его никогда. Да только идти ему некуда. Он, бедненький, сирота. Дом разрушился еще в то давнишнее сильное землетрясение. Приживался у каких-то дальних родственников в сарае, да они несколько лет назад уехали в Израиль, дом продали, а новые хозяева его выгнали. Вот я и взял его к себе. Хоть и жулики эти нишие, а тоже ведь – божья тварь – хочет тепла, заботы и человеческого участия. Вот и живет у меня тут на стуле. А ночью спит на матрасе в коридоре. Да и мне веселее, хоть и молчит, как истукан проклятый.

Все это время дядя Йося продолжал затачивать мой корявый инструмент, постепенно придавая ему более благородный вид и превращая бесполезный кусок металла в высококлассное орудие труда. Моше-нишенький, доев свой засушенный хлеб, мирно поспывал горбатым носом, чуть пофыркивал и периодически приоткрывал свои полные неизбывной вселенской тоски глаза.

– Ну, вот, Стрекоза, держи. Готово. Нужно будет немного разработать. Пошелкай кусачками в пальчиках – они привыкнут к твоей руке, а рука привыкнет к ним. Так и полюбят друг друга, так и сработаются. Все в этом мире от любви и во имя ее, проклятой... Все, давай деньги и иди к чертовой матери. За вторым набором приходи дня через два, не раньше.

– Вот, возьмите. Спасибо, – протянула я ему купюру, составляющую ровно треть от моей будущей зарплаты.

– Сдачи нет, – поспешно сообщил мне Йоська.

– Оставьте, оставьте, что вы, – комкая стыдливо слова, протараторила я, в душе посетовав на свою бесхитрость и забывчивость – Алка же предупредила о сдаче.

– Ну, все, шуруй, чудо. Я потом двери сам закрою.

Следующий свой визит к Йоське я совместила со свиданием с молодым человеком. Знакомая дверь была ободрана и прилично обуглена. И казалось, ее нестерпимо тошнит на посетителей клочьями изрезанного, уцелевшего после поджога дерматина. Стойкий запах гари вперемешку с подъездными ароматами заставил меня зажать нос. Дверь, на удивление, открылась сразу. Моше-нишенький кивнул и прикрыл глаза, давая понять, что мы можем войти. К обычной обстановке прихожей добавилась весьма приличная куча высыпанных в углу коровьих рогов, от которых шла нестерпимая вонь. Раздавшееся откуда-то сверху воркование принудило поискать глазами источник. Из подвешенного под самым потолком чугунного походного котелка высовывались две кивающие и часто мигающие голубиные головки. Птицы перебирали лапками. Это влекло за собой раскачивание котелка и скребушие звуки. Мы переглянулись, и парень подавил в себе готовый сорваться смехок.

Моше-нишенький не стал провожать нас в кухню. Он улегся на сомнительного вида подстилку у входа в комнату и, подперев щеку сложенными лодочкой ладонями, со вздохом закрыл глаза.

– Ну, кто там? Эй! Вы идете уже, или так и будете торчать там у дверей? А?

Мы прошли на кухню.

– А, Стрекоза! Твои еще не готовы, придется подождать. А это кто? Твой хахаль? Здоровый бугаина, ничего не скажешь! Смотри, какая бычачья шея! На нем пахать в поле можно.

Мы примостились вдвоем на шатком табурете, настроившись ждать, пока Йоська не закончит работу. Жуткая вонь и грязь всегда вызывали во мне желание пойти помыть руки. И хоть двери и ручки крана в ванной были не более стерильны, чем воздух и предметы всей этой квартиры, все же мытье рук приносило мне некое ощущение подобия чистоты.

– Я руки помыть, дядя Йось.

– Смотри осторожно там. У меня там коза.

Немая сцена. «Ревизор». Мы переглянулись.

– У Вас там КТО?!

– Да, говорю ж, коза. Это на лето кружок юннатский закрыли, и дети разобрали всю живность по домам. Ну а кто же из родителей разрешит в квартире натуральную козу держать? Ну, значит, приволокли эти гаврики ту козу домой на веревке, а мамаша как заорет на них! Они в рев, мол, что же делать, кружок уже закрыли и замок повесили, а Зойка – коза – хорошая, и они ее любят. И вообще она умрет теперь, если ее на улице бросить, она на троллейбусы пугается. В общем, пришла ко мне делегация из сопляков и рыдала тут в пять голосов, чтобы я взял Зойку к себе до августа, пока кружок снова не откроется. Ну что ты сделаешь? – я и взял. В квартире места самому не хватает, вот я ее и пристроил в ванной. Божья тварь все же. Жалко ее оставить подыхать. Ну а заодно они мне двух голубей приташили. Это, говорят, дядя Йосья, вам, чтобы не скучно было. Скучно-шмучно! Они думают, я имею время на скучать!

Во время всего этого монолога мы с молодым человеком тряслись в безудержном смехе, зажимая попеременно друг дружке рты. В ванну мы, естественно, направились вместе – пропустить такое потрясающее зрелище было бы большим преступлением.

Посреди ванной комнаты, занимая собою практически все скудное пространство, стояла белая, видимо давно нечесаная, коза. Она была привязана за рога к стояковой трубе. На звук открываемой двери коза развернула к нам свою бородатую голову, уставилась тупыми красноватыми глазами и жалобно, протяжно заблеяла. Руки мне мыть расхотелось. Этому весьма поспособствовали и козий дух, и очевидная невозможность пробраться к крану иначе, как отодвинув козу в сторону. Как это осуществить, я не представляла. Поэтому свои гигиенические процедуры я решительно отменила. Мы вернулись в кухню, приноравливаясь и пристраиваясь на табуретке ближе друг к другу, как два голубя в тесном котелке под потолком.

– Ну, что там, на Площади? Все митингуют? – прокричал, не поднимая глаз от станка и не сбавляя оборотов, Йоська.

– Митингуют, – лениво протянул парень.

– Ну, ну... Идиоты! Они не понимают, что вся та ненависть и злоба, которой они плещутся, рано или поздно, к чертовой матери на их головы и свалится. Идиотины! Какая разница, кто есть кто! Вот вы кто? – обратился он к нам.

– Я молдаванин.

– А я гречанка.

– Ну, вот – дурачины бестолковые! Вы – люди! Или вашим детям будет разница, делали их молдаванским, еврейским, русским или каким другим инструментом. Если дитя рождается от любви, то оно счастливо уже одним этим. Ведь все мы твари божьи, и все отмечены Его любовью. А эти придурки забывают о том, кто они. И забывают о том, Кто над ними... Как кидали люди друг в друга камни раньше, так и будут кидать. А почему? Да потому, что думают не о том, идиотины! А должны бы помнить:

О нас, о всех, о суете, о прахе,
О старости, о горести, о страхе,
О жалости, тшете, недоуменье,
О глазах умирающих детей...

– нараспев продекламировал Йоська. – Это Додик Кнут написал. Наш, кишиневский Додик. О том погроме, который в начале века тут был... Русские-шмусские, еврейшмевреи, греки-шмеки, молдаваны-шмолдаваны – какая разница! Смысл этой жизни в любви. Мир – это любовь, и тогда каким бы ни был закат – рождение расцвет неизбежно! Все мы божьи твари! И каждый должен иметь право и любить, и жить, и потом быть похороненным, черт возьми, на том клочке земли, который он чувствует своей Родиной.

Мы сидели и молча слушали монолог этого растрепанного пегого пророка, потрясенные неожиданной глубиной его суждений.

– Все, держи, Стрекоза, готово, – он протянул мне завернутые в тряпицу инструменты. – Разработать не забудь. И обязательно с любовью.

Я протянула ему деньги.

– Сдачи нет, – воровато-поспешно сообщил мне Йоська, безоговорочно отменяя всякие попытки возразить.

И на этот раз я почему-то не сетовала на то, что по привычной своей безалаберности забыла разменять деньги на купюры помельче.

– Тут у меня немножко пожаром пахнет, – смущаясь проронил Йоська, провожая нас к двери мимо сильно кашляющего во сне Моше. – Это чертовы детишки ради веселья мне двери вчера подожгли. Так немножко погорело. Потушили потом. Но запах вони чуть-чуть еще остался.

Боже мой – запах вони чуть-чуть остался!!! Да чувствует, видит ли он вообще, в какой дыре живет!..

В следующий раз я приехала с Алкой. Дверь растворилась и сутулая спина, как в первый мой визит, проворчала «заприте дверь», скрывшись за поворотом в кухню.

– Ша повеселимся, – негромко буркнула Алка, пропуская меня вперед, лавировать за Йоськой между коридорных рифов.

– Я руки помыть, – протиснулась я к выходу.

– Там в ванной...

– Коza, я знаю.

– Да нет же. Зойка – Зойкой. А в ванной – ящерицы.

– Кто?! – я остановилась в дверях.

– Ну, ящерицы. Это байстрючня соседская – те, что дверь мне раньше жгли. Это они в лесу тут, на окраине, наловили. Оставили с вечера побитый кувшин, чего-то там положили, а утром – полный кувшин зелененьких ящерок. Они их давай за хвосты дергать – проверить, значит, как эти гады хвосты сбрасывают к чертовой матери. Ну, ящерицы все хвосты и поскидывали. Теперь пацанва ждет, пока новые отрастут. А куда их девать? Мамаша одного сильно отлупила, когда под кастрюлей дома эту живность обнаружила. Ну, они ко мне этих ящерок и приташили. Повинились, правда, что двери мне сожгли, засранцы. Говорят, не со зла. Ну и ладно... А ящерицам тоже где-то жить надо. Детишки им траву приносят и листья лопуха, а я их водой поливаю по чуть-чуть, чтобы на лес похоже им, собакам, было – влажно и прохладно.

Я со вздохом поплелась в ванну созерцать этот новый акт милосердия.

– Во debil, да? Трындец! – просовываясь вперед, заржала субтильная Алка.

На дне ванной, со дня своего изготовления не знавшей, кажется, ни щетки, ни порошка для чистки, по разбросанным листьям лопуха сновали маленькие изумрудные ящерки. Они то напряженно замирали, становясь почти неразличимыми, то пружинисто выскальзывали, вытягивая вверх свои глазастые опалесцирующие головки. Жалобно и упрямо бляела Зойка, лежащая боком под стеной. Я ополоснула руки и вернулась, оставив Алку в ванной за разглядыванием ящериц.

– О, Стрекоза, а твой хахаль в тот раз спер у меня роги!

– Что? Зачем ему нужны Ваши рога!

– Меня эти роги попросил подержать у себя один хороший сосед. Он делает ручки к ножикам и продает их на базаре потом. А тут с бойни ему сказали, что на свалку вывозят большой контейнер рогов этих. Он набрал, сколько ему нужно, но дома хранить не может, все – они вониюченькие... Ну, он меня попросил, чтобы я у себя подержал, пока он в гараже место для них сделает. А мне что, жалко, что ли? Вот – держу. А если теперь твой красавчик спер несколько штук, что я человеку буду говорить, а, Стрекоза? А если он захочет сосчитать?

– Господи, да что за чушь, дядя Йося!

– Я тебе точно говорю – спер. Вот тогда, когда ты руки мыть выходила, он сделался, что за тобой пошел, а сам, быстренько роги по карманам прятал.

– Ничего он не брал! Я с ним все время была.

– А я тебе говорю, брал, Стрекоза! Он потом все время руки в карманах держал, чтобы не подумали на него. А я-то видел, что у него роги оттуда торчали.

– Спрошу, хорошо... Ну бред же какой-то!.. Я инструменты оставлю, мне не к спеху, заберу их недели через две. И рассчитаюсь полностью вперед, дядь Йось, хорошо?

– Как хочешь, Стрекоза. Только я бы на твоём месте подумал бы хорошенько – или встречаться еще с этим ворюгой! Сегодня он роги у меня спер, а завтра, гад, у тебя полдома вынесет...

Не в силах больше слушать эту ахиною я поспешно вышла, опасаясь, как бы за мной

не увязалась надоедливая Алка, к которой я почувствовала непреодолимую неприязнь, смешанную, впрочем, с жалостью...

К слову, насчет рогов и ухажера Йоська оказался прав. Парень действительно прикарманил парочку рогов. Решил блеснуть перед приятелями – наполнить на вечеринке рог вином. Правда из-за вони – обработать-то их он не смог – пришлось все это дело выбросить. Как из головы, так и из дома. Под прицельным обстрелом моих допросов с пристрастием он во всем сознался. Но это его уже не могло спасти. Отношения наши не особо складывались, да и вообще он оказался откровенным жлобом. Хоть, к его чести, и весьма эрудированным. Совсем скоро мы расстались.

Спустя почти три месяца, уже поступив в университет и благополучно бросив ненавистную мне работу в парикмахерской, я приехала к Йоське забрать забытые было инструменты. Вместо обшарпанной полусгоревшей двери красовалась новенькая металлическая. Недоумевая, я позвонила. Никто не ответил. Я приложила ухо к холодной дверной раме, прислушиваясь. Судя по абсолютной тишине, в квартире, видимо, действительно никого не было. Я, на всякий случай, тихонечко забарабанила ногтями по железной поверхности. В дальнем конце площадки послышался шелчок замка.

– Вы к Йосе?

Маленькая пухлая женщина средних лет стояла в проеме приоткрытой двери. На ногах ее были высокие грубой вязки носки. Голова была стянута платком, под которым угадывались ребристые округлости бигуди.

– Да, к Йосе. А он?..

– Он уехал в Израиль.

– Правда?!

– Да. Недели три как. Но вы не волнуйтесь, он оставил мне все инструменты и написал, что кому отдать. Вас как зовут?

– Ой, он вряд ли мог написать мое имя. Он его просто не знал.

– А! Вы, должно быть, Стрекоза?

Я удивленно взглянула на нее. Неужели он, и правда, помнил обо мне?

– Пойдемте, я отдам вам.

Я прошла в аккуратно прибранную прихожую. Женщина суетливо перебирала какие-то свертки в ящике небольшого комода.

– Вот, наша. Тут и расписка. Держите, – она протянула мне завернутые в промасленную миллиметровку инструменты и вдвое сложенный лист из ученической тетради.

Я развернула:

«Я, Иосиф Точильшик, возвращаю Стрекозе – девушке с тонкими длинными руками и подвижными зелеными глазами – ее маникюрный инструмент в количестве трех штук: ножницы, и двое кусачек. Оплата была произведена авансом в полной сумме, что я и подтверждаю. Претензий к данной особе не имею. Подпись: Иосиф Яковлевич Точильшик»

– Так это еще и его фамилия была?!

– Да, – мягко улыбнулась женщина. – Хороший человек. Дай Бог ему здоровья там!

– Скажите, а что такое с нишим, с Моше?

– А... Моше умер... Иосиф похоронил его и сразу уехал. У него разрешение давно уже было готово, только он не мог тут Моше одного оставить – кому он, бедный, нужен тут был бы?..

Много лет прошло с тех времен...

Возможно, где-то в окрестностях Иерусалима сгорбленный старик шурит свои морщинистые глаза, прикрываясь узловатой рукой от сухого колючего солнца, нарочито ворчливо повторяя: «солнце-шмонце». Возможно, в другой его захлавленной квартирке живут под потолком птицы, а в ванной – принесенные соседскими ребятишками, какие-нибудь черепахи и скорпионы – тоже божьи твари... А возможно, прах его, как и прах его прародителя, обрел покой в земле обетованной...

Валерий БЫЛИНСКИЙ

Родился в 1965 г. в Днепропетровске. Окончил Литературный институт в Москве. Живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Литературная учеба», «Новый мир», «Дружба народов», в альманахе «Кольцо А», в сборнике рассказов «Русские» (АСТ, 2012) Автор романов «Июльское утро», «Адаптация». За роман «Июльское утро» присуждена премия «Новое имя в литературе».

Его жена

Рассказ

- Ты когда-нибудь встретишься с ней?
- Да... Я постараюсь.
- Как это?
- Ну, ты же понимаешь... И потом, можно ведь и без нее все оформить, нам же говорили.
- Без нее будет долго. Я не могу больше ждать.
- Хорошо, Таня. Я постараюсь сегодня – завтра...
- Хорошо. Я целую тебя, – она положила трубку.
- И я...

Некоторое время Виктор стоял и смотрел на экран мобильного телефона, словно заметив в нем вход в какой-то другой мир. Затем нажал на кнопку выключения. Но телефон вновь завибрировал.

На этот раз звонила жена:

- А давай сегодня встретимся?
- Хорошо... – он неслышно вздохнул. – Когда?

Он долго бродил вокруг каких-то грязных ларьков, пытаясь отыскать кафе, в котором он когда-то познакомился с Машей. Из окошка одной из палаток высунулся кавказец с мясистыми руками и с пристальной улыбкой:

- Дарагой, эй? Чего ищешь, эй?
- Тут где-то кафе было, «Подсолнухи» называлось, не знаете?

– «Подсолнухи»? Знаю, конечно, «Подсолнухи», кто ж ее не знает? – засмеялся продавец и, высунувшись из окошка, махнул вперед, в узкий, грязный проход между бачков с мусором.

Стараясь не задевать бачки, Виктор пошел по этому проходу. И вскоре действительно уперся в кафе. То самое. Даже название, запыленное и обветшавшее, сохранилось. С нарисованным масляной краской, ободранной временем, подсолнухом. Наверное, художник, который его рисовал, любил Ван-Гога. Где сейчас этот художник? В грязи у крыльца блекло розовели лохмотья облетевших цветов.

Потянув на себя дверь, Виктор вошел в убогую столовую: кривые пластиковые столы, витрина с пивом, куриными око-рочками и вазочками с винегретом, вентилятор на стойке у продавщицы, кафельные полы и стены с запахом половой тряпки. За столами сидели бомжеватого вида дед с растрепанными волосами и с котом на поводке и компания, разливающая водку под столом, как в советские времена. Несмотря на надпись на стене «Не курить», курили.

С женой они расстались не так давно, и она осталась в его

памяти тоненькой, стройной, почти девочкой-подростком. А сейчас, постаревшая, погруневшая, в коротком подростковом платье, вульгарно сидящем на ее странно распухшем тридцатитрехлетнем теле, она сидела в середине зала, и вокруг нее был вычерпан омут пустоты – без людей. Еще на ней была шляпа. Где она взяла эту шляпу? С живыми приколотыми цветами, которые выглядели так, словно их принесли с могилы. Лицо Маши было сосредоточено на чем-то своем, внутреннем, и при этом жалостливо величаво. Ссутулившись, склонив над столом голову, она пила из стакана чай серо-янтарного цвета. Чай был горячим, Маша осторожно брала стакан двумя пальцами, поднимала, делала глоток и тут же ставила обратно на стол.

Тысячу лет назад, когда они встретились за этим столом, все было моложе, сильнее. Солнечный свет ярче проникал сквозь окна, беспечнее подрагивал на стенах солнечными зайчиками. «Мария» – строго и чуть смущенно представилась ему тогда эта девушка. Оба они оказались студентами одного вуза. Странно, говорил он ей, что раньше они не замечали друг друга, хотя, как выяснилось, часто спускались по одной лестнице во время перерыва между парами. Хотя потом, уже перед свадьбой, Маша призналась Виктору, что в «Подсолнухах» она его узнала, потому что не раз наблюдала за ним в институте. Высокая, худая, с большой головой на тонкой шее и с тревожно-восторженными глазами она была похожа на раскрывающийся солнцу юный подсолнух, который черпает силу во влажной земле и проливает на мир сквозь поры семечек любящий свет.

Чуть помедлив, он подошел к ней.

– Маша...

Она подняла голову. Не удивившись, словно они виделись лишь вчера, жена так преувеличенно бодро вскинула подбородок, что он отшатнулся.

– Хай! – бросила она вальяжным молодежным тенорком, – я уж думала, ты не придешь.

Ему показалось, что он сходит с ума. Сел напротив. Молчали.

Наверное, всего с полминуты длилась эта тишина, во время которой жена с задумчивой полуулыбкой разглядывала стакан с чаем, в котором, как ему казалось, находится какой-то ее собственный вход в другой мир. Мимо, шаркая ногами, шла буфетчица. Толстая, в фартуке заляпанном соусом. Остановилась, пристально посмотрела на них.

– Можно мне чаю? – повернулся к ней Виктор.

Буфетчица удивленно вскинула брови.

– В буфете, возьмите... – сказала она и повернулась, чтобы идти.

– Подожди! – вдруг тонко крикнула Маша, с закрытыми глазами мотая головой, словно что-то для себя окончательно отвергая.

Буфетчица замерла. Жена открыла глаза и посмотрела на Виктора тревожным горячим взглядом.

– Накорми меня!

– Накормить? – он не понял, о чем она говорит.

– Да! Ты знаешь, у меня совсем нет сейчас денег... Тебе это не трудно? – спросила она заискивающим тоном восьмилетней девочки.

– Да, конечно... – проговорил он, – но может, тогда, не здесь... пойдём куда-нибудь в нормальное место?

При слове «нормальное» толстуха в фартуке насмешливо фыркнула.

– Нет-нет, здесь... – покачала головой Маша, не отрывая от него взгляда, – именно здесь... потому что... Ты что же, не помнишь?

Ему показалось, что сейчас она заплачет.

– Да, хорошо... я все помню... – кивнул он, – Пожалуйста, что ты хочешь?

– Меню, пожалуйста, – надменно вздернув подбородок, повернулась жена к буфетчице.

Жар стыда за жену опалил его щеки и потек вниз, в горло, в грудь.

Буфетчица мрачно усмехнулась, повернулась и, шаркая ногами, медленно двинулась к стойке.

«Это ничего, – подумал он, – какое ей дело до нас? Какое нам вообще дело друг до друга?»

– Да, – словно прочитав его мысли, глядя ему в глаза и отрицательно мотая головой, сказала жена.

Они снова помолчали. И вновь ему показалось, что время остановилось. Понимая,

что никто никакого меню не принесет, он встал.

– Подожди, я сейчас.

Он вернулся и положил перед женой запечатанную в пластик книжку меню:

– Вот. Что ты хочешь?

Какие-то доли секунды она смотрела на меню, словно на новый вход в другой мир. Потом мягко заговорила.

– Что ж, пожалуй, вот это.... – Маша называла пюре, курицу, столичный салат и пирожное-корзинку так, словно это были фуагра и телятина в гранатовом соусе. «Притворяется...» – с горечью отвращения подумал он. И тут же в его голове пронеслось: «А может быть нет?»

Он отнес меню к стойке буфета, вернулся с полным подносом, поставил тарелки на стол.

– Спасибо, – чинно сказала она ему, словно официанту.

Он сел. Жена начала аккуратно, утонченно, задумчиво есть.

– А у меня, знаешь, новости, – сказала она жуя, – Ленка, помнишь, актриса... ну та, что театр драмы бросила, предложила мне один проект, связанный с цветочным бизнесом. Но я отказалась. Ты же еще не вернулся. «Вот когда муж придет, – сказала я Ленке, – тогда и решим...» Ты же знаешь, какая она надежная сопартнерша, ха-ха. Слушай, у меня через три часа самолет в Нью-Йорк. Деловой визит по поводу моего нового журнала, где я отвечаю за рубрику «Сны». Тебе, кстати, ничего не нужно в Нью-Йорке?

Он медленно покрутил головой.

Жена ела и при этом быстро, незаметно, словно стесняясь, чтобы никто не увидел, отламывала кусочки от пирожного-корзинки и отправляла в рот.

– Я тут подумала, взвесила все, – продолжала она, – мы начнем все с конца. Ты не находишь? – она засмеялась и задрала голову так, что шляпа чуть не упала с нее. – Представь, все начинают с начала, а мы с конца! И кстати, я узнавала, мне еще не поздно родить. Тот ребенок, что у нас был, ну помнишь, выкидыш... он как раз расширил, как сказали мне сегодня врачи, родильную зону, так что вторые роды не должны быть болезненными.

– Маша...

– Да? – она подняла на него глаза, держа двумя пальцами недоеденное пирожное-корзинку.

– У нас не было никакого ребенка.

– Как это не было? Был. Был выкидыш, а это полноценный человек.

– Да, но это не роды...

– А что же это? Роды. Конечно, роды. Просто ребенок родился не на этот свет, а на тот, откуда пришел. Пришел и ушел, упс! Ты просто забыл, дорогой, – перегнувшись к нему, она вдруг нежно погладила его ладонью по волосам, – забывчивый мой...

Он ошарашено смотрел на нее:

– Скажи... они кололи тебя? Чем?

– У меня сегодня через три часа консультация в центральной московской клинике. Очень дорогая процедура, но я сейчас не нуждаюсь. Для своего здоровья и будущего потомства ничего не жалко, ха-ха-ха! Врач сегодня мне объяснит толком, как я смогу зачать.

– Через три часа ты летишь в Нью-Йорк, забыла?

Ему показалось, что во время всей этой сцены из-за спины стоящей у стойки толстухи-официантки кто-то внимательно смотрит на них.

Жена оглянулась и посмотрела точно в ту сторону, о которой он только что думал.

– В Нью-Йорк? Вау... А, ну да... Я не лечу, – она капризно пожала плечами, – я иду к ребенку.

– Какому ребенку.... Маша... У нас не было и не будет никогда никаких детей. Я вообще-то хотел встретиться с тобой, чтобы...

– Ты, кажется, не в курсе. У нас уже есть ребенок, просто мы еще о нем не знаем. Он существует, просто еще не вошел в меня. Не волнуйся, материального от тебя ничего не требуется, в июле, как ты знаешь, я создала консалтинговую фирму – или я тебе не говорила? Нет? Говорила, говорила... так что наш мальчик не будет ни в чем нуждаться.

– Маша.. Ты.. врешь. Зачем? Ты ведь раньше никогда не врала.

– Зачем ты так жестоко говоришь сейчас со мной?

– Я?

– Ты... – вдруг, всхлипнув, жена закрыла лицо руками и тихо зарыдала, – ты так жестоко сейчас сказал, вместо того, чтобы просто поверить...

– Поверить? Во что? В то, чего нет?

– Есть! Все уже есть, все, до нас! Но если не верить в него, оно исчезнет и не будет, не будет.

– Ну да, может и этой тарелки нет? – кивнул он на стол, – и этой руки моей, и тебя, и меня... Вот я не в верю в тарелку – и она тут же исчезает? – Виктор зло засмеялся. – Не поверю в себя – и меня нет?

– Ты не любишь меня.

– Маша, погоди, успокойся, мы сейчас не об этом...

– Ты и ее не любишь...

– Кого?! – вздрогнув, он посмотрел на нее.

Жена вытерла лицо салфеткой и высморкалась.

– Какая разница, кого, я же вижу, не любишь.

– Что ты видишь, Маша? – с отчаянием почти крикнул он. – Ты слепая!

– Ты заколдован, мой милый... – она улыбнулась ему, блестя мокрыми глазами, – вот в чем дело.

– Машенька, я...

– Я поэтому и пришла сюда, на это свидание. Чтобы расколдовать тебя.

– Что?... нет...

– Мне нужно всего лишь поцеловать тебя! – жена вдруг торжественно встала. – Сейчас я тебя поцелую и все пройдет, – полуоткрыв губы и закрыв глаза, она протянула к нему руки.

Он смотрел на нее. Маша топнула ногой:

– Ну?

Виктор встал. Шеками, затылком, спиной он почувствовал, какая густая воцарилась в зале тишина. Мужчины за дальним столом прекратили пить и устали на них. Загнувшийся было за столом старик открыл заплывший глаз и тоже смотрел на него и жену. И даже толстая грязная буфетчица смотрела на них зачарованным взглядом.

Виктор мотнул головой, словно сбрасывая наваждение, и сразу же обессиленно с дурашковой улыбкой опустился на стул.

Маша, словно решив поддержать его, тоже дурашливо улыбнулась. И тоже села и подмигнула:

– Ну конечно. Это ничего. Это так только. Я расколдую тебя. Мой старичок царевич. Мой пожилой принц. Мой...

– Хватит, – резко сказал он.

– А что ж, принцев-стариков не бывает? – улыбалась она ребенком, – они же тоже люди...

Он резко вскочил.

– Черт, давай я провожу тебя!

Ему уже было все равно, что их слышат.

Маша, сидя на стуле, широко раскрытыми глазами смотрела на него, поводя головой то вправо, то влево. Словно что-то читала в нем.

Потом, медленно отведя взгляд, сказала:

– Витя, мое имя Мария.

– Что? Я помню... Что ты несешь?

– Прости. Больше не буду. Я ухожу. Знаешь, сегодня я на машине и могу подвезти тебя.

– Нет у тебя никакой машины! Ты сумасшедшая дура, и из-за тебя я не могу наладить свою личную жизнь. Почему ты не пришла в загс, как мы договаривались? Почему ты не хочешь со мной развестись? Я люблю, блин, другую женщину, она любит меня и хочет со мной жить. Почему ты со мной не разводишься? Почему закапываешь мою жизнь? Хочешь вместе с собой утащить в могилу безумия? Я здоровый, понимаешь, здоровый, и хочу жить и умереть здоровым!

– Умрешь. Обязательно умрешь очень здоровым, не волнуйся. Мы оба умрем здоро-

вами и в один день. Как в сказке. Ты, что, думаешь, сказок не бывает? Еще как бывает, это вот этого – она плавно повела рукой в сторону – не бывает. Я, кстати, сейчас подбираю замок, в котором мы будем жить... Ты какие замки любишь? У меня тут проспект имеется... вот, сейчас покажу....

Она открыла сумочку.

– Что? Что ты несешь...

– Ой, я спешу. Так тебя подвезти? Но только до метро. Я опаздываю в аэропорт.

– Маша...

Она взглянула на него потемневшими глазами, из которых потек в него блеклый туманный свет.

– Что? – спросила она, сощуриив глаза.

– Спасибо, не надо меня подвозить, – сдерживая ярость, сказал он по слогам.

– Ну, как хочешь, – Мария пожалала плечами. – Чао! – жеманно сказала жена и встала.

Медленно, покачивая шляпой, она вышла. Со шляпы упали несколько лепестков, отметив ее путь к двери.

На улице, роняя цветочные лепестки, Мария прошла по узкому проходу между грязных бачков, мимо ларька с курящим в окне кавказцем. Улыбнулась ему шестилетней девочкой, продавец с недоумением посмотрел ей вслед.

Когда она входила в подземелье метро, прохожие оборачивались и смотрели на нее и на падающие с ее шляпы цветы.

Он некоторое время сидел за столом, рассматривал ее пустую тарелку с остатками еды, потирал пальцами ручку вилки, которой она только что ела.

Потом медленно встал, порывлся в карманах, нашел мобильный телефон, хотел кому-то позвонить, но не стал. Положил телефон в карман и двинулся к выходу.

Этот путь занял у него оставшиеся тридцать пять лет его жизни.

На Тане он не женился – не дождавшись развода, она от него ушла. Искал, но так и не нашел себе новую жену, родил двоих детей от двух женщин, дочери с ним не жили, и видел их он, в лучшем случае, раз в год. Жену после встречи в «Подсолнухах» он больше никогда не встречал. Полагал, что, скорее всего, она умерла.

Но она не умерла.

Когда с Виктором в его захлавленной грязной однокомнатной квартире случился инсульт, и он два дня пролежал на полу в сознании без еды и питья, Мария, оставив кабриолет у подъезда, только что из марсианского Нью-Йорка, в шуршащем платье вошла к нему, сняла шляпу, наклонилась, обняла и поцеловала в губы, вливая в него влагу и пищу любви. И он проснулся. И увидел, что лежит в облачении средневекового принца на высокой кровати в просторном замке, построенном на вершине холма, у подножия которого накатывал на берег тихий морской прибой. Вдвоем с принцессой Марией, а после бракосочетания с королевой, он прожил в этом замке шесть лет, во время которых незнакомая для соседей Виктора полубезумная на вид и толстая женщина молчаливо ухаживала за их разбитым параличом соседом. Соседи не могли понять, каким образом эта старуха-бомжиха умудряется покупать нищему больному старику еду и дорогие лекарства. Из сострадания они давали ей иногда продукты и мелкие деньги, недоумевая, на что она вообще живет. Однажды, придя на какой-то из праздников в находящуюся неподалеку от дома часовню, одна из соседок узнала среди просящих милостыню нищих Марию.

Прошло шесть лет.

И вот однажды ночью королева проснулась из-за того, что король встал с брачного ложа и пошел со свечой в руке к выходу. Недолго думая, Мария вскочила и побежала за ним, пробежала все залы, по которым старик шел, настигла его – и успела выйти в ворота замка, в которые хлынул поток света, одновременно с мужем.

Соседи похоронили их рядом, в одной могиле. Они не знали, как зовут эту женщину, и написали на кресте его имя, а рядом – «его жена».

ПОЭЗИЯ

*И строчка прорастает
из музыки – зерна...*

* * *

«Мой город, что печаль Вселенной на излете,
Затерян, не лишен взаимодействия сфер...», –
Скажу, и по шоссе на сумрачной «тойоте» –
Очки да черный фрак – проедет Люцифер...

Из цикла «Чилла»

В этом городе

*Петербург! У меня телефонов твоих номера.
О.Мандельштам*

Я пешком прохожу за кварталом квартал.
Я бессонные ночи считать перестал.
Сколько их, я не знаю, бессонных ночей.
В этом городе я – изначально ничей.
В этом городе я – невезучий игрок.
А вот твой наизусть помню я номерок.
И звонком телефонным дрожит звукоряд:
Наберу Петербург, как тогда – Ленинград...

* * *

Что есть глаза – незримый цезий, стронций?
Не угореть от газов выхлопных.
Дышать и жить под ржавым южным солнцем.
Вернулся в край... А может, нет иных?

* * *

Густа над городом дрожит ночная мгла,
И очертанья зданий томны, мнимы...
Вновь начинаю строчку: «И любовь пришла...»
(С ней, очевидно, мы неразлучимы).

К стеклу прильну... Легки овалы фонарей...
И промелькнут вдали огни трамвая...
Услышу за спиной (чуть слышен) шум дверей:
А, Муза – ветреная, верная, живая!

**Алексей
КИРЯНОВ**

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище противовоздушной обороны, работает обозревателем газеты «Вечерний Ташкент». Автор стихотворных сборников «Ночь» (1996 г.), «Классическая проза», «Такая любовь» (2007 г.) и др. Член Союза российских писателей. Участник международных фестивалей поэзии в Ташкенте (2003, 2005, 2006, 2008 гг.).

А утром – звонко так – незримая зурна
Поет, прохладный воздух привечая.
И строчка прорастет из музыки-зерна:
«Как кареглаза жизнь – нежна, простая!»

* * *

Единственный способ общения с миром
Остался посредством хрустящей бумаги.
В единственном мире, тшеславном и сиром,
Пусть вертится жизнь колесом колымаги!

Пусть с жадностью, с жаром последнего раза
Отдамся в объятия жизни: прохожий!
И радужной пусть оболочкою глаза
Порадует жизнь, и веснушчатой кожей!

И пусть еще раз в отражении книжном
Умру, растворюсь в черной краске страницы...
Воскресну, вернусь – и даже не в престижном
Я в образе – в образе юркой синицы.

Полночные стихи

Я там – на берегу усталой сонной Леты –
Письмо тебе пишу, письмо пишу, the
letter

О легких тополях, о синем небе, лете.

Я там. Тебе звоню... И помню номер,
number...

И голос различу, лишь созвониться намбы...
Усталый тлеет свет настольной тусклой
лампы.

По-прежнему люблю всей плотью
хрупкой, кровью...

Все ближе тлеет свет настольный к
изголовью.

Ты

Все, что на свете есть у меня, это – ты.
Ты для меня – жизнь, счастье мое – ты.

Я по земле иду, в сердце несу имя,
Ночью, в бреду, произношу твое имя.
Нежные звуки твоих речей, песен,
Когда слышу, я весел...

Блеск твоих глаз и во сне вижу:
Нет никого для меня ближе.

Снова со мной нет тебя рядом –
Снова со мной только печаль рядом,
Пусть ты с другим где-то,
Все равно жду тебя, Света...

Памяти Тамары

Пальчиков, пальчиков прикосновенья...
Жизнь – только вспышка, и счастье –
мгновение!

Девочка детства вдруг вспомнилась –
Света.

Счастье мое, знаю, белого цвета.

Тома – помарочка в школьной тетрадке –
Жизни взалхлеб и любви без оглядки!
Тома – помарочка... пальчики эти!..
До поцелуя на том белом свете!

...Вот и осталось: два томика – малость!
Лишь сожаление, Томочка, жалость;
Лермонтов в томиках разного цвета,
«Слышишь, Тамара?.. Прости...» – без
ответа.

Романтический разлад

Как воздух мягок, словно глину ты
Сырую мнешь опять рукою...
Какое счастье – быть покинутым,
Ах, обмирание какое!..

Скажи: «Какая жуть в молчании
Твоем... – скажи, – в твоём
безмыслии...».

Нет в небе ласточек (прошание!) –
Связали быстрых их и выслали...

«Летите», – им шепчу печально я:
Лишь осень вижу в их отлете я...
Прошай, любовь необычайная –
Ах, многозвучная мелодия!..

Ночное солнце

За окном полуночным дивный вид:
Крупных звезд петляет, юлит река.
Так ночное солнце дрожит – слепит,
Словно ты, любовь моя, далека...

Время снова есть для тревожных дум,
И печаль, как птица с больным крылом.
Просто – ночь на улице; звездный шум –
За окном полуночным, за стеклом.

Каждой ночью, бражнику, мне тепло:
Только тем и нежит ночная шаль.
Высоко как в горы нас занесло
Жизни, смерти, музыки... Жаль!

Ни о чем не нужно жалеть: в любви,
Слышишь, насмерть ранить запрещено.
Ты, голубка, бейся в стекло: живи,
Клюй с ладоней неба пшено.

Полет

Я кинулся с моста,
Но не разбился... Чайкой
Взлетел, чуть зачерпнул
Воды своим крылом.
...А музыка с листа
(Вернее – ноты стайкой)
Шумела... Промелькнул
Волны шлепок-излом...

.....
.....
Там волны темные
Шумели...

Черное, белое

Сложил я песню... Листай «Улисса».
Была у Блума жена-певица;
Легко, бездумно, должно быть, пела;
И так же точно любить умела...

Над книгой песня взлетела – чайка.
Воспоминаний взметнулась стайка –
Про светлокудрую Музу детства –
Про карий блеск...(Заплутал в ресницах!)
Певунья-девочка, жизнь лучится
Лишь тем, что ты в моем звонком сердце...

.....

Летели звуки... И, в платье белом,
Другое чудо жило и пело –
В широко-торжественном, черном зале –
О юной, белой моей печали.

проза

**Галина
ВОСТОКОВА**

Инженер-геодезист, журналист, член Союза Писателей Узбекистана с 1990 г., автор нескольких книг, включая исторические романы «Нефритовый слоненок» и «Симонетта».

Запах немислимых трав

Рассказ

Всю жизнь я был талантливым и толстым.

Но толщина бросалась в глаза каждому. А талант – попробуй разгляди! За бесцветной физиономией, полусонными горошинками-гляделками, носом-пяточком... Стараться надо, душевные силы затрачивать. А кому это нужно?

Мне хотелось забраться куда-повыше. Ну, хотя бы на крышу автобуса в час пик и закричать: «Дорогие мои соплеменники, обратите внимание, я умный, даже талантливый. Если вы меня любите, я горы сверну... хотите – эти, хотите – те...». Только вряд ли кто остановится – дела, дела. А если еще и на руки встать при этом? Что сложно при моих габаритах, знаю. Только бабулька с базарной сумкой в руках проламывает: «Фулиган!». Нет. Не ползу на автобус. И не буду выпрашивать внимания. Не хочется повторов. Вчера старый теле-Карлсон, заглядывая Малышу в глаза, говорил: «У тебя ведь есть я, правда? А я куда лучше собаки».

Можно возразить, мол, Карлсон жил один-одинешенек на своем чердачке, а у тебя – любящие родители. Вот именно – любящие. Только кого? Друг друга. Прогуливаются по осенним аллеям, поддерживая друг друга под локоток: «Милый, не поскользнься, листья влажные». – «Голубушка, крышка люка откинута, осторожненько...». И так далее. У встречных лица в улыбках расплываются: «Какая прелесть! Счастливицы. Поглядишь – и душой отогреешься!». А я три десятка бок о бок с ними, и что-то не греет, отнюдь... Ничего кроме слегка отстраненного материнского недоумения – как у нее, хрупкой и большеглазой, появился такой невзрачный отпрыск? Умудрилась природа слепить меня по образу и подобию ее свекрови. Говорят, да и по фотографии видно – похожи. Удивительно, что хоть фотография осталась, при материной-то неприязни. Обе слишком любили отца, разрывали его на части. Тесно даже в одном городе стало. И свекровь отбыла к родственникам. А мне время от времени приходило в голову, что лучше б меня отдали той бабульке. Может, она бы любила ребенка столь же некрасивого как сама? И вечеряли бы мы вдвоем. А потом на ночь сказку, про Иванушку-дурачка, некрасивого, но удачливого...

Но вместо сказок меня пичкали едой. Я послушно открывал рот и лишь бы не ругали – глотал все подряд. Мать равнодушно проводила ладонью по голове: «Молодец», а я готов был ради мимолетной этой ласки съесть слона. И однажды родители сказали хором: «У, увалень! Это ж надо быть таким обжорой! Не прокормишь...».

В детсаду хвалили за безотказный аппетит и спокойный нрав. И никто не обзывался. Поэтому я заревел из-за презрительного «Жирняк!» только в школе. И тогда осознал, что никто и никогда меня не полюбит.

Впрочем, не могу пожаловаться, что меня очень дразнили – знали, что я человек нужный. Потому что талантливый. Кому-то надо было собрать модель, а инструкция потеряна и детали не стыкуются. А то и девчонки: фасон придумают, а как выкройку построить – не сообразят. Маются, маются, пока кто-нибудь не вспомнит: «Айда, Огарышева попросим?». И я не против. Лишь бы пища была для ума. Ну и для желудка. Потому что легче думается, когда рядом кучка орехов, кишмиша или сушек. Иногда и о жизни думал, и о себе...

И еще... Был я всегда немного в стороне. В стороне и над... В классе я сидел на единственной парте в простенке, развернутой перпендикулярно остальным и учительскому столу. По традиции, до меня, сюда сажали провинившихся или двоечников, чтобы не болтали и на виду находились. А я сразу облюбывал это место. Словно для меня придумано. Все остальные к тебе боком, друг за другом в затылок. А у меня все как на ладошке, и за ними в окне облака, небо, вороны.

Место за партией рядом занимал кто попало: опоздавшие, поссорившиеся, нечетные... Карим, например, был пятым в своей компании. И приземляясь частенько возле меня, сувая контрольные по математике... Он был похож на горностая: темный, гладкий, гибкий, с острым носиком.

А собственно, почему был? Есть. Я, увидев его на улице прошлой осенью, через полтора-то десятка лет, узнал сразу, и будто затеплилось на душе:

– Карим, старик, ты где? Ты как?

Он неопределенно пожал плечами:

– Пока никак. Недавно вернулись из Риги...

– С родителями?

– С женой. Не прижился там. Солнца мало. Слушай, – он вдруг встрепенулся, – а ты на каком поприще ныне? Доцент, небось? Или в профессора выбился? Я работу ищу. Помоги!

– Какой там профессор, – отмахнулся я, – простой инженер. А у тебя что за специальность?

– Экономист. И в программировании волоку немного.

– О, тогда легче. Я поговорю. У нас в отделе есть еще вакансия инженера.

– Ну, спасибо, друг! Обнадежил. Давай телефон запишу!

Освободившийся стол стоял рядом с моим. И наш маленький, за исключением меня, женский коллектив взбодрился от предположения: поселится за ним еще один представитель сильного пола. Для стимула эмоционального.

Но тут произошла осечка. Карима, закинувшего сети в разные фирмы, скоростижно приняли на работу. А потому он привел к нам женушку. И Инга заняла стол, окутав меня облачком своих дорогих духов.

В «предИнговом» периоде было нас в комнате четверо: я, Калерия, Лола и Аня. Все ровесники, слегка за тридцать. Делить нам нечего. Жили спокойно, удовлетворенные Лериным микроруководством. В начале квартала делили работу, в конце сдавали программы, отчеты. И кто-нибудь привычно удивлялся: «Огарышев, когда ты успел? Проспал же все время...».

А я не спал, я размышлял, чтобы окончательно зафиксировать лишь вариант единственно верный. И что за странное заблуждение – представлять думающего человека таким живчиком, стучащим по клавиатуре. Неужто какие-либо телодвижения обязаны сопровождать полет мыслей? Когда голова на плечах... Я думал и слушал.

Инга появилась у нас в понедельник. Нельзя сказать, чтобы приняли ее с распростертыми объятиями. Калерия кивнула на свободный стол: «Располагайтесь».

Я искоса разглядывал новенькую. Точеный носик, четкий рисунок не накрашенных губ, легкие морщинки, светлые тяжелые прямые пряди: каждый волосок отдельно, как длинные желтые листья ивы за окном, и с такой же осенней ржавчинкой. И голос со ржавчинкой, жестковатый тембр, наверное, утомительный в больших количествах. Но собой она была хороша. Очень. И положительна. Весьма. И чем ближе я с нею знакомился, тем чаще думал: «Удивительно, бывают же на свете также хорошие люди», – завидуя Кариму – ну за что так повезло мужику?

Инга в первый же перерыв купила торт и, нарезав его аккуратными кусочками, сказала:

– Угошайтесь, пожалуйста.

Мы подтянулись к чайному столику.

– Очаровательно! – проговорила Лера без особой радости.

– Ох, вкуснятина, пальчики оближешь! – зашептала Анечка, сразу же, как маленькая, измазав нос в шоколаде.

Лола поглощала сладкое молча. Ну а я помалкивал по привычке.

– Не сравнить, конечно, с тортом, который готовит моя мамочка, – сказала Инга, – но для рядовой кафешки, действительно, сносно, – и, вылив на ладони остатки чая, тщательно протерла пальчики бумажной салфеткой.

– А это куда? – спросила Аня, показывая на оставшуюся половину торта.

– Пусть Инга заберет домой, – сказала Лера, – холодильника все равно нет. Домашних покормит.

– Ни в коем случае, – ответила новенькая.

– Угостить соседей? – неуверенно предложила Лола.

– Конечно, конечно, – согласилась Инга, – но я с ними не знакома. Если можно, отнесите сами. Мне неудобно.

Не жадная, удовлетворенно отметил я, и скромная.

И начал потихонечку влюбляться. Без всяких перспектив, естественно.

Подходил Анюткин день рождения.

Мы скинулись, как было заведено, по пятерке и стали прикидывать: то ли чайный набор купить, то ли материал на кухонные занавески.

– Мне мамочка костюм прислала, – задумчиво проговорила Инга. – Фигуры у нас примерно одинаковые. Ей как раз будет. Уступить что ли?

– Сколько? – поинтересовалась Лола.

– Сорок.

– А у нас всего двадцатка.

– Ну и что? Добавим. Она ведь бедняжка... Мне свекровь... у них, у татар, поговорка такая: если женщина одна поднимает ребенка, то пусть у нее даже порог золотой, помогать надо, чем можешь.

Это, кажется, было впервые, когда чувство вины синхронно охватило всех. «Вот мы олухи, – подумал я, – а она права, умничка какая!»

Купили Аньке костюм. Пожалуй, ярковат он был для нее, и юбка короче, чем следует. Ну да ладно.

На свой юбилей Анна наташила гору всяких вкусностей, Лера принялась командовать:

– Огарышев, сдвигай столы, Лола, чего расселась? Хлеб режь!

– А вилки, рюмки... Давайте, я помою, – поднялась из-за стола Инга.

– Да нет их у нас. Ни того, ни другого. Мы по рабоче-крестьянски обходимся: ложками и пиалками, – беспечно рассмеялась Аня.

– Как же так? – недоуменно вскинула на меня ореховый взгляд Инга.

И всем стало не по себе. Действительно, непорядок.

– А пойдемте к нам, – предложила она. – Дома все есть. И недалеко тут совсем.

– Конечно, пойдемте, – обрадовался я. – Хоть раз по-человечески посидим.

Мне так хотелось в гости! Я обожал бывать в гостях, примеривая к своей жизни чужую обстановку, отношения, угадываемые маленькие интимные тайны... А как живет эта пара, Инга с Каримом, мне требовалось знать просто до чесотки в мозгах.

Квартира у них оказалась обычной, каких миллионы в наших пятиэтажных близняшках, с интерьером ничем не примечательным. Разве что стена столовой была целиком укрыта плетенкой плюша, будто торец древнего английского замка. Темная зелень тянулась из узкого декоративного корытца. Воздух был оранжерейно густым.

Инга поспешила пояснить:

– От прежних хозяев осталось. Руки не доходят выкинуть. Вот будем ремонт делать...

А тут и Карим пожаловал. Мы одновременно спросили: «Как дела, старик?», и вроде бы сами себе ответили: «Да нормально, старина!». Пооткрывали банки, раздвинули стол. Лера пожелала Анне здоровья. И все бодро заорудовали вилками. Лишь Инга, помедлив, положила себе шпротинку, изяшно разрешила огурчик на узкие ломтики... Устыдившись нашего плебейства, я сделал то же. И потек застольный разговорчик ни о чем и обо всем. А я приглядывался к хозяевам. Пытался уловить улики любви, душевного родства. О! Я бы распознал их за версту – теплеющий голос, ласковое оглядывание: все ли в порядке,

прикосновения вместо слов... Их не было – улик любви. Ничего.

Аня плюхнула себе на колени кусок холодца. И, как всегда, расхохоталась: «Вот растяпа!». Лола протянула ей салфетку. Карим суетливо вскочил: «Сейчас, сейчас... полотенце принесу... намочу». Инга проводила его холодным внимательным взглядом. Таким, что я поежился за него. Анькину юбку отчистили. Все уже потянулись к пирожным. А Ингина тарелка оставалась пустой.

– Инга, а ты чего? Торопись, пока все не смели.

Но красавица удивленно распахнула ресницы и спросила: «И как в вас столько помешается? Я больше не могу». Я тут же ошутил бездонность своей утробы и тихонько отодвинулся от стола.

Инга была совершенством. К тому же свободным от привязанностей.

Я возвращался домой с запахом ее духов...

С некоторых пор мне чаще приходилось вылезать из-под шапки-невидимки. Инга предпочитала вопросы, касающиеся работы, задавать мне. Я понимал, что это заслуга Карима, растрезвонившего о моих выдающихся способностях. Стоп. Кажется, лицемерю. Ведь, если по-честному, мне приятно, что именно Инга наслышана. А ее разговоры со мной окрыляли меня.

Приятно было смотреть на Ингу: гладкие светлые волосы текут по щекам, корпит над отчетом... Нет, не увести мне ее у Карима. Инга – недотрога, королева. Я готов был ограничиться любовью платонической. И примерил к себе роль рыцаря. Подходяще...

Хотелось писать стихи. Слова клубились внутри меня, связками выплывали из глубины, но осмысленной гладкости никак не получалось.

При Инге я произносил гораздо больше фраз. А наши женщины – меньше, из-за Инги. Но никто больше не ляпал первое, что взбредет в голову.

Однажды день был особенно светлым из-за свежего снега. Инга придвинула ко мне свой стул, прося проверить таблицу, и я, окутанный ее ароматом, пробормотал:

– «...одна, дыша духами и туманами, она садится у окна». Кстати, а как называются ваши духи? Чудесный запах.

– Да? Вам нравится? – она грустно вздохнула, достала из сумочки флакон, открыла его, перевернула, потрясла, понюхала ладонку.

– Кончились. Мамочка дарила. Франция. Шанель. Уж как я берегла!..

Я сочувственно покивал, ничего не ответив. Но нежные звуки «ша-нель» запали в голову и к вечеру обрели вид идеи. «Инга, Иволга, Ингуля...», – напевал я вполголоса, возвращаясь домой. И заботился об одном: как бы аромат не выветрился из памяти.

Вообще-то запахи я запоминал хорошо. И нюансы различал. Даже во сне. Приснился однажды чудной такой сюжет, будто я выиграл многокилометровую мотогонку. Все поздравляют. Лавровый венок на шею... А Анна наша букет белых роз протягивает. Я их нюхаю и говорю ей: «Что-то не так, белые розы должны пахнуть слаше, а здесь горчинка. Ты перепутала ароматы». А она: «Это тебе мнится из-за лавров».

Утром на базар собрался за картошкой. Заглянул там в цветочный ряд, поднес к носу десятка два роз разных сортов, но убедился, что прав был ночью. Выбрал на радостях три, любимые, «чайные». И поставил дома на окошке. Правда, мама, зайдя в мою комнату, сказала:

– Странно. Цветы для дамы?

Я ответил:

– Нет. Просто так!

– Хороши. Но здесь они не смотрятся. Пусть стоят у меня.

– Пусть, – с детства привыкнув не перечить, согласился я.

А по поводу Инги идея была такая: в апреле предстояло отмечать день ее рождения. Так не подарить ли ей синтезатор ароматов – «си-нар»? Программу задать для ее любимой «Шанели». Я сразу представил, как входит она, а я поливаю все вокруг духами.

– Что вы делаете, Антон? «Шанелью» – пол?! Этой драгоценностью?!!

А я протягиваю ей синар и говорю:

– Инга, милая, теперь ты можешь даже половичок у входа в квартиру брызгать «Шанелью», а хочешь – «Сигнатором», чем душа пожелает. Только вели – программу поменяю...

Но заманчивые картины разгоряченного воображения – выделка шкуры неубитого медведя. Зима была на исходе, и следовало поторапливаться.

С электроникой, как всегда, в ажуре: я и маг, и волшебник. Но вот химией всерьез

заниматься не приходилось. Она тянула за собой молекулярную физику. И без теории обоняния было не обойтись. Здесь я делал массу открытий. Для себя, конечно... Инга, Иволга, Ингуля...

Снег на бульваре посерел, съезжился. Солнце высмотрело на противоположной крыше темное пятно – трубу, сосредоточилось, и возникли вокруг рыжие черепичные прогалины. Блямц! Девчонки вздрогнули от стука сосульки, свалившейся на жестяной подоконник. И я понял, что с синаром не успеть. Но что же делать? Бежать за духами в бутик? Выдавливая из себя дурацкую улыбку, нагловатую и заискивающую, намекая хозяйке, что за мной, мол, не заржавеет, вы только раскопайте, достаньте флакончик, да-да, таких вот. Но даже если... На такой подарок надо иметь право. Другое дело – смастерить что-то самому и произнести небрежно: «Вот, Инга, может, пригодится, это так, от безделья вечерами складывал...» Блямц! Еще одна сосулька слетела. Я понял, что не успеваю...

Лера подняла голову от распечатки:

– Мне вчера принесли томик Хлебникова. Если кто хочет, могу дать почитать.

– А это кто? – шепотом поинтересовалась Лола и покосилась на Ингу: не слышит ли?

Инга снисходительно посмотрела на нее, вздохнула, улыбнулась:

– Серебряный век... Но Гумилев мне нравится больше... «Романтические цветы»...

И небрежным жестом откинула волосы с моей стороны. Капелька жемчуга сверкнула в розовой мочке.

Может быть, подарить пока что-то, связанное со стихами?

Я скачал в «инете» Гумилева. Перечитывал несколько раз, замороженный льюшимся ритмом, тайной, сокрытой за словами...

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд.

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф...

На «фотошопе» я любовно слепил поздравительную открытку с этими же стихами и африканским пейзажем, распечатал в цвете и уложил в красочную папочку.

Затягивая на шее ненавистный, но гармонирующий с костюмом галстук, я гадал, пригласит ли Инга нас, или меня домой, или отмечать день рождения придется не сходя с рабочего места. Очень хотелось домой. Карим недавно заходил к нам, к Инге, за ключами от квартиры – дверь захлопнулась, ну и ко мне:

– Как дела?

– Порядок.

Не о чем больше говорить, невозможно же вспоминать до бесконечности молодые годы, а других тем не подворачивалось. «Если что нужно будет, заходи... да, старик, может, в среду заглянешь? У супруги юбилей, кое-кто явится из людей интересных». Значит, приглашение почти получено. Инга, Иволга, Ингуля... Мне позарез нужно было внеслужебное общение. Даже только посидеть бы в уголке, глядя как она, сбросив официальную вежливость, будет смеяться и, может, кокетничать, отпив из пенящегося фужера... А вдруг удастся потанцевать? Я задохнулся, представив полумрак, изгиб теплого тела, доверившегося моей ладони, пряди волос, коснувшиеся моей щеки, тонкий аромат и удивленное: «О-о, вы, оказывается, неплохо танцуете!».

Инга с утра задержалась: шеф попросил ее зайти в управление.

Лера налила воды в хрустальную вазочку с отбитым краешком, давно принесенную Аней из дома для таких случаев, поставила в нее три алые гвоздики, укрыв шербатинку под листьями, достала хрустящий целлофановый сверток, украшенный голубым бантиком, покачала его в ладони, будто прикидывая вес:

– Лола, ты? Хоть два слова...

Но Лола, наш самый красноречивый поздравитель, уперлась:

– А почему вечно я? Пусть Анечка.

– Я не умею! Чур, только не я! – замахала руками Анюта. – Пусть вон Огарышев... Он-то теплые слова наскребет. И вид у Антона самый парадный.

Прешираться было глупо.

– Ладно. А что тут у вас? – я поправил голубой бантик.

- Белье.
- Слушайте, но удобно ли мне?
- Да какая разница?

И тут вошла Инга. Я ждал, пока она скинет куртку, чувствуя, как влажнеют ладони. Теперь и руку ей даже в шутку не пожмешь. Она увидела гвоздики, взметнула ресницами, сказала: «О, благодарю!»

Я разгладил галстук, поднялся:

– Инга, мы вот тут... хотели... то есть, хотим, поздравить вас с днем рождения. Будьте веселой, счастливой и такой же красивой, как сегодня, всегда, – я запнулся, предательские капельки пота поползли от виска по щеке. – Ой, еще чуть не забыл... Вы говорили про Гумилева, вот здесь...

Инга заглянула в папочку, и легкая тень скользнула по ее лицу.

– О, благодарю! – еще раз сказала она. Остальные внимательно, без улыбок смотрели на нас.

В обед Инга принесла «дежурный» торт, и мы молча попили чай. Я с трудом изыскал в памяти парочку нейтральных анекдотов. Последнее звяканье ложечки будто поставило галочку в списке проведенных мероприятий. Праздника почему-то не получалось.

Инга вышла, вернулась: «Я отпросилась у шефа. Так что до завтра. Еще раз спасибо». И все. Я чувствовал себя ребенком, уронившим нечаянно на пол недоодевшую конфету; она вот, на полу, а взрослые одергивают: «Нельзя теперь». Мне бы чуть-чуть самонадеянности, и я посчитал бы приглашение Карима действующим. Но нет, такому закомплексованному тюфяку требовалось подтверждение из уст именинницы.

Придя домой, я сразу выпил две таблетки снотворного, чтобы хоть до утра ничего не видеть и не слышать.

Настал май. Солнце подсушило землю, наполнило силой яблони и персики. Хотя нам веселости не прибавило. Хороший, наверное, человек Инга. Вот только нежность моя куда-то испарилась. И не напевалось утрами: «Инга, Иволга, Ингуля...». Опять все возвратилось на круги своя. Синар я почти забросил...

Когда шеф зашел к нам с вопросом:

– Огарышев, Антон, ты в отпуск с какого убываешь? – я понял – это то, что мне сейчас нужно!

- Чем скорее, тем лучше.
- Пиши тогда заявление быстренько...

Я подошел к карте, раскинувшейся на стене, стал водить пальцем по выступу Крыма, блеклой голубизне Белого моря... А может, в Индию махнуть? Но вовремя опомнился: визы, билеты – попробуй за пару дней все оформить!

И решил я положиться на волю случая. Поехал на вокзал. В северном направлении никаких билетов на сегодня-завтра не было. И тут взгляд мой упал на окошко возврата купленных билетов. Я стал ждать первого, посланного судьбой, согласный отправиться в любом направлении. И заметил черноусого паренька в тубетейке, направляющегося к расстроенной физиономией к «моей» кассе. Я притормозил его:

- Эй, братан, сдаешь билет что ли?
- Сдаю. А что?
- На какое число? Билет один?
- На завтра. Один.
- Я его куплю...

Черноусый удивленно пробубнил:

- У меня же не в Москву... вам туда, наверное, надо? У меня – пустыня, Казахстан...
- А-а... все равно, лишь бы уехать.

Парень дернулся назад, видно подумав: «А не преступник ли это, скрывающийся от правосудия?».

– Отпуск пропадает...

Он глянул внимательнее и улыбнулся:

– Хоп. У нас тоже хорошо, я тоже отдыхать хотел, да в командировку срочно надо.

Переоформили билет на меня. И совсем уже проникаясь доверием, парень сказал:

– Слушай, сделай доброе дело... У меня мать живет прямо возле станции, купи ей в подарок от меня клубнику, черешню, скажи, чтобы не обижалась. Я напишу ей. А? Вы-

ручи! Хоп, майлими? Вот деньги?

– Ладно. Не волнуйся. Сделаю. Давай вот, пиши, – я протянул ему записную книжку, – адрес, имя...

Начало было положено.

А когда возвращался домой, меня осенила очередная идея. Возьму синар с собой. Не забыть бы купить батарейки, чтобы не зависеть от электростанции. Не хотелось ни от кого зависеть – палатка, спальник, сухой паек... была бы лишь вода. И тогда там, не отвлекаясь, я разберусь с собой и с синаром. А почему бы не попробовать использовать его для похудения. Похудеть я пытался несколько раз. Впервые – влюбившись, в восьмом классе, я не ел целые сутки, мучаясь по-страшному. Но, увидев, как предмет моей страсти курит с пацанами в углу двора за полуразвалившимся сараем, облегченно вздохнул и съел сразу полбуханки хлеба. Таблетки, отбивающие аппетит, пробовал. Не помогают. Вернее, бросил их, не дождавшись эффекта – от чувства тошноты и состояния, которое окрестил для себя «улетающим».

Еще немного, и я научу синар синтезировать ароматы. Так, если снабдить пищу, которую немедленно хочется слопать, мерзким индоловым запахом? Аппетит должен пропасть, хоть на время. А положив перед собой на тарелку планктон, водоросли, петрушку или прочую чепуховинку, от которой едва ли поправишься, жевать все это, вдыхая аромат шашлыка или ванильных пирожных... Успех не гарантирован, но попытка – не пытка, а время все равно девать некуда. Так что попробуем.

Я насытил сухарей, купил сухого молока. Если б лес, можно было бы пробавляться подножным кормом, грибами да ягодами, а в пустыне что, кроме верблюжьей колючки? Заглянул в справочник: «...из семейства бобовых... кислоты... витамины... каротин... сахар...». Подходяще.

Уложил в коробку реактивы для опытов, единственное, чего не сыскалось из составленного ранее списка – бикарбонат натрия, да, элементарная питьевая сода.

Утром оставался буквально час свободного времени, чтобы получить на работе отпускные, купить фрукты, обещанные тому парнишке для матери... Никто не поинтересовался, как я собираюсь провести месяц, и где.

Перед уходом спросил девчонку: где поближе соду купить можно? Опаздываю, мол... Инга сказала, что у нее в столе есть немного – чашку свою моет иногда; могу забрать. Я обрадовался, поблагодарил ее, приняв широкогорлый флакончик, заткнутый катышком бумаги. Прислушался к себе: нет, почти не колыхнулось ничего в душе. И былого благоговения не ощутил. Хороша? Да. И уважения достойна. Но слишком холодная, отстраненная.

Полустанок был довольно захолустным. Казалось, семечко большого города занесло сюда пустынным ветром, и проклюнулось оно серым индустриальным ростком.

Кроме голопузой мелюзги я никого не увидел, подозвал одного, сунул ему пряник в замурзанную ладошку: «Где живет тетя Турсуной?».

Он закивал, поташил меня к крайнему домику. Я подхватил коробку с фруктами, рюкзак.

– Здравствуйте, Турсуной... апа, – добавил я уважительно, забыв сложное отчество пожилой женщины. – Вам от сына привет. Вот... – Я вручил ей клубнику, пересыпанную сахаром, черешню.

Она пригласила меня в дом. Налила кружку сладковатого тягучего молока, разломала лепешку, высыпала на тарелку часть фруктов. И мы стали вести «светскую» беседу. Она все про сына спрашивала, никак не могла понять, зачем я приехал в их глушь, не хочу жить в доме, а рвусь черт-те куда, в пустыню. Но потом, кажется, решила, что я геолог или кто-то там еще из поисковой братии.

– Мне лишь бы вода недалеко...

– Вода мало, – сказала она, задумавшись, потом улыбнулась, морщина щеки, переговорила с пацаненком, отирающимся возле нас.

– Он знает. Он идет с тобой. Ты потом приходи – я молоко даваю...

Я взял половину вещей, сказал: «Ну, айда, братан! Спасибо вам, Турсуной-апа. Я еще вернусь за остальным». И потопал за мальчишкой.

Через километр показалось странное темное сооружение. «А это что?». Он пожал плечами: «Сначала не было, потом было». Неподалеку росло дерево. К нему мы и направились.

Наполовину засохший карагач и почти пустой колодезь. Но все-таки тень и вода. Даже скамеечка была вкопана в глинистую землю.

– Хорошо? – спросил мальчишка.

– Отлично.

В общем, сил у меня хватило только, чтобы палатку поставить, отереть пот со лба, выпить кружку мутноватой солоноватой воды, бросив в нее для подстраховки пылинку «марганцовки», и с удовлетворением залезть в спальник – кажется, удалось уже сбросить килограмма два.

Утро было ясным, нарядным, розовым. Лавочку под карагачом я превратил в стол – то рабочий, то обеденный. А садился на свернутый спальник. Оказалось – удобно. Завтракал, обустроивался, перебирал реактивы, заправлял батарейки в синар, а сам все поглядывал на металлическое нечто, торчащее посреди пустыни, заваленное на бок, неправильной формы. Ржавчина на «стенке» переходила в окалину, цвета побежалости. Нечто могучее и жалкое. Если б я не имел представления о конструкции ракет, и о том, во что превращаются носители, падая сквозь атмосферу, если б я был, например, филологом и дал волю фантазии, можно было бы придумать что-нибудь про небесные путешествия моего железного соседа. «Сначала не было, потом было!». Свалилось.

Так и зажил... Тетрадка, где за датой следовали результаты опытов и выводы, потихоньку заполнялась. Боясь, что ее не хватит, я умельчал почерк. Я увлеченно играл. А не игры ль для большинства исследователей их научные занятия? К бензольному кольцу добавлял атомы йода, запах становился ярче, слаще. Менял местами гидроксильные группы...

Но мне откровенно мешали две вещи. Во-первых, сода, полученная из Ингиных рук. Вернее, не сода, а флакон. Каждый раз, открывая бумажную пробку, я испытывал неприятный толчок, приписывая его своей неудавшейся любви. Во-вторых, птица, сорока.

Мне виделся за ее пуговичным глазом характер вороватый и наглый. Она так и норовила выхватить у меня из-под руки сухарик, которых и без нее не хватало, на глазах увела у меня пинцет, взлетела с ним и, не удержав, уронила, он застрял в ветвях карагача, и я потратил полдня на его вызволение. А она кружила над головой, издавая довольные звуки: «Ча-ча-ча!». Ну зачем, скажите на милость, ей пинцет понадобился? Чтобы меня позлить? Она норовила урвать даже салат из верблюжьей колючки, которую и сама раздобыла бы прекрасно – сверху лучше видны редкие кустики. Но птице, из вредности, нужно было все мое!

Я по-хозяйски изучил окрестности, нашел несколько островков не успевшей засохнуть травы, кажущейся безопасной для пищеварения. Заведомо полезную колючку нарвал, порезал, отбил камешком и немного съел. Остался жив. И даже ничего не заболело. Тогда увеличил порцию. Салат был кисло-сладкий с пряной горчинкой. Не сказать, конечно, что ел я его с удовольствием, как и суп «из пакетика», и сухари, но ведь я не просто поглощал пищу, я проводил эксперименты, что становилось уже интереснее.

Солнце, вытапливая из меня жирок, уменьшало и без того небольшие островки зелени. Днем я старался не высовываться за пятачок редкой карагачной тени. Птица дремала в ветвях или улетала в гнездо, топорщившееся сухими ветками, оставляя свои бесчинства для вечера. Солнце краснело, двигалось к горизонту, птица озиралась в поисках съедобного, я бдительно прятал все блестящие мелочи и быстро тающие припасы. Потом бежал размяться, нарвать травки. Проносясь мимо ничейной железяки, я привычно грохнул пару раз по ее ржавому боку. «Бом-бом!» – гулко разнеслось по пустыне, и птица, примостившаяся точеным флюгером на самом окалинном коньке, встрепенулась, гаркнула возмущенно. Я стукнул еще раз и, вдруг, обратил внимание на свою тень. Или мне показалось? Нос! Ну, точно, он стал острее. Я ощупывал щеки и подбородок, укрытые бородкой. Лицо потеряло былую упругость. Обвисло складками. Лучше это или хуже? Пока не знаю, но что-то менялось. Можно было поразмыслить: изменится ли вслед за этим и мой характер.

Было грустно. От того, что не рассчитал собственных сил. Думал, месяц робинзонады – раз плюнуть. Ан-нет, тянуло к людям. И куда же делось хваленое мое умение никогда не скучать в собственном обществе? К кому тянуло? Кому я был нужен?

И второе: даже при моем упорстве ничего не получалось с синаром. Первый сбой в моей конструкторской самодеятельности. В чем просчет?

С электроникой – нормально. И проверять нечего. Дело в подходе, в принципе.

Да, мне удалось получить какие-то элементарные запахи. Но это не было *синтезом*. Один запах был равносильен одной ноте, одной краске, которая или надоедала, или через минуту, после привыкания, не воспринималось вовсе. Кумарин, нравящийся мне больше других, издавал запах сена, но ненастоящий, обманчивый, действующий лишь секунды. Но еще чуть, и понималось, что синар источает запах не сена, а кумарина. Одна нота, нищий монотонный запах. Обонянию не за что зацепиться, как взгляду на бесконечной голубизне ясного неба. Можно будет, со временем, сложить две-три ноты, но зачем? Я поднес к лицу соцветие верблюжьей колючки. Медовый аромат ее был подвижен. Менялись, всплескивались разные оттенки, богатство которых скупыми средствами языка не передать... Чтобы подобрать запах ТЕХ духов понадобятся, наверное, годы.

Думал, машинально вертя Ингин флакон. Опять мне что-то мешало. Надо хоть от него избавиться. Я пересыпал соду в освободившуюся баночку, заткнул, собираясь выкинуть подальше.

Вредная птица камнем спикировала с карагача, выхватила прямо из-под носа обломок печени, уселась на верхушку железяки и нагло стала дробить печень на крошки. Вот на ком я вымешу свою несостоятельность. Я запустил Ингиным флаконом в шевелящийся черный силуэт на закатном фоне: «У-у, гадина!». Но, разжав руку еще до звяка стекла, разбившегося об угол, где секунду назад сидела птица, я что-то понял. Какая-то цепочка замкнулась.

Я смотрел, как осколки сыплются на песок, как птица кружится над головой, и ждал. Мне нужна была затычка-катышек, бумажная пробка. А она застряла. Зацепилась за ржавый выступ. Через час или день ее сдуло бы ветерком. Но мне надо было сейчас, немедленно. И я полез по скошенному краю железяки.

Я добрался. Я перекинул ногу через выступ, устраиваясь надежнее, и развернул катышек. Разгладил потертую страничку. Буквы поломались, любовно созданная картинка «из африканской жизни» запылалась... Я прошептал по памяти:

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... Далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

Перехватило дыхание. Я дернулся. Железо ширкнуло, избавляясь от моей тяжести. Я почти и не цепляясь за него. Треснуло, разрываясь, трико на коленке...

Песок был теплым, будто родным. Я равнодушно смотрел на длинные тени, размазанные по нему, на мерзкую птицу в краснеющем небе, на собственную кровь, которая медленно струилась из задетой острым выступом вены. Совершенно нелепая ассоциация – вспомнился Генрих Валуа, юный король Польши, разлученный с возлюбленной и пишущий ей послания кровью. Кровь? Вот она. Сколько угодно. Кому только писать? Некому... И пусть...

Я закрыл глаза, согласившись на уход.

Птица захлопала крыльями, подала голос от палатки: «Ча-ча!», застучала клювом. По чему? По синару? Бог с ним, с синаром.

Было спокойно. Издалека тянуло тандырным дымком. Представилась Турсун-апа, вытаскивающая пылушие жаром лепешки.

Стоп! Если я умру сейчас... здесь... Столько хлопот выпадет на долю ни в чем не повинных людей! Нельзя. Если решусь, надо уходить подальше, туда... А сейчас далеко не уйти, сил не хватит. А может, я кривил душой? Не знаю.

Короче, я зажал вену и пополз к палатке, к сумке с йодом и пластырем. Следовало торопиться. Солнце почти скрылось.

ПОЭЗИЯ

Письма в Армению

В ноябре 2013 года мне посчастливилось побывать в Ереване, на VII Международном Форуме переводчиков и издателей стран Балтии и СНГ, который проводится в Армении ежегодно. Это была уже вторая моя поездка на Форум (первый раз в 2009 г.).

Не секрет, что за последние два десятилетия после распада Союза многие культурные связи между независимыми государствами были утрачены, а между тем, именно они не только обогащают нас, сближая разные культуры, но и помогают лучше понять и решить общие проблемы и вызовы непростой эпохи перемен, выпавшей на нашу долю. Кроме того, нам есть чем поделиться друг с другом – ведь за это время в каждом государстве выросло целое поколение, появились новые интересные прозаики, поэты, эссеисты, и возрождение тех замечательных традиций и школ литературного перевода, которые когда-то существовали на общем культурологическом пространстве, является очень актуальным и нужным делом. Форум переводчиков, проводимый ежегодно в Армении, стал первым и очень важным шагом в этом направлении. Каждый год этот Форум собирает ведущих переводчиков, литераторов и издателей стран СНГ, предоставляя им уникальную возможность живого общения и обмена опытом. В рамках Форума проводятся тематические круглые столы, обсуждения наиболее актуальных проблем перевода, презентации новых переведенных книг, издаваемых в странах СНГ, знакомство с деятельностью переводческих школ, с историей и культурой Армении.

Организаторы Форума радуют участников не только точным гостеприимством, но и очень интересной и информационно-насыщенной культурной программой. Так, практически каждый год для гостей проводится экскурсия в хранилище древних рукописей Матенадаран. В этом уникальном музее хранятся рукописи начиная с IV века, т.е. с того периода, когда гениальный армянский просветитель и ученый Маштоц изобрел (именно изобрел!) армянский алфавит, который сохранился до наших дней практически без изменений. Как известно, Армения была самой первой страной в мире, принявшей христианство как государственную религию. И, конечно, огромную роль в просвещении и распространении веры сыграла армянская письменность. Поэтому у армян необыкновенно трепетное и бережное отношение к древним рукописным текстам, которые являются не просто историческими раритетами, но, прежде всего, духовно-культурным наследием народа, уходящего своими корнями в глубь времен. Армянский алфавит – это тонкая струна, проходящая сквозь Вечность.

Интересно отметить, что в Матенадаране хранятся не

**Баходыр
АХМЕДОВ**

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил Московский госуниверситет. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана и Эстонии. Участник Ташкентского фестиваля поэзии (2008 г.), победитель ежегодного Международного поэтического конкурса «Пушкин в Британии» (2007), участник Международных форумов и конференций.

только рукописные тексты на армянском языке (хотя, разумеется, они составляют основную часть фонда), но и уникальные книги, написанные на всех европейских языках (или переведенные), а также арабские и персидские рукописи.

Каждый год Форум переводчиков меняет свою тематическую направленность, в рамках которой проводятся научные дискуссии и круглые столы. В 2013 он был посвящен проблемам перевода фольклорных текстов. Выступая на открытии Форума, наша ташкентская переводчица Саодат Камилова рассказала притчу о ходже Насреддине, который, как известно, является самым популярным фольклорным персонажем узбекского народа. Эта притча очень удачно и точно легла в контекст переводческой проблематики.

Как-то раз к Насреддину пришли два поссорившихся между собой соседа и попросили рассудить их. Первый сосед изложил свою позицию, и ходжа Насреддин сказал ему: «Да, ты прав». Затем он выслушал второго соседа, подумал немного и сказал ему то же: «Да, ты тоже прав». Тогда жена Насреддина, которая слышала весь разговор, подошла к нему и сказала: «Послушай, Афанди, не могут два поругавшихся друг с другом соседа быть одинаково правыми!» Ходжа Насреддин посмотрел на нее с важным видом, кивнул головой и изрек: «Ты тоже права»!

Эту притчу цитировали в течение трех дней форума, потому что действительно, в искусстве перевода все правы, и все не правы. Каждый перевод – это индивидуальное, конкретное видение переводимого текста, но идеального перевода не существует. Если мы сравним несколько разных переводов одного стихотворения, то мы, разумеется, если мы знаем язык оригинала, без труда сможем увидеть, что перевод «А» очень точен, но в нем не хватает поэтичности, а перевод «Б», напротив, грешит вольностями и отклонениями, но зато легко читается и в нем больше поэзии. Какой перевод предпочтительнее? Некоторым больше нравится точность, другие же наоборот, выберут поэтичность. Но, перефразируя известный афоризм Ларошфуко о том, что наши недостатки суть продолжения наших достоинств, можно сказать, что достоинства одного перевода есть продолжение недостатков другого. И каждый прав по-своему, как и собеседник Насреддина.

Наша делегация провела две небольшие презентации, которые были тепло приняты участниками Форума: сборник переводов современных узбекских рассказов Саодат Камиловой «Река души моей», включающий произведения ярких и интересных писателей нашей республики и заслуженно получивший в 2013 году премию Союза писателей Узбекистана. На Форуме было отмечено, что в определенном смысле, это уникальный сборник, являющийся точным и глубоким портретом современной прозы Узбекистана, отразившим не только смысловые, но и стилистические особенности каждого автора, сохранившим в переводах индивидуальную авторскую интонацию. В сборнике собраны маленькие шедевры, подобно осколкам зеркала, отражающие наше непростое время и размышления писателей, по-настоящему болеющих за свою страну, о нем.

Был презентован также недавно изданный сборник переводов произведений Улугбека Хамдама «Забывшие мелодии ная», включающий его рассказы и повесть «Одиночество» и вызвавший живой интерес участников Форума. В нем своеобразно и умело представлена национальная картина мира, отражены актуальные проблемы времени.

Один из круглых столов был посвящен журналу «Депи апага» («К будущему»), издаваемому армянской общиной в Узбекистане, где нашла отражение деятельность армянского культурного центра и публикуются интересные материалы, посвященные истории международных культурных связей. Несколько номеров журнала мы подарили Славянскому Университету имени Брюсова, в котором проходил наш круглый стол.

На Форуме прошла также презентация поэтического сборника-билингва «Буквы на камнях», который вышел в свет в прошлом году в Ереване. В эту замечательную антологию вошли стихи современных русскоязычных узбекистанских и армянских поэтов с переводами на армянский и русский языки соответственно. В сборник включены произведения четырех наших авторов: Николая Ильина (поэт и переводчик), Сабита Мадалиева, Алины Дадаевой и Баха Ахмедова, поэта Вадима Муратханова, хотя и проживающего в настоящее время в Москве, но тоже «нашего». Презентация проходила в одном из литературных кафе Еревана.

Как совершенно справедливо замечают в предисловии составители этого замечатель-

ного сборника, «Разрыв культурных связей оборачивается отчуждением народов. Незнание того, что происходит в соседней культуре, односторонне освещаемые в новостных сводках события, приводят к тому, что мы все больше и больше отрываемся друг от друга, становимся чужими. Литература способна стирать грани, смешивая акценты к исконно человеческим чаяниям и стремлениям, не зависящим ни от национальности, ни от разности языков, ни от разности культур». Само название сборника «Буквы на камнях» отсылает к разным культурно-историческим контекстам, но, прежде всего, к известному библейскому изречению о собирании камней. А если на этих камнях есть буквы, то значит, речь идет о собирании и восстановлении культуры, и культурных связей, памяти предков.

Поездка в Армению оставила неизгладимые впечатления. Какие-то ощущения я попытался выразить в стихах, посвященных этой удивительной стране. И с удовольствием предоставляю их на суд читателей журнала "Звезда Востока".

Письма в Армению

*«Расстояние равно вдоху –
разделённость равная непостижимости»
(Вика Чембарцева «Письма в сезон безветрия»)*

1

Некоторые деревья не хотят облетать,
отчаянно цепляются за последние листья...

Некоторые слова не хотят появляться,
отчаянно прячутся за другими словами.

Вкладываю в конверт самое легкое облако
и самое светлое воспоминание.

«Когда-нибудь Евклид устанет стоять между нами...»
пишу я на каждом своем дне.
Вспоминаю, что обещал не плакать
и пропускаю слово.

Угадай, какое?

2

Помнишь, как в тихом древнем храме,
где прохладные камни хранят память о
каждой ладони,
я прикоснулся к тебе через тысячу лет?

Ты когда-то жила в этой стране
великого алфавита,
под сенью Ковчега,
прикованного к Вечности.

Прошлое здесь дышит в каждом камне.
Эхом откликается время,
и столетия шуршат под ногами.

Помнишь, как я искал тебя все эти века,
чтобы обрести новую память?

В этом городе, стоящем на вере...
В этом небе, плывущем над нами
в неизбежное завтра.

3

...Теперь дышать и жить придется снова.
А вместо имени - одно сплошное «ты».
Холодный мир согреет только слово,
что трепетно хранит твои черты.

«Жизнь удалась!» - кричу я в ночь пустую.
И это, как не странно, не обман.
Я небо под ногами смутно чую...
Прости меня, что я надеждой пьян.

Пропущено «за то».
За то свобода!
Свобода не бояться высоты.
А осень – это просто время года,
где каждый день – одно сплошное «ты».

4

Посвящается Еревану

В этом городе памятников,
где из-под земли растут руки,
готовые к рождению музыки...

Где радостные фонтаны поют
и вспыхивают ночной радугой...
Где звучит древняя таинственная речь
так обыденно-вечно...
И где каждый шаг соизмеряешь с тенью
великой горы,
даже если не видишь ее...

В этом изумительном городе,
словно невзначай,
прикасаешься к другой жизни.
И даже если она длится всего три дня,
все равно навсегда
остаешься ему благодарен
за встречу с Чудом.

А три дня могут вместить больше,
чем все «до» и «после»,
если в них была твоя музыка.

5

«Печаль моя светла» - писал поэт.
А я пишу: «Печаль моя прозрачна...»
Когда я сквозь нее смотрю на свет,
что от тебя исходит.
Я не плачу!

Я просто улыбаюсь и смотрю...
Я лишь боюсь на вечность ошибиться.
И вновь молюсь тому календарю,
где ты мне наяву смогла присниться.

6

Прошание

...Еще не сумерки, только их преддверие.
Медленное изменение цветовой гаммы,
почти незаметное для глаза.

Я безучастно ждал посадки на рейс,
а в висок
билось беззащитное слово...

Границы брали реванш,
и время на огромном табло
торжествовало победу.

...Но когда самолет начал вырубать
на взлетную полосу,
у меня перехватило дыхание
и ком подкатил к горлу:
впервые за эти три дня
я увидел Арарат.

Он щедро открылся мне
во всем великолепии
своей непостижимой тайны...

Он словно провожал меня
и дарил напоследок
бескорыстное откровение.

Как ничтожны были все часы мира
по сравнению с этой нерушимой надеждой
на сопричастность Вечности!
И я уже знал, что снова вернусь к нему,
и писал пальцем на стекле твое имя.

На его фоне,
на фоне неба
и на фоне незримого
Присутствия.

Все остальное
было уже за пределами главной жизни
и не имело значения.

7

Как пространство испытывает нас на прочность,
так язык испытывает нас на точность.

И любое слово - почти как бритва.
И любое слово - уже молитва.
И любая память - попытка выжить,
когда ты становишься к правде ближе.

Дальше все по тексту: прогулка ночью...
Город, ставший нашим, как будто строчка,
что была строптивой, с размером билась,
вдруг покорной стала, сдалась на милость...

Дальше все по тексту, но он так краток.
Оборвется скоро, и нет возврата...
Кто-то словом, может, ошибся снова.
Кто-то просто понял, что нет другого...

Ибо то, что прячется за словами,
переходит в плазму надежды, в пламя,
что от сердца к сердцу летит по свету.
Остальное завтра расскажу я ветру...

8

На той Земле, где жизнь тревожна,
На том стекле, где жизнь смешна,
Я буду ждать тебя всей дрожью
В любовь открытого окна.

9

Они говорят, что реальность
рано или поздно все равно
возьмет свое.
А я киваю головой
и отвечаю: «Да, конечно...»
Но про себя улыбаюсь,

ибо я знаю нечто такое,
чего не знают они.

Ведь реальность уже давно
взяла свое,
но оставила мне твое имя...

Они говорят, что память –
это слоистая картина,
и новые краски всегда ярче старых.
А я отвечаю: «Да, конечно»,
но про себя улыбаюсь,
ибо вижу нечто такое,
чего не видят они.

Каждый новый слой –
лишь еще один штрих
к твоему портрету.

Они говорят:
«Хватит уже витать в облаках,
вернись на землю»
А я говорю: «Да, да, скоро вернусь»,
и превращаюсь в дождь.

Быть может,
хотя бы одна капля
упадет и на твое лицо.

И жизнь окажется прожитой не зря.

10

Матенадаран

Здесь каждая рукопись дышит,
И каждая книга – Судьба.
И шепот столетий здесь слышен,
И тихая чья-то мольба...

Бесценны надежды страницы,
что вечное Слово хранят.
Маштоц а прозрение длится,
как ангела светлого взгляд.

И строки бессмертной молитвы
сомкнули живые ряды,
готовые выйти на битву
за высшую суть красоты.

Сестрица небесного ветра,
армянская древняя речь,
какая высокая вера
сумела тебя уберечь!

И горькое бремя страданий,
и опыт вселенского зла,
и ужасы всех испытаний

ты с мужеством светлым несла.

Ты выжила и сохранила
свою благородную стать.
И Слова Господнего сила
тебе помогает опять.

Столетия тихо мерцают
сквозь строчки на книгах живых.
И взглядом я вновь прикасаюсь
к святой бесконечности их...

Какой-то пронзительный трепет -
как будто вздохнули века.
И медленно-медленно в небе
плывет золотая строка.

11

Армения, Армения, Армения,
Прости мне неуклюжую надежду...
Как смело ты меняешь угол зрения!
Как даришь мне таинственную нежность...

Я буду жить твоим прикосновением.
Мне каменные буквы снятся снова...
Ты даришь привкус Вечности, Армения!
И в каждом твоём слове – отблеск Слова.

12

Поделись со мной, ласточка, воздухом
и свободой своих чертежей...
Словно эхом счастливого возгласа,
что сильнее любых рубежей.

Поделись со мной росчерком радости,
и пространством своим поделись.
Пусть летит в пустоте безоглядная
эта странная линия-жизнь.

Пусть меняется, мечется, прячется
в облаках неотступного сна.
О какое смешное чудачество:
обнажать свою нежность до dna!

Поделись со мной, ласточка, звездами...
И надеждой со мной, поделись.
И предзимним разреженным воздухом,
растворяющим странную жизнь.

В. Ч.

Где-то там,
на одной из ереванских улиц,
растет твоя застенчивая акация,
подаренная тобой городу.

Она помнит твои руки и улыбку.

Где-то там,
на одной из улиц моей души
растут твои удивительные стихи.

Они переплетаются корнями с акацией,
и тоже устремлены к небу.

А мне ночами все снится
не то шепот листьев,
не то воздушное прикосновение
твоих строк...

14

И яндекс бессилен, и индекс
уже ничего не решит.
Но что-то нечаянно выдаст
Последнюю пристань души...

И сразу – слова во спасенье.
И сразу – строка за строкой...
Но все превращается в тени
На фоне надежды пустой.

А где-то пространство бормочет
на звездном своем языке.
о странной судьбе многоточий
в простреленной болью строке.

О том, как спасает нас имя...
Спасательный маленький круг.
О том, как остаться живыми
На фоне вселенских разлук.

Литературоведение. Литературная критика

**ПУБЛИЦИСТ ПЛАНЕТАРНОГО
МЫШЛЕНИЯ****(К 85 летию со дня рождения Ч. Айтматова)**

Художественные произведения выдающегося писателя современности Чингиза Айтматова широко известны мировому читателю. Они переведены на многие языки мира, переиздаются миллионными тиражами. О них написаны десятки книг, сотни статей, научных работ. Поток исследований растет.

Относительно мало написано о публицистической и литературно-критической деятельности Айтматова, хотя писатель в течение почти шестидесяти лет активно и бесперерывно занимался журналистской, литературоведческой деятельностью, работал главным редактором журналов «Литературный Кыргызстан», «Иностранная литература», собкором газеты «Правда» в Среднеазиатских республиках, состоял членом редколлегии многих авторитетных изданий, им написано и опубликовано множество статей, рецензий, писем, интервью, очерков, эссе, исследований...

Еще будучи студентом киргизского сельскохозяйственного института, молодой Айтматов публиковал в периодических изданиях небольшие заметки, корреспонденции, а позже солидные статьи: «О терминологии киргизского языка», «Переводы, далекие от оригинала» и др.

Беллетристика Айтматова – рассказы, повести, романы публицистичны, а публицистика – статьи, интервью, очерки, письма, эссе – беллетристичны, т.е. каждое произведение писателя – сплав образов, художественных картин, фактов, логических рассуждений, почти не заметны «швы», не говоря о «китайских стенах». Одна из солидных публицистических книг Ч.Айтматова – «В соавторстве с землей и водой...» (1979)

Этот оригинальный многозначительный «экологический» заголовок был взят «напрокат» из стихотворения известного кабардино-балкарского поэта, близкого друга писателя. «Реквием улетающей стаи» – одна из последних публицистических книг писателя начала XXI века.

Публицистику Чингиза Айтматова с некоторой долей условности можно разделить на шесть периодов:

1-период (1950-1956 гг.) – начало творческой деятельности, ранние публицистические и художественные произведения;

2-период (1956-1964 гг.) – учеба на Высших курсах Литературного института в Москве; редактор журнала, собкор центральной газеты, статьи: «Это ваша вина, земляки», «Женщина с Тянь-шаня», «Лунная дорога из хлопка», «Характер и современность», «Побеждающая доброта», «Жажда поиска» и др.;

Сайди УМИРОВ

Родился в 1938 г. в Самаркандской области. Окончил Самаркандский университет.

Литературный критик, переводчик.

Заслуженный наставник молодежи Узбекистана, лауреат Национальной премии «Олтин калам» («Золотое перо»).

3-период (1965-1985 гг.) – бурная литературная, публицистическая, общественная деятельность, статьи «Ответь себе», «Человек между двумя языками», «Ответственность перед будущим», «Многое зависит от вас», «Необходимые уточнения», «Проблемы художественного мастерства», «Взаимосвязь традиций», «Заметки о себе», «Ветры, омывающие землю», «Собор всемирной литературы», «Чудо родной речи», «Все касается всех», «Дефицит... человечности?», «Закон всемирного тяготения», «Языковый космос», «Литература и мир», «Разум в ядерной осаде», статьи о великих мастерах литературы и искусства.

4-период (1985-1991 гг.) – творческая и общественная деятельность в период перестройки и распада СССР, начало дипломатической карьеры, главный редактор журнала «Иностранная литература», статьи «Потребность в новом видении мира», «Подрываются ли основы?», «Перестройка, гласность – древо выживания», «Вороний грай над пропастью», «Самая трудная победа - победа над собой», интервью, беседы.

5-период (1991-2000 гг.) – многогранная деятельность в новое время: книги-диалоги «Ода величию духа», «Плач охотника над пропастью», «Культура и современность», «На траверзе Амира Темура», «Без книги человечество потеряет себя», «Как культуру войны вытеснить культурой мира», выступления по радио, телевидению...

6-период (2000-2008 гг.) – литературная, общественная деятельность в новом, XXI веке, сборник «Реквием улетающей стаи», статьи «Хождение с Европой в новый гуманитарный век», «Вестник нового жития на земле», «Виртуальное романа мне не написать», «Моя привилегия – заглянуть в новый век», «Человечество живет пока еще авансом», «Мы должны преодолеть этнический эгоизм», «Те, кто думает, что война лишь в Афганистане, ошибаются», художественно-публицистическая повесть «Балалыгым» и др.

Интересны мысли Айтматова о природе и специфике публицистики. «Очерковая литература, – пишет писатель в статье «Закон всемирного тяготения», – оснасти ее эпитетами, вроде «художественная», «лирическая», «драматическая», по самой своей природе все равно не рассказ, не искусство. Да она и не должна быть таковой, иначе этот жанр не выполнит своего назначения». Все-таки публицистика – явление «сезонное», как писал сам Айтматов. Никто не сомневается в важности этого боевого оперативного жанра. Но каждому – свое. Отношения публицистики с художественной литературой – это отношения «плуга и предплужника». Предплужник срезает сорняк, а лемех вслед за ним производит большую, глубинную вспашку. Кто есть кто – ясно. Особенно для «предплужника». К счастью, они не люди, им незачем считаться славой».¹ Помнится, известный очеркист Георгий Радов, вступивший в полемику с Ч.Айтматовым, бросил упрек писателю в том, что он несколько принижает роль публицистики, что ее лучшие образцы как шедевры художественной литературы переходят из поколения в поколение, с любовью читаются и издаются. Г. Радов был отчасти прав, – переходят, т.к. шедевров публицистики гораздо меньше.

В 1987 году в беседе с Ф. Медведевым, оглядываясь назад, на застойный период, Ч.Айтматов скажет: «Наконец-то мы прозрели, протерли глаза и, оглянувшись назад, увидели зияющие пустоты. Страшно задуматься, что было бы с нами, если бы все продолжалось как прежде, когда дело подменялось ритуальным пустословием. До недавнего

¹ Ч. Айтматов., соб. соч. в семи томах, т 7, с. 104-105, М, 1998

времени многие представления о жизни выражались с помощью клишированных, набивших оскомину междометий о самом передовом обществе в мире, о самом образованном читателе, о неизменно авангардной сути всего, что касалось понятия «наше советское». В том сладостном самовыражении мы затмевали ощущение реального, конкретного, старались не замечать, что окружающий мир обогнал нас на многих дистанциях».

В статьях-интервью «Остановленное время? Продленная жизнь!», «Быть или выглядеть», «Слово и экран» заслуживает внимания глубокая осведомленность писателя об искусстве фотопублицистики.

Писатель подчеркивает магию фотографии, которая дает возможность человеку посмотреть на себя со стороны, по-новому оценить себя и других. По его наблюдениям только малая часть фотоснимков является настоящими произведениями искусства, определенная часть ближе к этому, а большинство, к сожалению, не имеет никакого отношения к искусству. Правдивая фотография, по Айтматову, как правдивое слово: «У слова есть свои достоинства, но в достоверности, точности и убедительности с фотографией состязаться трудно». Писатель, которому наиболее близок пейзаж, с удовлетворением отмечал, что в последнее время и в среднеазиатском регионе появились хорошие фотографические издания, посвященные природе. Он был против тенденциозности, пристрастия в фотографии. По его мнению, фотограф не должен работать слишком избирательно, показывая только очень благополучные моменты существования, самые показательные его стороны. Конечно, человек хочет счастья, в то же время, состояние непрерывного счастья не может дать ощущения истинной, полной жизни, рядом со счастьем всегда присутствует и печальная сторона счастья, долг фотографии – показывать жизнь разносторонне.

Очерки и эссе, статьи и письма, беседы и интервью Чингиза Айтматова всегда отличались тематической актуальностью, остропроблемностью, широтой охвата, глубиной содержания, богатством оригинальных и характерных фактов и примеров, мыслей, философских заключений, логической последовательностью, простотой, сочностью, красочностью и образностью языка.

Мир и согласие, демократия и гуманизм, доброжелательность, толерантность между народами и странами, борьба против агрессии, колониализма, насилия, наркобизнеса, терроризма, содружество литератур, культур, искусств и т.д. составляют суть международной публицистики Ч.Айтматова.

Чингиз Айтматов был большим другом узбекского народа, узбекской литературы, искусства. В повести «Балалыгым» («Детство мое») вспоминает, что шестилетним мальчишкой с отцом приезжал в Фергану, Андижан: «Народ здесь жил как одна большая семья, любая работа спорилась, потому что делалась сообща. В аилах слово старших – закон для младших, и в горе, и в радости люди вместе. Такое единение до сих пор сохраняется в отдаленных районах Узбекистана».¹

Еще в 1958 году автор нашумевшей повести «Джамиля» участвовал в первой конференции писателей Азии и Африки, проходившей в Ташкенте. С тех пор был неизменным участником конференций, симпозиумов, фестивалей, разных торжеств, проходивших в нашей республике. Чингиз Торекулович в своих книгах, статьях высоко отозвался о нашем Президенте, дружил со многими деятелями науки, культуры, литераторами, журналистами нашей страны, его книги переведенные на узбекский язык А. Рашидовым, И. Гафуровым, Я. Ходжамбердиевым, Н. Боки, С. Кораевым, несколько раз издавались большими тиражами, спектакли по его повестям, романам идут во многих театрах нашей республики, многие узбекские ученые исследуют творчество Ч. Айтматова (А.Якубов, П. Кадыров, О.Шарафутдинов, П. Мирзаахмедова, А. Рашидов, А. Саидов, А. Джурабаев, А. Мелибоев и другие).

Президент Узбекистана И.Каримов наградил Ч.Айтматова орденами «Дустлик», «Буюк хизматлари учун», несколько раз имел дружеские беседы с ним, когда он тяжело заболел, направил ему трогательное письмо.

¹Ковчег Чингиза Айтматова. М., изд-во «Воскресенье», 2004. с. 480

Юрий МОРИЦ

Член СП Узбекистана с 1962 года. Автор прозаических сборников «Дожди 43-его года», «Кто в тебе живет», «Принцесса Ирен», «Тиграны заключают пари», литературоведческих и литературно-критических статей. В 2011 году вышел его сборник статей «Русская литература».

Тернии и звезды максималистов

Со времени открытия Колумбом Америки интерес к этому загадочному миру не иссякает, но, можно сказать, растет во всех возможных ракурсах познания. В первых рядах исследователей тут, конечно, ученые, политики, журналисты, писатели и... простые люди. Это они на собственном опыте отважились познать страну, славящуюся высочайшими достижениями во всех сферах общечеловеческого бытия. Об Америке на нас обрушивается не только мощный поток информации, и это замечательно, но и легенды слагаются. А последние способствуют созданию мифа о волшебной стране сказочных чудес, стране молочных рек и кисельных берегов. Эти творения городского фольклора не в последнюю очередь будоражат умы не только искателей приключений и тех, кто верит в существование Эльдорадо, страны сказочных чудес, но и простых людей, озабоченных поисками сытой, лучшей жизни.

В последние десятилетия количество мигрантов в США возросло в разы. Соответственно возрос и интерес к характеру и следствиям этого опыта жизнеустройства. В свете изложенного представляет немалый интерес книга американской писательницы Оксаны Лесли «Америка-мать зовет? Мифы и реальность», изданная Петербургским издательством «ДИЛЯ» в 2013 году.

Автор книги – уроженка Ташкента, ныне гражданка США – Оксана Вячеславовна Корниенко (Лесли). Выросшая в семье врача и музыканта, она окончила филологический факультет Ташкентского университета, работала учителем, однако судьбу ее определило иное призвание. Она с детства пристрастилась к художественному творчеству, и в 1990 году в Ташкенте одна за другой стали выходить ее книжечки-миниатюры, обращающие на себя внимание читателей зрелостью мышления молодого автора и оригинальностью образного видения мира. Тогда она еще не знала, что судьба готовит ей поприще, ведущее к более серьезному творчеству трудными, а порой даже мучительными путями. Писательская деятельность продолжалась и в США, куда Оксана Корниенко иммигрировала, выйдя замуж за американца и приобретя фамилию мужа – Лесли. Осваивая принципиально новые условия жизни, борясь за достойное место в ней, молодая женщина не оставляла пера, ее очерки и рассказы мелькали в периодике, отражая опыт русской женщины, осваивающей заманчивый, чудесный, а временами ужасающий мир жизни в великой стране, о которой прежде имела весьма смутное представление. Впечатляющим итогом пятнадцатилетних жизненных передряг и творческих озарений явился внушительного объема роман (380 страниц) «Америка-мать зовет? Мифы и реальность», теперь уже не Корниенко, а Оксаны Лесли.

С первых страниц повествования читатель, если он внимателен, ошущает приятно удивляющую необычность образа

главной героини. Эта необычность порождена парадоксальным симбиозом ее характера, сочетающего приверженность к реализму жизни, порой грубой и безжалостной, и романтический взлетом души, отважно отстаивающей право на мечту, пусть даже кому-то она и покажется безумной.

По жанру это роман-хроника. Жанр почтенный, исторически оправданный. Важнейшим следствием этого является его автобиографичность. Хотя герои его носят иные имена и обладают собственными личностными качествами, в них заложено то, что пережито автором и теми, с кем ему довелось преодолевать жизненные сложности.

Предваряя повествование, автор в коротком «прологе» говорит о многочисленных разновидностях «идей-фикс», определяющих характер жизненной установки личности. Их много этих фикс-мечтаний, от глупых, нелепых до созидательных, хотя бы и фантастически трудных. Герои романа «Америка...» – это максималисты, в чем-то наивные, но реальные люди, и в книге рассказано об их реальных приключениях и злоключениях, взлетах и падениях.

Композиция романа «ячеистая». Повествование развивается в крошечных пятидесяти восьми главках. Их обилие позволяет создать в романе огромное информационное поле. Ольга Сапп во вступительной заметке к этому произведению замечает: «Роман не только захватывает читателя описаниями самых невероятных событий и колоритных героев, но и является практическим руководством, своеобразным справочником иммигрантской жизни в Америке».¹

В романе раскрываются судьбы трех главных персонажей. Помимо Марины, находящейся в центре повествования, это Роб, ее супруг, классный программист, сломленный телесными и духовными недугами, и Антон, русский деревенский мужик, неведомыми путями оказавшийся в Америке. Этим столь разных людей и связала судьба крепкими узами, образовав прочную сюжетную структуру.

Главное лицо в произведении – Марина с ее стремлением утвердить себя в мире как личность творческую, как победительницу рутины обыденности. Судьба обрушила на молодую женщину тяжелые испытания. Ташкентка вышла замуж за американца и, как ей казалось, обрела заморского принца, а он оказался человеком неизлечимо больным. Помимо гепатита-С, несчастный был наделен маниакально-депрессивным психозом. Черствый до жестокости, эгоист, человек абсолютно безответственный, он видел в жене всего лишь «Золушку из Узбекистана», на которую можно взвалить все труды и заботы по необходимому устройству семейной жизни. И в итоге Марина почувствовала себя «бабочкой, по чистой случайности застрявшей в ловушке для мух».²

После смерти мужа Марина, к тому времени мать двоих детей, оказалась в пучине изнуряющих материальных трудностей. Если не приукрашивает путь русской иммигрантки в Америке, а сообщает читателю все то, что выпало на ее долю, что испытала сама. «Она даже летом носила брюки. Покупала дешевые кеды, потому что семейный бюджет не позволял купить кроссовки подороже... Марина не пользовалась косметикой, отпустила волосы, но ходила с хвостиком, сумочка была куплена за два доллара в магазине секонд-хенд. А одежду ей отдала соседка, которая после операции по уменьшению объема желудка сильно похудела. Марина раньше никогда не думала, что в Америке будет носить обноски...».³

Подводя в 2007 году итоги девятилетнего пребывания в стране, которая стала ее второй родиной, Марина с горечью отметила, что тогда еще ничего существенного не добились. Ездил из штата в штат, целых пять обжила. Восемь переездов... Да, она умеет быстро коробки упаковывать. Десять освоенных мало оплачиваемых профессий? Должность – начальница уборщиц? Уезжая из Узбекистана, она вовсе не ставила себе целью стать лучшей полдомойкой-унитазочисткой в мире.

Марина трезво осознала масштабы трудностей, с которыми неизменно сталкивался иммигрант и научилась эти трудности преодолевать. «Чувствовала, что иммиграция – это ураган. Если не подготовишься, то сметет с ног, и долго потом восстанавливаешься. Иммиграция подобна перелету на другую планету. Надо научиться дышать чужим воздухом, говорить на чужом языке и уважать чужие законы».⁴

Марину, как и создательницу этого образа Оксану, читатель воспринимает первопродомом, презирающим трудности и опасности. Ее тернистый путь со стороны может показаться парадоксальным, даже сумасбродно-нелепым. И действительно: филолог, окон-

¹ О. Лесли. «Америка-мать зовет?» М-СПб, «ДИЛЯ», 2013, с. 8.

² Там же, с. 53

³ Там же, с. 53

⁴ Там же с. 265

чивший университет с дипломом магистра, педагог... И вот ей зачем-то понадобилось всецело отдаться жизни в незнакомой стране. Марина развозит заказчикам пищу, носит с подносом по огромному залу ресторана, и вот она уже продавец автотранспорта в коллективе неотесанных мужланов, у которых что ни слово – оплеуха нецензурщины! И это еще не все! Читатели видят Марину не только в роли детсадовской воспитательницы, но и выполняющей немисливо трудную работу по уходу за детьми с патологической психикой. Оксана-Марина – уборщица, повариха, торговый инспектор, менеджер семейного бизнеса! И чем бы ни занималась, она обдумывает, осмысливает свой опыт в свете той большой цели, которую поставила перед собой изначально. А цель эта – творчество. Ее воодушевляет высокая и благородная задача – средствами искусства служить истине, утверждать высокие жизненные принципы добра и справедливости. Но объектом творческой, созидательной деятельности является и сама жизнь, задача ее преобразования. То, как протекала эта вторая созидательная деятельность, в романе раскрывается через изображение отношений Марины с непутевым, изломанным превратностями судьбы Антоном.

Образ Антона можно определить как нравственную антитезу главной героине. Если Марина – труженица, созидательница, победительница, то Антон – скопище самых неблагоприятных свойств личности. У него и уголовное прошлое, и утрата российской семьи, и пьянство, и распутство. Создавая образ этого отнюдь не благовидного персонажа, автор явно утрирует его кричащие недостатки, начиная с портрета. Это низкорослый и худой брутальной внешности мужчина, чем-то похожий на бандюгу с большой дороги. Перед Мариной в момент их знакомства был «не миловидный котенок, а видавший виды и битый жизнью мужчина». В свои 49 лет он выглядел на все 80. «Без слез не взглянешь... Какие глубокие морщины! Короткие обесцвеченные волосы и маленький хвостик. Золотые серьги в ушах». Резко отрицательные определения так и липнут к этому человеку с его изломанной судьбой. И, естественно, возникает вопрос: зачем же автору понадобился столь экзотический экземпляр, изжеванный и с негодованием выплюнутый продукт современной цивилизации? Все дело в том, что Марина, как было сказано, созидательница, она и в складе характера несчастного Антона чуткой душой уловила здоровое начало, могущее развить в нем качества человека, достойного не только уважения, но и восхищения. Разглядела и стала умело созидать по сути новую личность. «Марина понимала, что Антон чувствует себя загнанным в угол. Пятьдесят лет, ни документов в чужой стране, ни дома, ни кредитной истории, ни сбережений...», понимала и протянула ему руку помощи. Сыграло роль и то, что во многом Антон напоминал Марине ее отца. Работящий мастер, щедрый, добрый, неприхотливый в быту. «Да, полжизни Антон пропил-прогулял, но теперь-то он остепенился! В руках гончара Антон из куска глины стал сосудом, очень нужным в хозяйстве! Работа его боялась...».

Для периода сближения с Мариной очень характерен следующий эпизод. Антон привез откуда-то глыбу гранита и с помощью своих инструментов начал резать и шлифовать ее, делая столешницу. Марина восхищалась его изделием и призналась, что не встречала раньше людей, которые были бы с мрамором на «ты». Трудовой энтузиазм Антона объяснялся отчасти тем, что он торопился продемонстрировать Марине свои достоинства, хотел «в короткий срок доказать ей, что он и плотник, и маляр, и мастер по граниту, и вообще, человек творческий и мужик в одном флаконе».

В свое время Антон обзавелся наколкой, изображающей женщину и льва. Этот образ стал в романе символом, проясняющим тайну неравного, на первый взгляд, союза двух таких разных людей.

Введение символики в образный строй романа – чрезвычайно важный и результативный прием раскрытия его глубинной проблематики. Через весь роман проходит образ ангела-хранителя, союзника героини в преодолении ею бесчисленных жизненных трудностей. И вот, раздумывая о возможности союза с неприкаянным Антоном, Марина услышала совет своего ангела-хранителя:

«Вот материал для работы. Тебе как экстремалу как раз подойдет. Он в этой стране беспомощный, и ты всегда с ним будешь сильной. Этот человек тебя будет боготворить, и любить так, как не любил никто». Марина послушалась этого совета и победила. Когда в период сближения с Антоном Марина спросила его о смысле наколки «лев и женщина», ее не могло не порадовать услышанное: «Для тебя я буду тем львом, которого ты хочешь во мне видеть», – ответил он тихо и мудро.

Поляризация центральных персонажей романа позволяет увидеть и познать в контрастах Америку-мать. Для Марины в период освоения принципиально новой для нее действительности Америка нередко воспринимается как адская скала несчастным Сизифом,

который по достижении вершины тут же скатывался вниз. Карабкание вверх возобновляется, и эта мука длится бесконечно. Антон же с его ухватками ловкача-авантюриста видит в осваиваемой им стране реальное осуществление вековых человеческих мечтаний... И на самом деле: все, что он видит в этой замечательной стране, достойно восхищения.

В тридцатой главе романа, названной «Почему американцы улыбаются?», подробно разъясняется этот эффект. «Почему им не улыбаться? Если мало зарабатывают, государство даст талоны на еду, поможет платить за квартиру, эти американские программы питания и социального жилья его поражали... Его знакомые иммигранты, приехавшие в Америку как беженцы-баптисты, получали пособие, бесплатную медицинскую страховку, талоны на еду, и даже домашний телефон у них был копеечный! А потом все удивляют, почему Америка в долгах, как в шелках! Заботится о своих гражданах страна!.. Он смотрел и глазам своим не верил. Выходило так, что бедные могли пойти в церковь или приют для бездомных и бесплатно получить одежду и еду. И почему не улыбаться жизни? Когда государство и благотворительные организации позаботятся о твоих потребностях: еде, одежде и крове! Несмотря на твои скудные возможности-способности... Знакомая Антона Мишель, инвалид с рождения, мать-одиночка, получала пожизненную пенсию на себя и ребенка в размере тысячи четырехсот долларов в месяц. Иждивенка, она снимала не подвальное помешение и не чердак, а квартиру с двумя спальнями и двумя ванными комнатами в частном квартирном комплексе, принимающем государственные ваучеры за жилье. И платила за квартиру и бытовые услуги только третью часть своей пенсии... Остальное государство ей доплачивало...

Тот, у кого нет особо высоких запросов, конечно, будет рад такой жизни.

А общежития для бывших заключенных, которым некуда идти? Это же надо было додуматься! Эти приюты спонсируются государством, церквями и частными лицами. Они помогают человеку начать новую жизнь, найти работу, покончить со старыми привычками. Америка не бросает своих бывших эзков, а помогает им встать на ноги.

Антон мысленно назвал статую свободы «Америка-мать зовет!» Конечно же, Америка зовет! Единственная страна в мире, которая проводит бесплатную лотерею грин-карт, собирает каждый год свежие работоспособные кадры из разных стран! Те, кто грин-карту – вид на постоянное место жительства и право работать в этой стране – выигрывают... Бога благодарят, что счастливый билет в эту страну получили»¹.

Но, вместе с тем, это жестокая бессердечная страна, которая «слезам не верит», в которой за все надо платить, страна, где не приходится рассчитывать на сострадание, сочувствие, снисхождение, бескорыстие, где пришлось столкнуться со множеством неадекватных гнилых поступков людей разных возрастов и статусов. Так что злорадствующим завистницам она мысленно отвечала: «Да, вы совершенно правы, мне мало досталось. Мне мало досталось радости, любви и тепла, и вам я такой жизни не пожелаю».²

Проза Оксаны Лесли богата разнообразной информацией о важнейших сторонах жизни американцев. Она замечательна двумя весомыми качествами. Первое – это высочайшая степень откровенности высказываний, выражения мыслей и чувств. Второе – неприязнь к утверждающейся тенденции отворачиваться от неприглядных сторон жизни в Америке, вызывающих шок у внимательных ее наблюдателей. Некоторые читатели этой книги, возможно, будут шокированы обилием на ее страницах теневых моментов жизни этой страны. Автор опровергает мнение, что Америка – это рай, и что стоит в нее попасть – все, жизнь удалась. Ее книга просвещает, информирует и спорит с теми, кто думает, что стоит пнуть долларовую пальму – и работать не надо.

Нельзя не отметить и такие немаловажные особенности книги, как ее фабульная занимательность, богатый лексическими ресурсами язык и отточенный стиль, обилие реминисценций. Роман насыщен полезной информацией, не снижающей ее чисто художественных достоинств.

Это глубокое по содержанию произведение ценно и для тех, кто хочет знать всю правду об этой стране, правду без прикрас.

* * *

P.S. Редакция журнала «Звезда Востока» по просьбе автора романа «Америка-мать зовет? Мифы и реальность» Оксаны Лесли сообщает своим читателям название сайта О.Лесли: www.oksanaleslie.com.

¹ О. Лесли. «Америка-мать зовет?» М-СПб, «ДИЛЯ», 2013, с 212-217

² Там же, с 347

Фархад ХАМРАЕВ

Родился в 1963 г. Окончил Ташкентский госуниверситет. Работал научным сотрудником Узбекского НИИ педагогических наук им. Т.Н.Кары-Ниязова, преподавателем, доцентом Ташкентского госуниверситета, зав.кафедрой Университета мировой экономики и дипломатии, зав.сектором Министерства иностранных дел РУз. Член Союза писателей Узбекистана. Имеет около 300 публикаций в республиканских и зарубежных изданиях.

Проза, пробуждающая добро

В современной узбекской литературе есть имена несомненные, проникновенный голос которых погружает читателя в удивительный и, вместе с тем, незатейливый мир высоких чувств, особой атмосферы добра и эстетического наслаждения.

Одним из таких авторов является известный узбекский прозаик Хайридин Султан, выпустивший недавно в ташкентском издательстве «Маънавият» новую книгу рассказов и повестей на русском языке. Название книги, в которую вошли в основном новые переводы, дал один из известных и весьма своеобразных рассказов писателя «Триста шестьдесят четыре дня».

Основу сборника составили произведения, которые были написаны автором в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия. Несмотря на смену исторической эпохи, все они по-прежнему звучат современно, актуально, интересно, так как в них писатель Х.Султан исследует, прежде всего, нравственно-психологические аспекты личности, вечные гуманистические принципы общечеловеческой морали. При этом каждый раз эти принципы воплощаются в его произведениях на конкретном национальном материале.

Х.Султан относительно рано начал печататься и достаточно быстро обрел известность. Он сумел задеть читателя за живое, создав в узбекской прозе свой мир, который был близок современникам. При этом в своих художественных решениях, развивая лучшие традиции узбекской прозы, Х.Султан создает не только положительные характеры, но стремится углубить интеллектуальное начало, широко используя всю палитру изобразительных средств.

В предисловии к книге литературовед С.Мирзаев пишет: «Уже первые произведения Х.Султана, относящиеся к 70-м годам, привлекли внимание читателей своим неповторимым стилем, заключавшимся в умении сочетать традиционную национальную художественность с новаторскими методами повествования». Содержание книги в полной мере соответствует сказанному.

В рассказе «Триста шестьдесят четыре дня» писатель скромными, но выразительными средствами создает образ «маленького» человека, тшедушного и завистливого. Гиперболизируя некоторые общечеловеческие «слабости», Х.Султан сумел передать своеобразный национальный колорит, общее, свойственное людям, и глубоко индивидуальное.

У писателя, безусловно, своя особенная стилистика. При этом он разноплановый и своеобразный. В рассказе «Земля моей матери» прозаик трогательный и даже сентиментальный, в рассказе «Человек из людской» лирический герой нетерпимый, прямолинейный, а в повести «В один прекрасный день» он вообще многоликий, неповторяющийся.

Писатель Х.Султан лиричен, трогателен, и его герои всегда склонны к аналитическим размышлениям, раздумьям. У прозаика интересные наблюдения о жизни, исследования человеческой души – взгляд при этом всегда сугубо индивидуальный. Порой он динамичен, а бывает весьма неторопливым и степенным.

Характерной чертой прозы Х.Султана является внутреннее единство его творчества. Темы многих произведений сохраняются и разрабатываются на протяжении долгого времени. Например, темы памяти или внутреннего достоинства проходят через многие произведения писателя. Они, повторяясь, углубляются из произведения в произведение,

переходя на другой уровень и ракурс художественного обобщения. Для творчества Х.Султана очень характерно высказывание замечательного прозаика Ю.Трифорова, который как-то заметил: «Меня интересуют не горизонталы прозы, а ее вертикали».

На творчество Х.Султана, его мироощущение, естественно, повлияло время. В силу своего таланта и своего понимания жизни с помощью художественных средств он пытается правдиво отразить те или иные реалии действительности. На наш взгляд, это получается у него интересно и талантливо.

Таков рассказ «Две связки сена», небольшой, но очень емкий и яркий. Здесь речь идет не столько о человеческом достоинстве, сколько о нашей истории, отношении к людям, восприятию и пониманию непростой, но очень интересной жизни, о нелегкой прожитой жизни, взаимоотношениях с соседом. Обыденная и мудрая житейская проблематика высвечивает признаки нашего времени.

Создавая образ старика, Х.Султан наделяет его особыми качествами, стремится выделить в нем социально значимые черты, соединяющие прошлое с настоящим.

Парадигма социального времени является, безусловно, главенствующей в его творчестве. Писатель далек от пессимизма, не впадает он и в «розовый» оптимизм.

Герои произведений Х.Султана не только предмет его художественного исследования, но творцы истории, формирующие эпоху.

...Проза Хайриддина Султана – яркое, серьезное и своеобразное явление в современной узбекской литературе. Его творческую судьбу можно считать счастливой, так как он востребован и интересен читателям.

Новая книга писателя «Триста шестьдесят четыре дня» – яркое тому свидетельство.

Зинаида ТРЕБУХИНА

Родилась в 1983 г. в г. Ташкенте.

Окончила Ташкентский педагогический университет им. Низами по специальности «Русская филология». Призер республиканских олимпиад, автор литературно-критических статей.

Экологическая катастрофа и проблемы современности в романе В.Баграмова «Тварь»

«Тварь» – название для фантастического романа предельно откровенное. И на редкость откровенно, без всяких сантиментов, рассказана сама история экологической катастрофы: экологи предупреждали, правительства превыше всего ценили гражданское спокойствие, промышленники – свою прибыль... До тех пор, пока не разразилась трагедия.

А у нас где-то в глубине души живет понимание того, что экологическая катастрофа нам не просто грозит – она уже происходит. И этим «экологическая» фантастика радикально отличается от всей остальной фантастической литературы. Она рассказывает не о потенциально возможном или могущем произойти, а о реально происходящем процессе, пока что в своем развитии еще не достигшем критической точки.

Одна из сюжетных линий романа дана в формате довольно широко представленном в рамках современной литературы: в лагуне подземного ядерного взрыва появляется «нечто», рождается некое существо, подземная тварь, которая пытается внедриться в жизнь людей. Вокруг этого события и разворачивается действие в романе «Тварь». Жизнь небольшого городка Грабово полностью изменилась с появлением Твари – жестокого существа. Оно, обладая свойством проникать в человека, поглощать и подавлять его сущность, начинает осваивать мир людей.

Действие романа происходит в Грабово не случайно: неподалеку находится полигон Семихолминск, где проводятся испытания атомной бомбы. Автор строит повествование умело вплетая в фантастический сюжет черты реальной жизни, от чего замысел писателя – создание эко-романа, посвященного актуальной экологической проблеме современности – становится еще более наглядным. Так, название городка и полигона незамедлительно вызывают в сознании читателя ассоциацию с реальными населенными пунктами: Семихолминск – тот же Семипалатинск, и автору не нужны подробные описания этого полигона, чтобы вызвать необходимые ассоциации у читателя и создать требуемый информационный фон.

Грабово – маленький городок, настолько спокойный, погруженный в «бытовуху», что милиционеры рады любому событию. В нем даже сохранилась улица Ленина. Она была и оставалась самой престижной. Во времена социализма здесь строились дома улучшенной планировки для партийных работников и администрации города. Социализм рухнул, но улица Ленина осталась, правда, несколько видоизменившаяся в условиях рыночной экономики: «Строительство никогда не кончалось – сменившие «борцов-ленинцев демократы, голодные и злые за прошлое безденежье, недоедание и преследования, ныряли в

карман государства с правом человека, которого долго обделяли».¹

Так продолжалось бы еще сотню лет, если бы не стечение обстоятельств: «Грабово – это продолжение слепой кишки Земли, аппендикс... Рудимент. В Семихолминске испытывали атомную бомбу, а нам отдуваться», – «чувет» местный шизофреник Веничка². Но не все происходило быстро. Природа, как всегда сначала предупреждала человека. Появление в этом районе трехголовых змей, зайцев, пьющих бензин, должно было, по крайней мере, насторожить людей: «Мошка с ноготь, стрекозы с ладонь, крысы с большую кошку – этому не удивлялись, видели ежедневно. Объясняли, что все это последствия мощной радиации, много лет сочащейся из раненного тела земли»³.

Хотя добросовестные ученые, очевидно, предупреждали о последствиях: «Есть теория, – заговорил москвич, – не моя. При ядерном взрыве в ограниченном пространстве может возникнуть иная форма жизни. Чужеродные микробы, простейшие организмы... Вот испытали под землей бомбу, и почему в ужасе взрыва не появиться иной жизни?»⁴

Поначалу все казалось таким безобидным. Всего лишь простейшие микроорганизмы. Но, скорее всего, именно так «из ничего во что-то» превращается Вселенная. Стоило бы задуматься, но человечеству некогда задумываться. Коммерциализация открытия происходит очень быстро. Кто не успевает приспособиться, захватить рынок, тот оказывается на задворках или «сливается» в колоритную Грабовскую психушку с упырем – главным врачом, вводящим пациентам «...сульфазил, Богом проклятое и запрещенное по всему миру лекарство»⁵

Процесс «рождения» Твари описан настолько талантливо и правдоподобно, что становится жутко. А что, если на самом деле все это уже происходит? Все наши попытки воздействовать на природу, направленные на улучшение нашей жизни, не отвечают на вопрос: а чем ответит нам природа? Вполне вероятно, что ответит она «рождением» Твари! «Нет числа вариантам ее возникновения, как нет числа формам ее...».

Конечно, ученые прежде, чем начнут действовать инженеры, просчитывают ситуации. Но, во-первых, всегда ли их предупреждения учитываются, а во-вторых, возможно ли все просчитать? И на первом месте, как всегда, коммерческая выгода любого проекта.

«И появилась Тварь. Родилась крохотной, ...но шли годы, Тварь росла, набирала мощь. Ее мозг научился посылать импульсы вверх, в красочный большой мир. То, что он густо населен, многомерен и красив, она знала, так как умела считывать информацию с мозга миллиардов населяющих его существ».⁶

Жизнь в ограниченном пространстве не устраивала Тварь; она мечтала выбраться из своей пещеры и освоиться среди людей.

– «Есть хочу! Есть хочу!»⁷ – считывала Тварь надоедливую мысль крохотного насекомого, покопавшись в его мозгу. Но, может быть, она хотела жить среди людей потому, что Мы – ЕЕ РОДИТЕЛИ. Это воплощение наших научных достижений и наших грехов! Ведь первоначально Тварь была как чистый лист: «...она научилась принимать различные формы – в доли секунды меняла структуры атомных и молекулярных связей:... «человек» с застывшими чертами слишком правильного лица ковырял семипалой рукой неровности стены».⁸

Тварь была безобидной. Пока она не столкнулась с миром людей. Жаль, что ей «везло» на плохих людей. Хотя разделение на «плохих» и «хороших» в романе достаточно условно. И вопрос о том, кто делает плохих плохими, а хороших хорошими, напрашивается сам собою. Один из главных героев романа Веничка вызывает неоднозначное отношение.

Писатель Градов, оказавшийся в психбольнице волею судьбы, сразу понял, что Веничка не сумасшедший, а человек, бежавший от реальности, которую он не может принять.

– Ты мой диагноз читал? Шизофрения, маниакально-депрессивный психоз в стадии декомпенсации и алкоголизм с явлениями деградации личности.⁹

Как человек умный и чуткий Градов понимает, что не все так просто.

Образ писателя Градова воплотил мысли, чувства и отношение к действительности самого Баграмова. В каждом эпизоде слышится авторский голос, отнюдь не равнодушный к добру и злу.

¹ Владимир Баграмов Роман «Тварь» М-Т.: ООО SMI-ASIA. 2011. с. 50

² Там же, с. 9

³ Там же, с. 21

⁴ Там же, с. 22

⁵ Там же, с. 17

⁶ Там же, с. 5

⁷ Там же, с. 6

⁸ Там же, с. 5

⁹ Там же, с.16

Важно, что автор не утратил веры в то, что все еще поправимо. Градов сочинял песни, пел их под гитару, мотаясь по городам и весям с концертами авторской песни. Его близкий человек – жена, к сожалению, не понимала его. В ее понятии мужик должен копать землю и чинить водопроводные краны, а если он пишет романы, то это означает лишь одно: у «него руки растут из гнилого места». Настал такой момент в жизни, когда Градов бросил все блага цивилизации и уединился в Грабовской глухомани с преданным псом Рексом.

– Ты член Союза писателей, у тебя пьесы идут. Приехал в нашу глухомань, по сути, сбежал, от чего и кого?»¹ – задает вопрос Веничка.

Ответ предельно прост. Его раздумьям и работе никто не мешал. Свое понимание писательского труда Баграмов передал через размышления Кати.

Задумавшись о рабочем процессе своего друга, Катя приходит в ужас. Она уже не представляет себе более трудоемкой и мучительной работы, когда мозг, душа, сердце находятся в колоссальном напряжении. Никогда ничего не происходит с первого раза, править рукопись, оттачивать и много раз переделывать приходится до логического завершения. Писатель сам как бы переживает чувства каждого своего героя, проживает его жизнь. Именно стремление достоверно «сочинить» события заставляет писателя Градова повеситься, чтобы понять, что при этом чувствует человек. Вследствие этого Градов оказывается в психбольнице, в одной палате с Веничкой, допившимся до белой горячки.

«...Они лежали в палате давно, но Градов никак не мог до конца разобраться – непроходимо глуп Веничка, или придуривается, чтобы выжить в этом непростом мире. То, что он не был сумасшедшим, Градов понял сразу, поговорив с ним в тот день, когда его положили».²

Но почему-то у Градова он не вызывает омерзения, наоборот, он с улыбкой реагирует на Веничкины высказывания, может быть, потому что: «испокон века пьяницы и юриды на Руси почитались, а сочетание того и другого – это уважение вдвойне...Сел, подумал, выпил, упал, встал, подумал, выпил. Схема бытия, не вписывающегося в реальную действительность думающего человека».³

Градов понимает, Веничка – человек думающий! Его волнует буквально все, особенно то, что происходит на книжном рынке, потому что он много читает. Сокрушается по поводу того, что за последние годы не может приобрести ни одного сколько-нибудь достойного произведения:

– ...Вот скажи, как вы пишете, – обращается он к писателю, – если за последние десять лет я ни одной путевой книжки найти не смог. «Лжа!», как говорили классики, везде и всюду. ... «Писательницы» детективчики пишут и сыто выживают, по телевизору интервью дают, умности о литературе болтают. Про демократию бренчат взახлеб, с жиру их косоворотит, а народ к прилавку подойти боится. Артисты всех поголовно учат, как страну обустроить и где правду искать, а ее нет...⁴

История жизни местного алкоголика проста и типична не только для захолустья, но и для мегаполисов. У непросыхающих родителей – алкашей ребенок, зачатый в период запоя, не мог родиться нормальным. За тупоумие его исключили из школы. Положительные моменты – то, что он не был агрессивным, всем доверял и читал архимного, вдумчиво и досконально, не умаляет проблемы алкоголизма. Роковое пристрастие к алкоголю становится повсеместным и выходит за рамки одного государства. Глобальная проблема едва ли разрешима на какой-то отдельно взятой небольшой территории. Напрямую эта проблема связана с проблемой наркомании. В романе главврач Блюм, получивший от пациентов кличку Гангрена, превратил психбольницу в перевалочную базу наркотрафика: «...чувствовалось, врач со скользкой улыбкой гаденыша ненавидит и презирает больных. У него были шкодливые глаза человека, совершившего что-то пакостное, усиленно пытающегося это скрыть».⁵

«Главврач психбольницы был всего лишь звеном в длинной цепочке поставок наркотиков с Запада через Прибалтику в Москву и далее. Узкая специализация – «стекло» и ампулы с морфием. Немало «стекла» шло официально. Это кроме официальных поставок для нужд больницы, откуда хитроумный Овсей Блюм переправлял его Сидору для особо уважаемых клиентов».⁶

Действие романа разворачивается в захолустном городке не только потому, что имен-

¹ Владимир Баграмов Роман «Тварь» М-Т.: ООО SMI-ASIA.2011, с. 15

² Там же, с. 10

³ Там же, с. 15

⁴ Там же, с. 16

⁵ Там же, с. 99

⁶ Там же, с. 32

но там произошло рождение Твари (с таким же успехом она могла родиться в городской канализации), а потому, что проблема жизни глубинки волнует автора романа.

Если что-то происходит в мегаполисе: автокатастрофы, теракты, акты насилия – это вызывает панику, ответную реакцию. В маленьких же городках жизнь практически остановилась. Невозможно найти работу, культурных развлечений нет. Молодежь днем спит, вечером тусуется в ночных гадюшниках, колется и глотает «колеса». Да и какая может быть жизнь в городке, где строящийся комбинат – практически единственный источник рабочих мест – становится долгостроем:

«Чертов комбинат много лет стоял костью в горле городских властей. Деньги выделялись аккуратно, но когда доходило до строительства, оказывалось, что они аккуратно исчезали. Концов не находили, сколько не суеитилась прокуратура. Сын прокурора был женат на дочери директора филиала банка, потому суета подчиненных прокурора на поминала бег белки в колесе – оно крутится, спиц не видно, но белка и на миллиметр с места не сдвигается».¹

Тварь быстро поняла специфику жизни маленького городка: «...мелкие хлопоты, проблемы, дразги и шкурные мыслишки...».²

Построение цепочки везде одинаковое: от мелких чиновников к крупным и выше. И каждый из них думает лишь о личной выгоде. Автор романа дает лишь несколько штрихов работы чиновников, но как они узнаваемы: «...стоял у окна долго разглядывая пустырь. Когда-то здесь была детская площадка с песочницами, грибочками, лесенками и каруселью, она никогда не пустовала. Три окрестных дома регулярно поставляли детишек для игр, баловства и заразительного смеха. Могучие машины из Управления по благоустройству города в три дня превратили райский уголок в лунный ландшафт... Теперь по плану здесь должен быть магазин и, зная въедливого и жадного мэра, Трюхин был уверен – магазин верхней одежды будет».³

Никого не волнует, где будут играть дети, чем будут заниматься подростки, где работать взрослые. Все это – начальный этап зарождения криминала, этап зарождения тварей на местах. И если для борьбы с Тварью, созданной искусственно, есть Веничка, то с местными тварями бороться просто некому!

Даже Твари, у которой нет чувств вообще, а жестокость – ее сущность, тошно наблюдать такое мироустройство. Даже она понимает, что человек, который трудится, должен получать зарплату, а торговля наркотиками еще большее зло, чем сама Тварь.

Изучая людей «изнутри» в буквальном и переносном смысле Тварь совершенствуется и в ликвидации людей, и в понимании, что они очень разные, очевидно, кое-что она берет и от хороших людей. А они, слава Богу, есть!

– Убивать зачем? – негромко спросил Градов

– Человек агрессивен, ... я защищаюсь, – ответила Тварь.⁴

Первое впечатление от людей – агрессивность? И может быть, поэтому Тварь стала такой, какая она есть?

«...Рядом сидело страшное, неведомое, оно рядилось в тело человека, улыбалось и шевелило его губами, манипулировало его руками, смотрело его глазами... Градову это не казалось странным, слишком нелеп и загадочен был мир, о чьей уникальности в дикой пустоте космоса постоянно говорят ученые».⁵

Но если изначально Тварь считала, что основные положительные эмоции людей – это развлечения, то в процессе общения с окружением Градова, она понимает, что есть другие чувства: любовь, дружба, преданность.

И эти чувства настолько высоки, что она не может заставить даже собаку укунить друга своего хозяина. Это фантастика, мистика, но где-то глубоко внутренний голос подсказывает – это правда! Потому что вся «нечисть» в образах бандитов, «оборотней в погонах», врачей изуверов, оказалась бессильной перед людьми, готовыми жертвовать собой ради других.

Тварь начинает понимать и разбираться в людях, а возможно в нее «перешло» немало порядочности от «копания» в мозгах порядочных людей. Она уничтожила вагон с наркотиками, изъяла сумку с деньгами у главврача психбольницы и даже не тронула Веничку, хотя понимает, что он – главная ее угроза. И люди начинают понимать это:

«... Раскинь мозгами...тварь-то она тварь, а наркоту сожгла, факт. Сидора... завали-

¹ Владимир Баграмов Роман «Тварь» М-Т.: ООО SMI-ASIA. 2011, с. 197

² Там же, с. 129

³ Там же, с. 100

⁴ Там же, с. 111

⁵ Там же, с. 197

ла, бизнес наш гребаный прикрыла...и получается... что полезная она, «тварь»...»¹, – говорит Сорока Тихону.

Наркодельцы, безусловно, понимают вред, который наносит их бизнес людям, они не желают такой судьбы своим детям. В этом плане интересен диалог Твари, поселившейся в тело Сучка, с членом банды наркоторговцев Зямой Штокком:

– ...У тебя дети есть?

– Двое, – растерянно кивнул Зяма Шток. – Сонька в седьмом, Гоша в пятом, а чего тебе мои дети?

– Ты, Шток, прикинь своими худыми мозгами, если твоя Сонька на иглу или колеса подсядет, а за ней Гошка, что будет?

Зяма Шток, вытаращив глаза, некоторое время вдумывался в сказанное, потом яростно взвыл:

– Разорву, по куску зубами буду с... рвать, которая моим наркоту пихнет, и детей ее порву!²

Но любовь к деньгам оказывается непреодолимой.

У этих людей нет ничего святого. Нет ни дружеских, ни просто человеческих отношений. И они сами это прекрасно понимают, даже когда им клянутся в дружбе, преданно заглядывая в глаза.

Проблема наркомании, захлестнувшей буквально весь мир, отраженная Баграмовым в романе, соизмерима разве что с проблемой уничтожения Твари.

Тварь необходимо уничтожить и это будет непросто. И Веничка собирается это сделать. Мало того, оказалось, что он родился в один день с Тварью и поэтому чувствует ее. Понимает, что ее приближение неотвратимо, бороться с ней практически невозможно. Постоянно «копаясь в мозгах» человека, Тварь знает его мысли и действия наперед.

Тварь обращается к писателю Градову с просьбой описать происходящие события:

– А ты пиши, хоть что-то оставишь после себя. Знаешь, что самое страшное в вашем мире – безмянные холмики на кладбищах...³

Роман призывает не сидеть сложа руки, бороться с насилием и произволом, подлостью и невежеством, во имя торжества справедливости и подлинной культуры.

Восхищает поразительно яркое изображение быта и нравов маленького городка, социальное расслоение и типичность образов Блюма, Глотова, писателя Градова.

Как писатель, искренне переживающий за судьбу современного общества, Баграмов поднял в своем романе «Тварь» актуальнейшие проблемы сегодняшнего дня, заставил задуматься о смысле и правильности жизнеустройства. Роман направлен против бездушных отношений между людьми, наплеватьства на окружающую природу, против мироустройства, где жируют мерзавцы, мошенники, наркоторговцы, отъявленные бандиты и власть предержащие, охраняющие этих бандитов и откровенно сотрудничающие с ними. Все они объединены единой страстью к деньгам. Ради денег они готовы растоптать все. Отвратительный, подлый, пошлый мир, где человеческая жизнь не стоит и гроша ломаного. Автор как бы говорит: «Знакомьтесь – это наш мир, это мы его создали». Но... так будет не всегда!

Содержание романа не исчерпывается разоблачением «грабовских» порядков. Есть в жизни и светлая сторона: любовь, привязанность, дружба. Это не отвлеченные и не фантастические понятия. Они тоже имеют место в нашей жизни. И это прекрасно, как все-таки прекрасна сама жизнь.

Роман «Тварь» отражает дух нашего времени, поданного через призму фантастики талантливо и остро.

Воплощая в образе Твари идею угрозы природе, автор высвечивает проблему экологической катастрофы и призывает к бережному отношению к окружающему миру и людям, так как человек – часть природы.

Роман «Тварь» – это роман о проблемах нашей жизни, высвеченных экологической катастрофой, которая сама является итогом наших проблем. Эти проблемы очевидны – алкоголизм, наркомания, бюрократия, потребительское отношение к природе, друг к другу. И пока мы сами все вместе и каждый по отдельности не осознаем, что нам никто не поможет, кроме нас самих, положение будет ухудшаться и, в конце концов, приведет к тому, что какая-нибудь Тварь нас уничтожит. Это обращение к человечеству.

¹ Владимир Баграмов Роман «Тварь» М-Т.: ООО SMI-ASIA.2011 с. 145

² Там же, с. 206

³ Там же, с. 198

Караван истории

«Этот путь явится... могущественным средством развития...»

В ушедшем, 2013 году, исполнилось 125 лет с начала функционирования первой железной дороги в Средней Азии. 15 мая 1888 года первый поезд пришел с берегов Каспийского моря в Самарканд. Эта железная дорога, называвшаяся поначалу Закаспийской, произвела буквально революцию в хозяйственной жизни Туркестана. Она оказала огромное влияние на развитие экономики региона, формирование товарного характера местного хозяйства, интеграции его в общероссийский и мировой рынок. Облегчение доставки местной продукции потребителям явилось стимулом для увеличения ее производства и соответствующего роста доходов производителей.

Вопрос о строительстве железной дороги, соединяющей Европейскую Россию и Туркестан, возник сразу же после присоединения края и учреждения Туркестанского генерал-губернаторства. Активно ратовал за нее первый генерал-губернатор К.П. Кауфман. Самым оптимальным вариантом представлялось проложить дорогу от Оренбурга, игравшего в XIX веке роль своего рода ворот в Среднюю Азию, до Ташкента.

Еще в 1872 году Кауфман поручил известному путешественнику, исследователю Средней Азии Н.А. Северцову изучить предполагаемую трассу, определить более точно маршрут, его условия и возможную рентабельность дороги. Северцов подготовил две основательные докладные записки по вопросу установления сообщения между Центральной Россией и Туркестаном.

К сожалению, знаменитый путешественник не смог оценить всех перспектив идеи. В своих записках он выступает против строительства железной дороги, утверждая, что она даже и в будущем будет убыточной из-за недостаточного пассажиро и грузопотока. Вместо железной дороги он пропагандировал создание частного пароходства на реке Сырдарья и совершенно фантастическую идею устройства безрельсового сообщения между Оренбургом и Казалинском. В основу второго предложения легла информация о том, что некий инженер-механик Орловский изобрел в то время своего рода паровоз, который, как будто бы, мог передвигаться по обычным грунтовым дорогам со скоростью 8-10 верст в час.

Оба предложения не получили одобрения Кауфмана. Прагматичный генерал-губернатор по поводу второго предложения заметил: «Не может быть и речи, коль скоро самое устройство локомотива не окончательно обдуманно, не говоря о постройке его, не говоря об опытах».

В 1874 году в Оренбурге была созвана особая железнодорожная комиссия Русского Географического общества. Она признала необходимой постройку дороги и «полагала жела-

Юрий Флыгин

Родился в 1950 году в Ташкенте. Окончил исторический факультет Ташкентского государственного университета. Работал на педагогической работе в высшей и средней школе. Автор многочисленных научных и публицистических работ. В 2011 году занял первое место на конкурсе русскоязычной журналистики Узбекистана в номинации «Публицистика».

тельно вести ее от Оренбурга до Ташкента, т.е. в том направлении, по которому издавна происходили российские сношения с Туркестаном и которое было в то же время кратчайшим».

Идея строительства железной дороги Оренбург – Ташкент получила поддержку с несколько неожиданной стороны. Ее поддержал и всячески пропагандировал знаменитый строитель Суэцкого канала французский инженер и предприниматель Фердинанд де Лессепс, причем, он именно себя видел строителем дороги. Позже Лессепс скорректировал свое предложение – он полагал более перспективным вариантом дорогу на Ташкент начинать не в Оренбурге, а в Екатеринбурге. Этот вариант активно поддерживался российскими общественными и промышленно-торговыми кругами. Предполагалось, что таким образом Средняя Азия получит удобное сообщение не только с Европейской Россией, но и с Сибирью, прокладка железной дороги в которую стала первоочередной задачей для правительства.

Правда, Лессепс не являлся автором этой идеи. Задолго до Лессепса, в 1868 году, известный русский железнодорожный деятель Богданович издал брошюру «Проект Сибирско-уральской железной дороги Екатеринбург – Троицк – Ташкент». Лессепс предлагал конечным пунктом железной дороги сделать не Ташкент, а Пешавар в тогдашней британской Индии. Необходимость в удобном и надежном сухопутном пути сообщения между Европой и Азией и тогда уже была насущной. Так что предложение Лессепса встретило самый позитивный отклик и в России, и в Европе. Английская газета «Таймс» писала: «Прорытием Суэцкого канала Лессепс совершил подвиг, который доставил торжество своему отечеству... Мы, англичане, дорого заплатились за ту оппозицию, которую некогда оказывали этому предприятию. Поэтому теперь мы от души пожалели бы, если бы и к новому предприятию того же Лессепса у нас отнеслись с тем же недоверием, тем более, что, как известно, он не взялся бы за предприятие, не обследовавши его самым тщательным образом как в научном, так и в финансовом отношении».

Англичане даже соглашались построить железную дорогу за свой счет (ну и владеть ею). По самым приблизительным расчетам, доход в год только от перевозки коммерческих грузов должен был составить от 20 до 40 млн. рублей (не считая почты, пассажиров, местных грузов, военных перевозок). Получалось 10 000 рублей на версту. Англичане находили идею коммерчески выгодной от 3 000 рублей на версту.

В ноябре 1873 года Ф. де Лессепс направил письмо К.П. Кауфману, стремясь заручиться его поддержкой. Он писал: «Россия, не шадившая жертв для распространения благ цивилизации в отдаленных странах, встретит, без сомнения, благосклонно все усилия, направленные к той же цели... Пересечение этих, почти неизвестных местностей большим рельсовым путем послужит завершение вашего дела. Этот путь не только явится для населения этих стран могущественным средством развития, но откроет России новые рынки и сделается для нее неистощимым источником богатств».

Лессепс написал также письмо британскому министру иностранных дел лорду Гренвиллю: «Прямые и быстрые сообщения с Европой значительно усилят международную торговлю; вероятно, все отрасли торговли как в Англии, так и в Индии, почувствуют их влияние. Увеличение торговли на индийских железных дорогах будет иметь необходимым последствием сначала уменьшение, а потом, вероятно, и скорое упразднение тяжелых повинностей, которые налагают на индийский бюджет гарантии процентов».

Еще в предшествующее время некий Якса-Быковский, очевидно, по заданию Лессепса, в течение двух лет изучал местности, через которые должна бы пройти предполагаемая железная дорога. По его утверждению, выбранное направление «самое удобное для перевозки, как грузов, так и пассажиров... Протяженность линии от Пешавара до примкнутия к какому-либо пункту на Волге ныне действующих железных дорог не превзойдет 3 000 верст. Серьезных затруднений при постройке быть не может. Единственно значительный переход через Гиндукуш потребует не более восьмиверстного туннеля; на остальном же протяжении от Гиндукуша до самого Пешавара дорога пройдет по ровным местностям».

Идея соединения Средней Азии надежным транспортным путем с центром России и даже с Индией вызвала и в российских, и в туркестанских общественных кругах живейший отклик и даже некоторую эйфорию. Красноречив заголовок статьи в газете «Туркестанские ведомости» об итогах изысканий Якса-Быковского: «Вопрос о железной дороге

в Среднюю Азию становится у нас в настоящее время вопросом минуты».

Большой интерес к железной дороге в Среднюю Азию и Индию проявили торгово-промышленные сообщества некоторых российских городов, через которые она могла бы пройти, а также органы местного самоуправления этих городов. Ведь было очевидно, что такая дорога послужит действенным стимулом для развития в этих городах производства, торговли, сферы услуг.

Особую активность проявили в Саратове. Местная городская дума «в виду особенной важности настоящего вопроса для местных интересов... признала необходимым уполномочить для личного ходатайства в надлежащих правительственных учреждениях со стороны города городского голову В.И.Гусева». Саратовцы самым выгодным считали направление от Саратова до Гурьева, по берегу моря к устью Эмбы, затем к Аральскому морю и вдоль Арала к устью Амударьи. Далее дорога должна бы дойти до Петро-Александровска (ныне Турткуль), откуда одна линия шла бы в Ташкент, а другая до Самарканда и Карши. А там и встреча с англичанами от Пешавара. Увы, «минута» затянулась, вопрос оказался гораздо более сложным.

В самом начале января 1875 года, по указанию императора Александра II, состоялось Особое совещание по рассмотрению проекта Ф. де Лессепа о Среднеазиатской железной дороге. В совещании участвовали государственный канцлер Чевкин, Туркестанский генерал-губернатор Кауфман, генерал-инженер Мельников, министры: военный, путей сообщения, финансов.

Совещание постановило: «... предложения Лессепа как по проведению дороги в Индию, так и по производству изысканий должны быть решительно отклонены».

Можно предполагать, что определяющей в принятии такого решения была позиция министра финансов Рейтерна, который еще ранее писал: «... едва ли разумно привлечь в наши пределы огромный транзит мануфактурных товаров, а еще менее разумно устраивать дорогу в Индию, а потом принимать для ограждения нашей промышленности разные меры, стесняющие транзит, без которого дорога не может существовать».

Но последующие события внесли свои коррективы в планы железнодорожного строительства. Военно-политическая ситуация потребовала первостепенного строительства Закаспийской железной дороги. «Высочайшее соизволение» императора на ее постройку было дано 25 ноября 1880 года. Руководителем работ назначили генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Анненкова, специалиста по военно-транспортным вопросам. Еще в 1867 году он опубликовал цикл статей о важности железных дорог для военных нужд. Его ближайшими сотрудниками являлись князь М.И.Хилков и инженер А.И.Югович, изыскания производил инженер П.М.Лессар.

Первый участок дороги от Каспийского моря до Кызыл-Арвата, протяженностью 217 верст, начал функционировать уже в конце 1882 года. После трех лет его активной эксплуатации, в мае 1885 года, строительство дороги возобновилось. Опыт, накопленный при строительстве первого участка пути, позволил существенно ускорить темпы строительства, укладывали рельсов в день до 6 верст.

Уже 30 ноября 1885 года первый паровоз прибыл в Ашхабад, а 2 июля 1886 года – в Мерв (Мары). Самым сложным оказался следующий отрезок пути, проходивший по безводным сыпучим пескам пустыни Каракум. В мире не существовало опыта прокладки железнодорожных путей в таких условиях. Прокладку железной дороги по сыпучим пескам считал безумием тот же Лессепс, столь ратовавшей ранее за направление через горные массивы Гиндукуша к Пешавару. Скорее всего, он руководствовался здесь не техническими соображениями, а чувством ревности и обиды за упущенную бизнес-идею. Русским инженерам и рабочим пришлось быть первопроходцами. И они справились с задачей, которая, например, оказалась неразрешимой для американцев в их первых попытках проложить железную дорогу в подобных условиях. М.Н.Анненков придумал, как бороться с наступлением сыпучих песков – с помощью посадки саксаула вдоль магистрали. Впоследствии этот метод с успехом применялся при строительстве железных дорог в Северной Африке, в пустыне Сахара. 30 ноября 1886 года первый паровоз дошел до Амударьи, преодолев 755 верст от Кызыл-Арвата.

Всего за 124 дня круглосуточной работы был построен деревянный мост через Амударью длиной 2 версты 290 саженой. А в 1901 году был построен железный мост на каменных устоях, получивший весьма широкую известность в мире и названный совре-

менниками «чудом инженерной мысли». 15 мая 1888 года в день очередной годовщины коронации императора Александра III первый поезд пришел в Самарканд. Несколько позже начало железной дороги было перенесено в Красноводек (сначала она начиналась от Михайловского залива, потом от Узун-ада).

Железная дорога строилась силами солдат специально организованного железнодорожного батальона и нанятых русских рабочих из Центральной России.

27 мая 1895 года состоялось «Высочайшее повеление» о сооружении железной дороги от Самарканда до Ташкента. Сплошное движение поездов по линии Красноводек-Ташкент началось в 1899 году. Тогда же была введена в действие железнодорожная линия до Андижана. А еще раньше, в 1898 году была построена Мургабская линия, от Мерва до Кушки.

Постройка Закаспийской железной дороги, предпринятая первоначально с военными целями, которые отпали в самом начале ее строительства, была продолжена по соображениям чисто экономическим. Она «произвела, – как писал автор фундаментальной работы о Туркестанском крае князь В.И.Масальский, – полный переворот в жизни Туркестана, дав могучий толчок развитию его производительных сил и оказав огромные услуги развитию торговли, промышленности и главным образом увеличению производства хлопка... Сооружение огромной железнодорожной линии... через безводные песчаные пустыни, при тяжелых климатических условиях ... вообще при исключительных обстоятельствах, не имевших места при постройке других железных дорог, явилось мировым событием, привлечшим всеобщее внимание и покрывшим неувыдаемой славой строителя дороги М.Н. Анненкова, всех его сотрудников».

Заслуги Михаила Николаевича Аннекова действительно исключительно велики. Он был буквально душой всего дела. Сам он жил на «объекте строительства» в вагоне. Благодаря его строгому контролю удалось самым рачительным образом использовать отпущенные средства, избежать лишних, непроизводительных расходов. Всего было затрачено 43 миллиона рублей – это довольно скромная сумма, учитывая масштаб и особые трудности строительства, в частности, сложности с доставкой техники и строительных материалов.

В знак признания заслуг М.Н.Анненков был награжден орденом Александра Невского с бриллиантами. В октябре 1913 года в Самарканде был установлен бюст Анненкова, простоявший, правда, недолго. Осенью 1924 года по распоряжению новой власти памятник строителю Закаспийской железной дороги был уничтожен.

Закаспийская железная дорога, позже переименованная в Среднеазиатскую, в самом начале была убыточной, но весьма скоро стала давать крупные доходы. Уже в первый год после ее завершения, в 1899, по ней было перевезено 442 900 пассажиров и 23 262 556 пудов грузов. Через 10 лет, в 1909 году, пассажиров было перевезено 2 981 953 человек и грузов 69 873 364 пуда.

В самом конце XIX века в повестку дня вновь вернулся вопрос о строительстве железной дороги Ташкент-Оренбург. Ее строительство началось осенью 1900 года. Окончательно дорога протяженностью 1736 верст была завершена к 1 января 1906 года. Железнодорожное строительство в Туркестане осуществлялось на государственные средства, лишь относительно небольшие ветки, в основном в Ферганской долине, игравшие роль подъездных путей к хлопкоочистительным заводам, строились на деньги частного капитала.

К концу первого десятилетия XX века все более насущной становилась потребность соединить с центром Туркестана и с Европейской Россией Семиречье, а через Семиречье соединить Туркестан с Сибирью. Строительство такой железной дороги – Турксиб – началось незадолго до Первой мировой войны. Начавшаяся война не позволила закончить его. Турксиб был завершён гораздо позже. К сожалению, к вопросу строительства дороги до Пешавара более не возвращались. Хотя вопрос этот не потерял актуальности.

Еще до Первой мировой войны основная часть районов Средней Азии получила железнодорожное сообщение. Вне его оставались Семиречье и Хорезм. Строительство железных дорог не только связывало между собой разные части Туркестана и облегчало транспортировку товаров. Оно способствовало разрушению территориальной замкнутости отдельных районов края. Но главное значение железнодорожного строительства выразилось, конечно, в огромных стимулах для развития экономики края.

Из истории формирования искусствоведческого образования в Узбекистане

Искусствоведческое образование, будучи теоретической сферой «художественного творчества», по традиции велось в университетах в рамках гуманитарных дисциплин. Об истории становления искусствоведения в нашей стране С. Горшенина пишет, что первой пристанью искусствоведения и археологии в Среднеазиатском государственном университете стал историко-филологический факультет, немногочисленный профессорско-преподавательский корпус которого состоял из петроградских и туркестанских специалистов (М. Андреев, В. Бартольд, С. Безобразов, Н. Вундцеттель, Д. Граменицкий, В. Кун, А. Семенов, И. Умняков, А. Шмидт и другие). Он открылся 31 августа 1920 года и объединил практически все гуманитарные науки, составившие образовательные циклы по философии, истории, русской словесности, исламоведению и иранской филологии. Курсы по истории искусств и археологии были обязательными для каждого цикла.

История историко-филологического факультета оказалась недолгой — сначала последовала частичная передача его функций вновь созданному факультету общественных наук, в самом наименовании которого проглядывало требование политизации гуманитарных дисциплин, а вслед за этим декрет СНК РСФСР от 4.03.1921 года «О плане организации факультета общественных наук Российских университетов».

Только для МГУ, старейшего университета страны и Петроградского университета было допущено некоторое послабление. На молодой Среднеазиатский университет, увы, эти привилегии не распространялись.

Вместе с тем, подобное ограничение не коснулось востоковедения, так как в советском авторитарном государстве эта сфера считалась далекой от политики, имеющей только практическое значение, и деятельности Туркестанского восточного института. Через некоторое время в 1924 году Туркестанский восточный институт в качестве факультета востоковедения был введен в состав Среднеазиатского государственного университета: «В соответствии с этим предполагалось организовать на востфаке несколько образовательных циклов: лингвистический, литературный и краеведческий. Последний, наряду с исторической и этнографической, предусматривал и археолого-искусствоведческую специализацию, начинавшуюся с третьего курса. Помимо специальных дисциплин для археологов и искусствоведов, специалисты кафедры археологии и истории мусульманского искусства, среди которых был и специально приглашенный для чтения лекций по истории искусств Востока из Ка-

**Наргиз
ХАСАНОВА**

Родилась в 1981 г. в Ташкенте. Окончила Национальный институт художеств и дизайна им. К.Бехзода. В настоящее время работает над докторской диссертацией. Живет в Ташкенте.

занского университета профессор А. Миронов, читали лекции для студентов других образовательных циклов».

В тот период еще не была написана «История искусства Востока», и ее авторы – будущие преподаватели и профессора факультета востоковедения – проводили собственные исследования, работали в музеях, библиотеках и архивах, участвовали в экспедициях по Средней Азии, вовлекая в этот процесс и студентов: «Среднеазиатское востоковедение, а вместе с ним археология и искусствоведение крепки, набирая силу в стенах восточного факультета университета»¹ Но... По мере того, как на факультете востоковедения укреплялось изучение археологии и искусствоведения, возрастало влияние происходящих в стране политических процессов, что означало не только ликвидацию востфака, но и всей ташкентской школы востоковедения, включавшей в себя и археологию с искусствознанием. Последний островок свободомыслия растворился в безбрежном океане наступающей политизации гуманитарных наук. Давние университетские традиции преподавания филологии, истории, археологии и искусствоведения были прерваны.²

Возрождение изучения истории и археологии можно отнести к 1935 году. В 1939 году в САГУ был приглашен известный ученый М. Массон, в 1940 году создавший свою кафедру, восстановившую через семь лет традиций искусствоведения.

Отчасти это было связано с массовой эвакуацией в Ташкент московской профессуры. Впервые после 1920 года, когда знаменитым поездом в Среднюю Азию прибыли московские и петроградские специалисты, Узбекистан получил такое мощное пополнение научными и преподавательскими кадрами: во время войны 28 эвакуированных профессоров были зачислены в штат САГУ. На вновь (уже в который раз!) образованном факультете и возникла кафедра искусствознания (февраль 1942). Впоследствии, после образования отдельных факультетов — исторического и филологического (в декабре 1942 года) – она осталась на филологическом факультете и лишь в июле 1945 года была передана историческому факультету, став пятой по счету факультетской кафедрой.

Заведующим кафедрой был назначен крупнейший знаток искусства Западной Европы профессор Б. Виппер, лекции по западному искусству читали известные ученые-искусствоведы И. Гинзбург, В. Зуммер, Ю. Колпинский, Ж. Мацулевич, В. Мошкова, М. Нейман, А. Федоров-Давыдов, Г. Чабров, В. Чепелев, А. Эфрос, по истории искусства Востока – Г. Пугаченкова

После эвакуации профессуры центральных институтов страны место профессора Б. Виппера занял оставшийся в Ташкенте профессор В.М. Зуммер, он возглавил отделение искусствоведения. С целью пополнения поредевшего преподавательского состава приглашаются на кафедру ташкентские искусствоведы - опытные сотрудники Государственного музея искусств – С.М. Круковская и Н.М. Абрамова.

В период деятельности В. Зуммера активизировалась ориентализация кафедры.

Руководство авторитарного государства усиливает идеологизацию своей политики и следствием этого были гонения, которые коснулись кафедры археологии, а затем и кафедры искусствоведения. В 1949 году В. Зуммеру пришлось оставить кафедру, было под угрозой само ее существование. Но ученый совет историко-филологического факультета решил сохранить кафедру с условием пересмотра учебного плана, программ и состава кафедры. Для укрепления кафедры ее штат был расширен до четырех человек, заведующей кафедрой была назначена Г. Пугаченкова.

Однако в 1952 году кафедра искусствоведения была преобразована в кафедру музееведения, которая, так и не выпустив ни одного специалиста прекратила свое существование.

Выпускники кафедры, слушавшие лекции выдающихся ученых искусствоведов, внесли весомый вклад в развитие искусствоведения Узбекистана: А.Р. Умаров, М.В. Мюнц, Л.В. Шостко, В.Л. Лаковская стали проводниками традиций, заложенных московской профессурой. Подготовленные ими альбомы и монографии, каталоги выставок, статьи и очерки стали летописью важной эпохи развития изобразительного искусства Узбекистана. Их книги и альбомы, посвященные творчеству отдельных художников: О. Татевосяна, У. Тансыкбаева, А. Абдуллаева, И. Икромова, В. Кайдалова, Б. Хамдами, Р. Тимурова, стали знаковыми в истории искусства Узбекистана. Постепенно книги о творчестве отдельных художников – Л. Абдуллаева, И. Икромова, З. Иногамова – стали издаваться и на узбекском языке. Научный потенциал этих ис-

¹ С. Горшенина. Галина Пугаченкова. Институт открытое общество – Узбекистан. Media Lend, 2000, с 106

² Там же, с 107

кустведов свидетельствует, насколько эффективной была школа, основанная великими искусствоведами.

Как известно, введенные в университетах ограничения в отношении гуманитарных наук коснулись прежде всего искусствоведения. Поэтому на протяжении многих лет практически во всех университетах страны искусствоведение как самостоятельная специализация было исключено из сферы образования.

По просьбе Министерства культуры Узбекистана и Ученого совета Театрально-художественного института в 1965 году было принято решение правительства Республики Узбекистан об организации искусствоведческого обучения.

В 1965 году в институте была открыта кафедра «Истории и теории изобразительного искусства», заведующим которой был назначен известный ученый Л.И.Ремпель. Начало обучения по этой специальности в Ташкентском театрально-художественном институте было воспринято художественной общественностью как продолжение традиций, сформированных в Среднеазиатском Государственном университете.

Известный искусствовед М.В. Алпатов так охарактеризовал научный потенциал Л.И.Ремпеля: «За многие годы своей работы в Ташкенте Лазарь Израилевич Ремпель стал крупным знатоком искусства Средней Азии. Ему выпала честь участвовать в исследовании и в научном опубликовании многих памятников искусства, раскопанных на узбекской земле или же извлеченных из многолетнего забвения. Художественные ценности Узбекистана настолько прекрасны, что их простая археологическая характеристика и публикация могли бы принести автору глубокую признательность историков искусства. Он дает внешние характеристики, служащие основой сведений об эпохе, и, вместе с тем, стремится определить роль каждого памятника в искусстве Средней Азии, осознать его художественную ценность, определить его стилистические качества».¹

В соавторстве с Г.А. Пугаченковой Л.И.Ремпель завершает работу над монографией «Изобразительное искусство Узбекистана», которая была отмечена Государственной премией. Этот научный успех положительно сказался на статусе кафедры.

Крупнейший ученый Г.А. Пугаченкова вела специальные курсы, руководила археологическими экспедициями института Искусствознания. Здесь уместно напомнить о золотых изделиях Дальверзинтепинского клада. Раскопки на Дальверзинтепа проводились при участии студентов ТТХИ, которые и впоследствии с успехом продолжают начатое дело.

Г. Пугаченкова как научный руководитель молодых ученых кафедры искусствоведения сыграла большую роль в становлении таких именитых специалистов, как Ш. Ташходжаев, Б. Тургунов, З. Рахимова.

Профессор Л.И. Ремпель как руководитель теоретической кафедры четко осознавал перспективы развития образовательного процесса, отмечая, что искусствознание как наука имеет двуединую задачу: познать историю искусств и наметить пути его развития в будущем.

История и теория искусств тесно связаны между собой. Нельзя представить себе, что современное искусство вненационально, что у него нет своих корней в прошлом, как нельзя строить теорию искусств вне заботы о будущем.

Ставя задачу перед молодыми искусствоведами, он пишет: «Не утрачен интерес общественности к науке об искусстве. Наоборот, он возрос. В искусствоведении в рамках идейно-художественного анализа высшее мастерство в любом виде искусства, форма, глубина идеи, качество произведения свободны от определенных критериев, и это обуславливает (его) оригинальность и свежесть идей, таланта во всей его необъятной шире».²

Вместе с тем он предполагал усиление Среднеазиатской специфики, как одного из основных направлений подготовки специалистов-искусствоведов.

Основной задачей теории искусства ученый считал сопоставительное освещение истории основных этапов социального развития теории искусства отдельных регионов.

Задачами истории искусства – определение белых пятен на единой карте археологических исследований Среднего Востока прежних эпох; определение исторической взаимосвязи художественных культур этого региона в различные эпохи; углубленное изучение накопленных, но пока не изученных материалов по локальной культуре Среднего Востока.

¹ Л.И.Ремпель. Искусство Среднего Востока. М., Сов. художник, 1978, с 7

² Изобразительное и прикладное искусства. Культура Среднего Востока. Т., Фан, 1990, с 253

Художественная критика должна при анализе современного искусства учитывать прежнее, нынешнее состояние искусства и его перспективы. Он указывал на необходимость разработки художественных критериев, решения и пересмотра общих и специальных задач. Искусство – сложный процесс. Он охватывает различные этапы социального развития и различные уровни таланта. Поэтому все это будет способствовать его динамическому развитию.

В образовательный процесс были привлечены получившие университетское образование молодые искусствоведы – Л.В. Шостко, В.Л. Лаковская и другие. Наряду с ними к чтению лекций по специальным курсам стали привлекаться известные ученые – доктор искусствоведения Р.Х. Такташ, кандидат искусствоведения А.Р. Умаров, тогда еще молодые Э. Ртвеладзе, Б. Тургунов, Ш. Ташходжаев, А. Морозов.

В 1972 году на должность заведующего кафедрой назначается Л.В. Шостко, удостоенная звания Заслуженного деятеля искусств, много сделавшая для укрепления кафедры.

В становлении художественного образования в Узбекистане велика заслуга И.Е. Репинского института. Выпускники этого института и своим творчеством, и педагогической деятельностью внесли весомый вклад и в становление академических традиций реалистического искусства, и в подготовку искусствоведческих кадров. Научно-педагогический потенциал выпускников факультета теории и истории искусств З.И. Рахимовой, Н.Р. Ахмедовой, Э.Р. Ахмедовой значительно повысил потенциал кафедры.

Разработка программ, учебных и методических пособий не только по истории искусств Центральной Азии, но и по истории западного искусства, собственная научная тематика каждого преподавателя, подготовка книг, каталогов и очерков, посвященных творчеству художников (Р.Х. Такташ – автор книг о творчестве художников У. Тансыкбаева, Н. Кашиной, М. Курзина; Л.В. Шостко – автор монографий о творчестве Р.А. Ахмедова, Ю. Талдыкина, К. Башарова, О.Татевосяна; в книге В.Л. Лаковской «Послевоенная станковая живопись Узбекистана» впервые проанализированы новые формотворческие поиски авангарда в живописи Узбекистана; серьезные исследования З.И.Рахимовой, И.Н. Булкина, Г.И. Бабаджанова).

В 1982 году при кафедре было открыто отделение «Музееведение», которое стало центром подготовки специалистов для музеев (в Узбекистане их более четырехсот, в их фондах хранятся уникальные экспонаты).

После создания Указом Президента Республики Узбекистан Академии художеств на базе художественного факультета ТТХИ был организован отдельный институт, что предоставило новые возможности для развития искусствоведения.

Для повышения научного потенциала вуза в учебный процесс были вовлечены известные ученые – академик Академии наук Узбекистана У.И. Исламов, историк, знаток согдийской письменности М.Н. Исхаков и другие.

В институте проводятся республиканские и международные научные конференции, семинары, международные выставки, так называемые «Ташкентские биеннале», фестивали изобразительного искусства.

Заслуживающим внимания аспектом в искусствоведении нашей республики является проявление универсализма, свойственного интеллектуальной элите: ученые занимаются разработкой сразу нескольких научных аспектов: эстетики, истории и теории искусств, художественной критики, киноискусства и др.

Сегодня наше искусствоведение достигло своей зрелости и учитывает вполне справедливую характеристику нынешнего состояния нашего изобразительного искусства: «...В современном изобразительном искусстве республик Средней Азии формируются черты национального своеобразия при общности идейно-художественных задач. Своеобразие это понимают по-разному. Одни – как стилизацию традиционных художественных тем, мотивов, форм, но чаще, с выходом в новые концепции искусства, близкие современности. Другие – как перенос классических западноевропейских и русских традиций реализма в Среднюю Азию, как бы с целью «догнать классиков», но тоже с выходом на новые темы и формы, подсказанные реальностью обстановки. Третьи – как отход от всяких традиций в поисках начал, таящихся в подсознании человека и т. д.»¹

¹ Изобразительное и прикладное искусства. Культура Среднего Востока. Т., Фан, 1990, с 253

переводы

Улугбек Хамдам

ШИПОВНИК*Мини роман**(перевод с узбекского Р.Назарьяна)**

*Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему
(как говорят мудрецы...)*

I

На сухой земле межи, разделявшей две соседние дачи, вырос когда-то куст шиповника. Куст этот никто не сажал, он появился сам по себе, хотя, как оказалось, он, словно таинственный перст судьбы, возник вдруг на жизненном пути двух соседей... А может быть, это люди повстречались на его пути, кто знает...

Появившись, он с годами тянулся все выше, к небу, разрастаясь и в ширину во все четыре стороны так, что издали куст этот можно было принять за дерево. Соседи практически не обращали на него внимания, никто из них не считал его своим: ни родители девушки, ни семья юноши. Всякий раз осенью, когда собирали урожай с деревьев на обеих дачах, только плоды шиповника сиротливо оставались на ветках. Если кто-то из семьи юноши упрекал соседей: «Почему же не собираете шиповник? Ведь снег скоро пойдет. Грех такому добру пропадать!», то из семьи девушки игриво отвечали: «Да что вы говорите, уважаемые? Ведь большая часть веток шиповника свисает на вашу сторону, а потому и плоды, несомненно, принадлежат вам. Ну-ка, быстренько соберите, пока они не пропали»...

Так, в пустых спорах двух сторон ягоды шиповника оставались несобранными...

Между тем, шли годы, сменяя друг друга...

Как-то весной юноша приехал на дачу. Взяв в руки кетмень, вышел в сад и вдруг увидел стоявшую рядом с буйно цветущим шиповником соседскую девушку. Он резко остановился как конь, у которого натянули узду. Поначалу он кашлянул, дабы не спугнуть застывшую в задумчивости деву, и, сам того не осознавая, невольно сделал два-три шага в ее сторону. Собравшись с мыслями, девушка, несколько отступив назад, поздоровалась и, желая разрядить обстановку, восторженно сказала: «Только взгляните, как красиво цветет!» И неожиданно запнулась: юноша все приближался к ней, не отрывая взгляда от бело-розовых цветов шиповника, чудесным облаком накрывших куст. Действительно, это цветущее чудо наполняло ароматом округу, маня к себе пчел, перелетавших с цветка на цветок. Склонившись к кусту, юноша бережно вдохнул аромат светло-розового чуда. На него пахло розой и еще чем-то неуловимо нежным и, возможно, это было благоухание нектара. Запах этот был нежным, чарующим, дурманящим!..

Выпрямившись во весь рост, он снова глубоко вдохнул аромат цветущего шиповника и отчетливо ощутил благоухание другого цветка, стоявшего перед ним, самого лучшего цветка в мире – то был аромат амбры, исходивший от волос девушки-соседки. В одно мгновение голова его сладко закружилась... И с того мгновения дальнейшая судьба его была предопределена...

– Гляньте, прошлогодние ягоды до сих пор висят на ветках, они будто спрятались за этими новыми цветами и листьями! – проговорила девушка, тщетно пытаясь высвобо-

Рубен Назарьян родился в 1947 г. Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Преподаватель Самаркандского госуниверситета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

даться из пьянящих уз. – Знаете, о чем это говорит?..

– Как же не знать: о лени наших соседей! О чем же еще? Не смогли собрать ягоды вовремя? Девушке не пристало быть такой лентяйкой! – шутливо ответил ей юноша.

– Сами вы лентяй! – кокетливо парировала девушка. – Но согласна, осенью я соберу урожай сразу за два года и обеими руками преподнесу его вам!...

– Ха-ха-ха! – удовлетворенно засмеялся юноша, смех девушки слился с его смехом...

Колесо времени между тем сделало очередной круг, и наступила та осень, о которой говорила девушка. Осень!.. Долгожданная пора сбора даров природы!..

...Юноша в будний день, когда на дачах никого не бывает, перед закатом появился на даче. Держа в руке ведро, он собрал созревшие ягоды шиповника с тех веток, которые свисали на его сторону, и, оставив под кустом наполненное ведро, возвратился в город...

Как обычно, в выходные дни члены обеих семей собрались на своих загородных участках. С торжествующей улыбкой парень взял оставленное накануне под шиповником ведро ягод и отправился по тропинке к соседям с целью проучить языкастую девушку. Но вдруг оказался лицом к лицу с ней, стремительно шагавшей ему навстречу и державшей в руке такое же пластмассовое ведро.

– Ассалому алайкум! – склонился в приветствии юноша.

– Ваалайкум ассалом! Добро пожаловать, сосед! Мир вам! А вот и обещание той лентяйки! – девушка протянула свое ведро ошарашенному парню: в ведре были ягоды шиповника! А в следующее мгновение взгляд ее неожиданно упал на ведро в руке парня, и она несказанно удивилась. Оставив ведра, оба кинулись к кусту шиповника... и обнаружили, что на нем практически нет ягоды: девушка собрала для юноши плоды шиповника со своей стороны, а он для нее - со своей. Только девушка сделала это утром, а юноша вечером, не заметив, что ягод шиповника с другой стороны уже собраны...

...А обе мамы, узнавшие о событиях вокруг благоухающего шиповника и затаенно вознамерившиеся стать родственницами, приукрашено поведали обо всем отцам семейств... Какой же смысл было тянуть теперь с исполнением задуманного, ведь довольство отца – довольство Господа!..

Свадьбу сыграли весной, в пору цветения шиповника...

**Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему.
(как говорят...)**

II

И после этого шиповник вновь и вновь швел и десятки раз сбрасывая свою листву, возрождаясь весной. Юноша и девушка, ставшие семьей, жили, подобно шиповнику, ветвясь и укореняясь на ниве жизни и подобно ему плодонося. Но пришло время и, в отличие от могучего куста, они состарились, произведя на свет двух сыновей и двух дочерей, от которых, в свою очередь, родились одиннадцать внуков. Родители, давшие благословение своим детям, давно уже покинули этот мир, а счастливая супружеская чета на склоне лет вот уже долгое время жила на своей даче, вообще не выезжая в город. Попросту говоря, они полюбили эту землю, обрели здесь смысл своего существования. И, доживая свои земные дни, завешали старики похоронить их рядом друг с другом на этой, ставшей родной, земле...

А шиповник между тем сильно разросся. Старик со старухой ухаживали за ним до конца своих дней: обрезали сухие ветки, лелеяли новые побеги, оберегали кустарник, словно младенца, проявляя родительскую доброту и милосердие. И результатом того внимания было то, что шиповник и по сей день величественно произрастает между двумя дачами, напоминая новым поколениям о старых добрых временах: будто время остановилось, и словно вот-вот через минуту прибегут сюда тот юноша и та девушка, чтобы насладиться ароматом цветущего куста, и станут собирать прошлогодние ягоды, а потом... сыграют веселую свадьбу...

...Но нет. Время неумолимо, и все мы в его воле – парень и девушка достойно прошли свой жизненный путь и, превратившись в старика и старуху, покинули этот мир. А их место под солнцем успели занять следующие поколения. И опять как много лет назад с

одной стороны от шиповника появился на свет сын младшего сына старика и старухи, а на соседней даче родственница старухи тоже произвела на свет такого же возраста молодого наследника! Знаменательно, что жизнь новых поколений тоже протекала вокруг нашего шиповника. Интересно, весьма интересно, как же будут складываться отношения с ним представителей этого поколения: на «ты» или на «вы»?..

– Шиповник принадлежит мне. Скажи своим детям, чтобы они не смели приближаться к нему. Все ягоды соберем сами! – угрожающе заявляет одна сторона.

– Держи карман шире! Большая часть веток шиповника свисает в мой двор, следовательно, это моя собственность. Если я узнаю, что ты взял хоть одну ягодку, сосед, обещаю: разнесу твой сад со всеми потрохами! – парируют с другой стороны...

Так и возник конфликт между соседями. Ни одна, ни другая стороны ни в чем не желали уступать друг другу. Конфликт разрастался и со временем вылился в жестокую неприязнь, а неприязнь, в свою очередь, переросла в холодную войну. В результате соседи и родственники стали ярыми врагами. Дело дошло до того, что в один несчастный день противоборствующие стороны решили воздвигнуть стену на меже между двумя домами. Однако и здесь не было достигнуто согласия в определении границ. Каждая сторона хотела, чтобы куст шиповника остался у нее! Цыплят, как известно, по осени считают: стену, мысленно воздвигнутую одной стороной, во что бы то ни стало хотела разрушить другая, которую не устраивало, что шиповник оказывался вне ее владений...

И вот как-то один из соседей в явно неблагоприятный день заметил, что листья на его деревьях стали вдруг сохнуть. Дачнику было непонятно: коли растения регулярно поливаются и удобряются, почему они сохнут, будучи совершенно здоровыми? Он окинул взглядом деревья своего соседа - все они благополучно росли и плодоносили. Тогда он, внимательно осмотрев почву под своими деревьями, увидел на ней следы известкового раствора. И ему стало все ясно, наступил Судный День!

Намереваясь наказать соседа за его подлость, он, призвав двух своих сыновей и вооружив их топорами, ворвался в его сад и яростно стал рубить ветви того шиповника, который когда-то неведомым образом вырос между их дачами и был естественной границей между участками. Теперь, после расправы с кустом, он способен был на любую месть. Изувечив, изрубив ветви шиповника, обиженный дачник почувствовал вседозволенность и готов был совершить любое кровопролитие. По крайней мере, такое чувство охватило душу этого соседа...

Прибежавший на стук топоров хозяин увидел, что трое мужчин успели искалечить добрую половину деревьев его сада. В отчаянии он, желая остановить вандалов, вцепился в руку вооруженного топором злодея. Тот же, изо всех сил напрягся, желая оторвать от себя соседа. Когда взгляды их встретились и тела слились в смертельной схватке, кровь, враждебно пульсировавшая в их жилах вот уже несколько лет, забушевала подобно вулкану. В результате острие топора, только что рушившее твердые стволы деревьев, пало на мягкую шею человека...

Спустя несколько лет, осужденный и заключенный за решетку убийца-сосед, тоже покинул этот мир, скончавшись от туберкулеза легких...

***Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему
(говорят...)***

III

Когда обоих соседей, участвовавших в кровопролитии, не стало, шиповник той же весной дал новые ростки от корней. С годами он разрастался... Пришла очередная весна, пора пробуждения! Птицы весело чирикали, пчелы жужжали, ветерок шепотом пересказывал человеческие истории на своем языке. От чудной гармонии и умиротворения у всякого очищалась и раскрывалась душа... Однако где же тот, кто понимает язык ветерка? Родится ли тот, кто узнает секреты земли по шелесту листьев?! И веление Господне, заложенное в недрах земных?

Первый день

Вот сын Адама покинул свою обитель, чтобы воспеть красоту мира: девочка-подросток выскочила из дома и, побежав в сторону сада, поскользнулась, пробегая мимо куста шипов-

ника. Да так и осталась там, с интересом глядя на цветущие молодые побеги. А с другой стороны сада появился мальчик примерно того же возраста, что и она, ну, может быть, старше ее на год или два. Приблизившись к девочке, он спросил ее: «Что ты разглядываешь?»

– Не знаю, как это называется. Но посмотри, как оно красиво цветет! А ты знаешь его название?

Подросток отрицательно покачал головой: «Действительно, очень красиво», – подумал он и, нагнувшись, вдохнул аромат цветов...

– Красиво-то красиво, но из-за него... из-за него! – девочка не смогла продолжить. Слова комом застряли в ее горле. Она постояла еще некоторое время, затем резко повернулась и, громко зарыдав, побежала к дому...

Второй день

Подросток проснулся ранним утром. Да и спал он совсем немного. Не вставая, он долго думал, но так и не додумал свои мрачные думы. Наконец, тяжело поднявшись, мальчик вышел во двор, умылся ледяной водой, но легче не стало: мрачные мысли продолжали тяготить его душу. А ноги почему-то настойчиво тянули и тянули его к ожившему кустарнику. Не в силах сопротивляться он невольно двинулся к шиповнику. Подошел и встал у куста на колени...

Колесо времени неустанно вертелось...

Мать позвала его обедать, но парнишка не двинулся с места: обхватив колени, он ждал вчерашнюю девочку. Будто кто-то шептал ему: «Жди, она непременно придет». И, прислушиваясь к этому внутреннему голосу, он неподвижно ждал. И вдруг, в лучах заката среди деревьев мелькнуло знакомое платьице девочки. «Наконец-то!» - мальчишка глубоко и сладко вздохнул.

– Ты плакала?

Девочка молчала.

– Плакала, долго плакала, – утвердительно продолжал подросток, по-взрослому чекая каждое слово. – ...Слышал, мать вчера все рассказала. Я не знал этого раньше. Однако же до наших отцов жили ведь и наши деды, которые поженились по любви... А ты об этом знала?

Девочка ничего не ответила.

– И все это произошло благодаря этому шиповнику... – продолжил парнишка.

Девочка слушала молча. Казалось, она тоже знала историю деда и бабушки. Немного постояв, так и не произнеся ни слова, она скрылась за деревьями...

Третий день

Они снова встретились возле того же шиповника.

– Ты узнала у матери название кустарника?

– Нет. А ты?

– Забыл...

Они помолчали с минуту, сосредоточенно думая...

– А вообще, это важно? – нарушил молчание мальчик.

– Как знать... Важно, кажется... – задумчиво ответила девочка.

Они еще долго стояли у куста, названия которого не знали. Со стороны могло показаться, что эти два подростка – взрослеющая девочка и юноша – не могут решить, как относиться к шиповнику, но им очень-очень хотелось этого: они жестикулировали, кружили вокруг куста, горячо объясняя друг другу что-то...

И кто знает, быть может, они вспоминали своих дедов, а может быть, своих отцов, или же у них на уме было совсем другое ...

**Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему**

*Я думал, что сердцу
крылья подарят
небесные сны...*

*(Из современной
узбекской поэзии. Переводы А. Чильяковой)**

1. Женщина

У ней руки грубы от работы,
У нее и одежда груба.
Каждый день избиваема мужем
прячет синие пятна она.

А вчера я случайно на улице
Увидал, как она на обочине
Вдыхала аромат цветка
Не приметного для меня.

2. Скорбь

Полоская в воде тряпку,
Застывает неподвижно
И склоняя низко голову,
Размышляет долго.

Ее лицо морщинами покрыто
Объято тихой скорбью.
О ком она тоскует,
Молится о чем?

3. Любовь

– Я люблю, – шепчут женские губы, –
И руками, которыми я обнимаю,
Я одежду твою постираю
И поглажу рубашки твои
И однажды я утром в постели
Улыбнусь и тихо прошепчу,
Что кто-то под сердцем моим
Дышит так же, как ты.

Хуршид ДАВРОН

Народный поэт
Узбекистана.

Родился в 1952 г. в Самаркандской области. Автор 12 сборников стихов, нескольких пьес, сценариев для кино, телевидения и радио, сценария телевизионной оперы, поставленной в парижском «Одеоне» по случаю 2500-летия Бухары и Хивы.

*Адель Чильякова родилась в Ташкенте. Окончила факультет журналистики Московского госуниверситета. Жила в Чехословакии. Публиковалась в чешских изданиях, лауреат международной премии «Gratias agit»

Ночь такая темная

(подражание Мирославу Флориану)

Ночь такая темная –
Румяные яблоки
Сверкают
как звезды.

Ночь такая глубокая –
Звезда летит
И падает
в колодезь.

Ночь такая лунная –
Невестушки
Прикрывают
окошки.

Ночь такая
Тихая –
Слышно
Как дышит солнце.

* * *

Ночью я деревом стал
И в зеркале неба увидел себя;
Укутав в свои ветви, я звезды укачал
И полилась, сверкая, ласковая песня

и словно бабочка, уснул весь мир
не спится лишь реке и мне.

Ночью я деревом стал –
И ветви потянулись к утренней заре.

* * *

– Нет, – говорю я – нет,
Мне непосильно терпеть –
Здесь так много скорбей,
Здесь так много разлук.
И тогда полетел я на небо
Подальше от этих мук.

Я думал, что сердцу крылья
Подарят небесные сны,
И с ними летать в небесах,
Но встретились только птицы.
Глаза их были в слезах.

Гармония звука

День исчез,
А я не ухожу с его берега
Словно жемчужину там обронил.
Потому что не знал ей цены.
Очарован журчаньем воды
Я своею рукой упустил
День который уплыл
Мог быть самым счастливым.
День исчез...

Ты забыта, тебя здесь нет.
А я все же не ухожу
говоря, что хочу рисовать
красоту белоснежную яблонь.
Нет!
То пейзаж тобой сказанных слов
временами роняет плоды
в кладовые моей души.

Ты забыта, тебя уже нет
Но мгновенья твоей тишины
Обретают живое звучанье.
И как будто по волшебству
Умолкают иные звуки

Ты забыта, тебя здесь нет
ничего не осталось, лишь имя ...

Помятая бумага
вернула прежний вид,
слова письма
рассеялись в чернилах,
горящий снимок
вышел из огня
и в спичку возвратилось пламя
вернулся взгляд в глаза.
Ничего
ничего
не случилось.

Я дерево.
Слова мои – листья.
Роняю временами фразы
А корни – что ни говори –
И для меня сокрыты.
Никто не разглядит
Своей души.

Даврон РАДЖАБ

Родился в 1967 г. в Ургенче. Окончил Республиканское художественное училище им. П. Бенькова и Высшие литературные курсы при Союзе писателей Узбекистана.

Работал художником-оформителем, корреспондентом республиканских газет. Автор сборника стихов «Бир томчи юлдуз» («Капля звезды», 1995 г.). Стихи переведены на английский, хинди и русский языки. Живет в Ташкенте.

Мой мир...

**Хосият
РУСТАМОВА**

Родилась в 1971 г. в Наманганской области. В 1993 г. окончила Ташкентский госуниверситет, работала в периодической печати Узбекистана. Автор сборников «Дом на небесах» (1997), книг «Нажот» (2003) и «Ризо» (2004). В 2004 поэтесса была награждена медалью «Шухрат».

На голову надета меховая шапка –
Лесной король из-за нее убит.
И ради одного лишь полушубка
Погибло много маленьких крольчат.
У жизни на меня огромные расходы, -
Так может, мне быстрее постареть?
На шею я надела драгоценный шарф
На память от речных русалок.
Блестит камнями дорогая сумка,
У сердца – жемчуг, отнятый у моря.
И в сапогах из кожи крокодила
Я гордо отмеряю шаг.
Так потакая ежедневному капризу
И страсти к роскоши красивой,
Живые души предаются смерти
Во имя нашей прихоти.

Слезой смыть следы грусти с глаз,
Хотелось выплакаться мне.
И можешь ли ты рассказать
И можешь ли напомнить
Что за вино я выпила в тот раз?
Ведь сколько б грусть слезой я не смывала,
Я в этот скорбный белый цвет одета снова
И если б не кружилась голова и не была пьяна,
Едва бы на этом свете выдержала я.

Хожу целый день в сомнениях
И в полном недоумении:
Птичка просит то, чего я не имею,
И приводит в большое смущение –
Жалобно смотрит из клетки.
Я даю ей крошки, зерно и воду,
Даю ей все, что имею,
Но не могу дать свободу...

Новые имена

Блюз для двоих

Рассказ

*«Вечно молодой, вечно пьяный».
(Группа «Смысловые Галлюцинации»)*

Я пишу о тебе эти строки, а тебя нет уже пять лет! Целых пять лет я пила, ела, работала, любила, ходила в кино, в театр, ездила отдыхать, встречалась с друзьями, а тебя уже не было.

Мой сын звонил тебе домой, твоя мама брала трубку и говорила, что ты уехал в другую страну. Я удивлялась, что не простился, что никогда никуда не собирался, и вот тебя не стало.

Мои стихи, посвященные тебе несколько лет назад, оказались пророческими:

Ты исчез из жизни моей, испарился и тебя не стало,
Ах, как же было хорошо, как это мало,
Две слезинки, как дождевики, выпали из глаз
И не будет, нет, не будет больше двое нас...

Мой сын устраивал выставки своих работ в галереях, участвовал в показах видеоарта, глазами я искала тебя в толпе и не находила. Я знала, что ты любил моего сына, что ты хотел иметь своего сына и просил меня об этом, но я считала тебя недостаточно надежным, недостаточно серьезным, слишком молодым, ведь ты был моложе меня на одиннадцать лет. Ты настолько сильно хотел иметь своего сына, что при встрече с друзьями представлял моего сына, как своего, но ваша разница в возрасте составляла тринадцать лет, и тебя с улыбкой спрашивали: «Ты что, родил его еще в школе?»

Впервые я увидела тебя в офисе полиграфической компании, куда пришла устраиваться на работу. Меня поразила твоя улыбка. Она шла из души, от сердца, отражалась в твоих светящихся глазах. Это было как наркотик, за который я цеплялась. Ты вселял в меня здоровую часть оптимизма, заставляя забывать о моих проблемах хотя бы на то время, когда появлялся, а появлялся ты всегда неожиданно, как и исчезал.

Я пишу о тебе, и на глаза у меня наворачиваются слезы о безвозвратно ушедшей любви, чувства, которое я тогда отгоняла, считая несерьезными и недолговечными наши отношения, но они продлились целых девять лет. Девять лет ты был в моей жизни то появляясь, то исчезая, целых девять лет я думала о тебе, ты был моей музой, для тебя я писала эти строки:

Не принимаю я тебя всерьез,
Ты из другого поколения,
Доводишь ты меня до слез,
При этом, не прося прощенья.
Залив бутылкою вина все горести и неудачи,
Стучишься темной ночью в дверь,
Где я тебя от всех упрячу.

**Татьяна
ЧЕРНЫШОВА**

Родилась в 1955 г. в Ташкенте. Работала в банковской системе.

Сотрудничала с московским издательством «Мир открыток». Живет в Ташкенте. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

И извергая хмель во тьму,
Расскажешь все, что наболело,
В надежде, что тебя пойму,
А я внимаю и сижу несмело,
Протянешь руку и моей коснешься,
А поутру я все прошу, когда проснешься.

Тебе льстило, что я посвящаю тебе стихи, и когда ты появлялся среди ночи, а я, глядя в дверной глазок, спрашивала: «Кто?», ты неизменно отвечал строчкой из моего стихотворения: «И извергая хмель во тьму».

Я знаю, что ты хранил все мои стихи, посвященные тебе, наверняка, они и сейчас лежат среди твоих бумаг. Не могла же твоя мама выбросить то, что было посвящено ее единственному, такому непутевому и бесшабашному сыну.

Тебя всегда тянуло на экстрим, ты не мог усидеть на одном месте, работу ты менял так же часто, как и женщин. Я не знаю, сколько их было за те девять лет нашего общения, но не сомневаюсь, что много. Были ли они мне соперницами, ведь ты неизменно возвращался ко мне.

Ты вернулся опять и я снова простила,
Так не раз и не два между нами уж было.
Кто уводит тебя, что влечет ко мне снова ?
Ты не любишь меня, я поспорить готова.
В чем заложен секрет наших встреч и разлук?
Подскажи мне ответ – это замкнутый круг!

Я не знаю, что тебя привлекало во мне, мой ум или житейская мудрость, или тепло, которого тебе не хватало дома? Ты восхищался моими доверительными отношениями с сыном, тебя удивляло то, что я не наказывала его за двойки по математике, т.к. знала, что точные науки – не его призвание, зачем мучиться и страдать, как это делала когда-то я, учась в школе, из-за того, что тебе никогда не понадобится в жизни.

Ты говорил, что твоя мама заставляла тебя переписывать домашнее задание по несколько раз из-за малейших помарок. Я-то знаю, как одинокая женщина по причине своих неудач в личной жизни может выплескивать свое раздражение на собственного ребенка, а на кого же еще, кто будет это терпеть, и я старалась избегать подобных отношений со своим сыном.

Ты учился в спортивной спецшколе, занимался плаванием во Дворце водного спорта, а после окончания школы уговорил маму купить тебе мотоцикл, лучше бы она тебе отказала, и ты не попадал в бесчисленные аварии, нанося непоправимый вред своему здоровью.

Тебя без труда можно было найти в кафе «Теремок», куда ты заглядывал при первой возможности, когда в твоих карманах шелестели немногочисленные купюры.

Но я никогда тебя не разыскивала. Не в моем характере, да и было бы это бесполезно. Ты рассказывал, как твоя мама разыскивала отца, возвращая его домой, но это было ненадолго и только в конце своей жизни он вернулся в родное гнездо.

Боже, как ты на него похож!

Но не спорт был твоим призванием, твои изнеженные, ухоженные, холеные руки, не знавшие физического труда, выдавали в тебе художника, и я попала на эту удочку.

Я не умела рисовать, не хватало таланта и фантазии. В детстве на уроках рисования, а впоследствии, когда у меня появился сын и просил нарисовать что-нибудь, у меня выходил один и тот же рисунок – это был домик с трубой, обнесенный частоколом, из трубы валил дым, вокруг дома росла трава и распускались многочисленные цветы под лучами яркого солнца. Интересно, что означает сей рисунок с психологической точки зрения.

Так устроен человек, ему хочется иметь то, чего нет, заниматься тем, чего не умеет, или найти того, кто умеет это делать.

Мой бывший муж был художником, но отношения не сложились, и я мечтала, чтобы мой ребенок стал художником.

Меня привлекали творческие люди, я жаждала окунуться в их среду, но не представляла, как им сложно жить. Постоянные поиски своего «Я», нереализованные проекты, нервные срывы, уход в себя, затянувшиеся депрессии – это подводные камни красивого и могущественного белого айсберга.

В новое время у эзотериков, уфологов, психологов, сексопатологов, людей, занима-

ющихся нетрадиционной медициной, впервые появилась возможность публиковать свои труды. Как правило, это были тонкие книжки в мягком переплете, напечатанные на желтой бумаге. Выпускались они небольшими тиражами, но поскольку подобная литература оказалась интересной, она хорошо раскупалась. В твои обязанности входила разработка логотипов, оформление визиток и иллюстраций к этим книгам.

Офис располагался в центре города в небольшом полуподвальном помещении. Обшарпанные, закупленные по бросовым ценам столы и стулья стояли плотно друг к другу, шкафы ломались от книг. Между столами оставались узкие проходы, за одним из столов, не имея своего кабинета, сидел директор компании, немолодой сухопарый седовласый еврей по фамилии Штерн, который долго и нудно рассказывал мне о моих обязанностях, я должна была заниматься распространением выпускаемой литературы. Размер моей зарплаты зависел от количества реализованной продукции. Но поскольку я привыкла к стабильной зарплате, и мой мозг не успел перестроиться на новые реалии, а слово распространять у меня ассоциируется со словом навязывать, то поняла, что предлагаемые условия не для меня.

На дворе стоял февраль. В подвале была ужасная духота, и я не чаяла вырваться наружу, где ты и поджидал меня с сигаретой в руке. Ты предложил мне закурить, и я взяла сигарету. Так состоялось наше знакомство.

Я почувствовала, что небезразлична тебе, женщина всегда это чувствует. Ты не хотел меня отпускать, задавая новые и новые вопросы, а я не торопилась уходить, отвечая на них.

Мои волосы напоминают львиную гриву. Ты сказал: «Сколько кисточек можно сделать из твоих волос!» Произнести такое мог только художник. Разговорились.

Твоим кумиром был Сальвадор Дали, ты изучил его биографию, знал все его работы, подражал манере его письма.

Я не разбиралась в сюрреализме, мне как дилетанту был понятен академический стиль. А мой сын, в свою очередь, стал подражать твоей манере письма, что мне не особенно нравилось. Поскольку сыну не хватало отцовского внимания, и разница в возрасте у вас была не большая, а также вас объединяла страсть к рисованию, вы тянулись друг к другу.

В моей однокомнатной квартире было мало места, и когда сын засыпал, мы, плотно закрыв дверь в комнату, располагались на кухне. Мы любили друг друга под пение Патрисии Каас, она была третьей в нашей компании. Блюзы в ее исполнении как нельзя лучше подходили под наше настроение. Это была единственная кассета, которую мы слушали не уставая.

Я не помню, о чем мы болтали ночи напролет, да и какая разница, главное, что нас тянуло друг к другу, и было безумно хорошо.

Однажды ты принес свою работу, на которой на фоне окна изображена задумчивая женщина, в ней я узнала себя.

А помнишь, как в канун моего дня рождения ты пришел необычайно возбужденный, держа в руках обернутую в бумагу картину. Твои глаза светились, улыбка не сходила с лица. Когда бумага была снята, перед моим взором, на красном фоне предстали фигуры мужчины и женщины, исполненные маслом в стиле «ню». Они напоминали Адама и Еву в раю.

Первой мыслью было спрятать ее куда подальше, чтобы мой сын не увидел, он бы не понял, а я не нашлась бы что ответить на его вопросы. Поэтому сначала убрала ее, а позднее уничтожила.

Сейчас мне стыдно в этом признаться. Но если картина исчезла на физическом уровне, то в моей памяти она жива. Я помню все ее детали – это было твоим признанием в любви.

Сейчас мой сын рисует куда похлеще, снискал славу «арт-хулигана», но это сейчас, а тогда...

Недавно видела тебя во сне, ты разглядывал работы моего сына, и они тебе не понравились, тебя возмутила тематика его картин.

Первая фаза любви называется «эрос» (греч.) – страсть, вторая «филос» (греч.) – дружба, а в третьей фазе люди расстаются. Мы плавно переходили из одной фазы в другую.

Когда мы с сыном уезжали в отпуск, и я попросила тебя проводить нас, ты не явился. Когда мы переезжали в другую квартиру, я просила тебя помочь с переездом, ты не пришел.

Ты исчезал всякий раз, как только возникали проблемы. Ты их не преодолевал, ты обходил их стороной. Ты становился старше, хладнокровней, циничней.

После очередного хамского поступка ты уговаривал меня не говорить об этом моему

сыну, боясь потерять свой авторитет в его глазах.

Я просала тебе все до тех пор, пока мои чувства к тебе не остыли.

Невысокого роста, ты не производил впечатления маленького мужчины. Зачесанные назад каштановые волосы плавно извиваясь, касались плеч. Карие глаза с длинными как у ребенка, ресницами никогда не унывающего человека. Несколько курносый нос придавал мягкость твоему выражению лица, и в целом оно выглядело добродушным.

Черная рубашка, длинное черное пальто, белый шарф. Ты придавал большое значение своей внешности и тратил на это немало времени.

Каким-то непонятным образом тебе досталось подвальное помещение в жилом доме и тебе даже удалось договориться с жилищной конторой о его использовании в качестве мастерской

Я ни разу там не была, но догадывалась, что мастерская используется и по другому назначению. Однажды ты решил устроить там выставку своих работ и попросил стихи моего сочинения. Ты хотел, чтобы твои картины сопровождалась моими стихами, но наши с тобой отношения в тот период были не самыми лучшими, и я отказала тебе в достаточно грубой форме. Я думаю, ты знал, что заслуживаешь такого отношения к себе. Своим отказом я дала тебе понять, что наши отношения исчерпаны.

Ты выждал какое-то время и после очередной попойки явился. Но на этот раз я не впустила тебя – надоело. Ты не успокоился, долго звонил в дверь, затем спустился вниз и начал кричать на весь дом, звать меня по имени. В темноте оно звучало непривычно громко, отражаясь эхом на всех этажах. В конце концов, соседи не выдержали и пригрозили вызвать милицию, после чего ты ушел.

Мы не встречались около года. Зимой я сильно простудилась и лежала с высокой температурой. Раздался звонок в дверь – это был ты. Я не вставала с кровати. Ты присел на колени перед кроватью, взял мою руку своими теплыми и такими родными руками, долго сжимал, как бы говоря, как мы долго не виделись и как мы дороги друг другу, затем поцеловал ее. Это было так символично! Мне почему-то вспомнилось, как однажды ты сказал, что помнишь каждую родинку на моем теле.

В тот день ты сообщил мне, что неделю назад умер твой папа. Ты пригласил нас на девять дней, но я не пошла, я была не в состоянии пойти.

Прошло полтора года. Стоял май месяц. Май это, конечно, не июль, но было достаточно жарко. Я решила навестить могилу своей тети, а в попутчики взяла своего нового знакомого. Ты шел мне навстречу, разморенный палящим солнцем и очередной дозой спиртного. Это было видно издали по твоей неспешной походке. Немного поодаль шла твоя мама. Мое сердце учащенно забилось.

Ты похудел и выглядел уставшим. На осунувшемся лице потухший взгляд карих глаз. Ты страдал близорукостью, но категорически отказывался носить очки. Если бы я тебя не окликнула, ты бы меня не заметил. Не скрою, мне хотелось показать тебе моего нового спутника и на эти пять минут, которые длилась наша последняя встреча, возродить в тебе воспоминания, заставить ревновать. Мною двигали стержность и желание отомстить тебе.

Не знаю, удалось ли мне это, но увидев меня, ты моментально встрепенулся, глаза загорелись, и я узнала тебя того, прежнего.

Возвращаясь с кладбища, ты показал мне на три молодые высокие тополя, растущих плотно друг к другу – место, где покоился твой папа. Ты так возбужденно и старательно рассказывал как лучше, по какой дорожке подойти к тому месту, как будто заранее знал, что через пять лет мне придется разыскивать это место, твою могилу. Наша встреча была роковой!

Прошло пять лет. Наступил День твоего рождения. Это был юбилейный год, тебе должно было исполниться 45 лет! Мой сын снова позвонил твоей маме и сказал, что хочет поздравить тебя с Днем рождения, спросил, не вернулся ли ты из поездки и просил передать, что любит тебя и желает всяческих благ.

Наконец, твоя мама призналась, что тебя уже пять лет нет! Я не берусь винить ее, поскольку это трудно произнести вслух, все равно, что пережить твой уход заново.

Теперь я знаю, что это случилось спустя месяц после нашей последней встречи. Твоя мама сказала, что ты сидел в кресле у телевизора и оторвавшийся тромб перекрыл артерию.

Три тополя, на которые ты мне показывал в последнюю встречу, я увидела издали, они шумели зеленой кроной, как бы подсказывая, где найти тебя.

Нет, ты не умер, ты просто уехал в другую страну, как сказала твоя мама.

Двенадцать сыновей Земли и Года

Дары Солнца: Любовь, Сказки и Краски

Как-то Время Солнцем удивило,
возлюбило алое весь Божий мир:
и ласкало, грело, чтобы не остыл, –
беспредельна щедрость у Светила.

Суженой, Земле, Любовь спустило,
Году – сказок ворох – с Неба эликсир –
хватит на века, для них ориентир, –
чтоб дарили, меж собой делили.

Феи-панно принесли им краски,
С радуги достали их заморской:
– Ими вы раскрасите все сказки.

Краски эти – веселы, учтивы –
дети Солнца – мир чтоб стал не жестким –
сотворило огненное диво.

Первенец Март

Сотворило огненное диво
Сонмы волн усердные, тугие,
чтоб снегов оплот и льды глухие
обратить смогли к Весне в разливы.

Первенец, сын Март, взял прутик ивы,
райских песен струны золотые,
Солнца стрелы – лучики лихие –
натянул он Лук нетерпеливо.

Точат тверди льдов те стрелы быстро –
и капель вокруг – как песнь Авесты.
Пляшут на снегах златые искры.

В путь ручьи зовут, текут игриво.
Сказку Март нашел – свою невесту.
Звуки яркого плывут мотива...

Мария ДАР

(Тамара Васильева)

Родилась в 1945 г.

Окончила

филологический
факультет

Саратовского
университета. Живет

в Ташкенте. Автор

сборника стихов

«Солнечный край»

(2001 г.). Многие

годы руководила

литературно-

творческим

объединением

«Данко». В «Звезде

Востока» публикуется

впервые.

Лик Августа

Ждет Любви желанной, лебединой
Каждая былинка, листик, существо,
сами исторгают это вещество –
в красных ягодах горит рубинно.

Август фея крестит у рябины,
дарит силу молодцу и волшебство.
Впереди победы лик и торжество.
Вскроет недра он, морей глубины.

Дозревают все плоды и зерна.
Перелив цветов разбудит чувства –
Лето было добрым, плодотворным.

Красок зов в закатных сказках Ярилы:
Время для Земли давно не пусто –
Год, земной и молодой, явило.

Король золотого цвета

Нет уже во времени рутины.
Каравеллы Осень дарит Октябрю,
Шлейфы парусов и флаги – королю –
дни, недели солнечной путины.

В этом золоте свои причины –
сутками для нас Октябрь творит зарю –
тайну тихую, мечту я в ней узрю,
вехи – знаковые величины!

Буйство охры, яркий праздник цвета
Оптимизм вливают в душу, в сердце.
Сгусток собран красок Лета –

Мир для всех земель обетованный.
В памяти возник весенним скерцо
Март-красавец, первенец желанный.

Сказки Декабря

В четкий срок подарит Году сына,
время зимних братьев на подходе,
Рождены в метельном хороводе...
Вот Декабрь – белейшая детина.

Мир украсит снежную лавиной,
Невидимкой в царстве этом бродит –
белый цвет в сезоне зимнем моден,
серебром блестит в прозрачных льдинах.

Лики красоты, суровость ласки:
маски треснут – а для чуткого добра
всюду притаились Божьи сказки.

Караулят землю снежной ратью
все леса – их мошь и дух охранный, –
друг за другом – все двенадцать братьев.

Февраль осиянный

Окрестили сразу феи-панно
Веру, Силу, Честь, Любовь, Служенье,
Труд упорный, Мужество, Горенье –
Дух наполнят – для Него осанна.

И свершилась, наконец-то, данность:
жертвы, ложные пути, сомненья –
позади. Итог земной – творенье:
Февраля явленье – осиянность!

Переходное к Весне начало:
снега тонны, льды на молодых плечах –
в окно к нам пургой лихой стучали,

то повсюду шелк, парча на платья.
Месяцы Зимы – был кров на Небесах –
Покорили волшебством и статью.

Юлия ГАРМАШ

Родилась в 1987 г. в Сырдарье. Окончила Ташкентский государственный педагогический Университет имени Низами и Ташкентскую Духовную семинарию. В настоящее время преподает русский язык и литературу в Ташкентской Духовной семинарии. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Осознаю, что я – Венец творенья...

Осенние листья в безмолвии пыльном лежат
Дорога на запад становится солнечно-мглистой
Настанет черед – и вишнево-березовый сад
Сольется в прощаньи с дождинкой последней, чистой.

Я помню как сон эти светлые дни октября
И запах травы, по-прощальному желтый и чуткий
Так нехотя сдвинутся стрелки часов на минутку –
Не видно дороги – уходит она от меня.

В лесную печаль забреду, любопытство тая
И россыпью листьев душа наполняется снова.
Дорога пуста. В этот путь я пуститься готова,
Но нет озарений, уходит она от меня.

Стою под дождем опадающих золотом звезд
Во мгле исчезает прощальное теплое слово.
Уходит дорога. Ответ же задумчиво-прост.
К такому пути, я, наверно, еще не готова.

Осеннее

Под этот тягостный мотив
Моя душа забилась в угол,
Ведь ей удобнее оттуда
Смотреть на мир, стенанья скрыв.

Мне этот тягостный мотив
Напомнил Вечное Начало
И те стихи, что я читала,
В бессилье веки опустив.

И в бледном росчерке пера
Мне открывался мир поэта
И в грусти столько было света,
И скрипка пела до утра.

Душа, забытая в углу,
Под звуки мирно засыпала.
С победой Вечного Начала
И солнце победило мглу.

Ни звука из моей души, ни пенья –
Порочным чувствам чужда благодать.
Осознаю, что я – венец творенья,
Но не могу ни строчки написать.

Я погибаю в сумерках сомненья.
Вокруг меня и светел мир, и чист.
Осознаю, что я – венец творенья,
И не пишу. Передо мною белый лист.

Еще очень темно, а я знаю, что утро настало,
Мое первое утро среди монастырской тиши.
Через годы скитаний моей напряженной души
Этот миг предрассветный – всей жизни лишь только начало.

Еще очень темно, а душа так и рвется ко храму –
Перед каждой иконой поклоны земные творить.
Говорят, что до птиц, что щебечут за окнами рано,
Имя Бога-Творца начинают монахи хвалить.

Еще очень темно, я давно в предвкушенье рассвета –
В этот миг в целом мире как будто бы нет и души.
Начинается жизнь. Долгожданное утро, и это –
Мое первое утро среди монастырской тиши.

О, мудрый маг! Ну, где твоя победа?
Твой взгляд суров, безумье велико.
Ты думаешь, мне было так легко
Узнать, что я в твой мир впускаю беды?

Душа молчит уже который век
Так обрати мой взор к движенью света!
Не оставляй меня без тени этой,
Останови секундных стрелок бег!

Мой милый маг! Мы, кажется, зависли
В пространстве между небом и землей.
Я знаю, ты возьмешь меня с собой.
Я научилась. Я читаю мысли.

А вокруг-то все ненастоящее,
В серой, дымной, прогорклой золе.
Ну а счастье земное, надрывно – болящее
Беспредельно МОЕ существует на этой
Покрытой грехами земле?

Я смогу через тысячу бед воплотиться в сиянье,
На распахнутом небе свою зажигая звезду.
Через тысячу снов я до Бога, быть может, дойду –
У поэта нет страха такое постичь расстояние.

Я смогу через тысячу лет воплотиться на небе
И негаснушим пламенем имя свое написать,
И при этом смогу загадать то желанье, что мне бы,
Воплотившись в поэта, душою вернуться опять,

Чтобы снова, предавшись тоске, излучая сиянье,
Одинокую странницей в путь отправляясь опять,
Этой долгой дороге мгновения жизни отдать –
У поэта нет страха такое постичь расстояние.

Последний момент

Я в последний момент ухвачусь за рукав: «Подожди!»
И я этим, быть может, ослаблю трещавшую нить.
И пускай за пределами храма Господня – дожди,
Ведь пришла я сегодня с тобой говорить, говорить...

Я в последний момент подниму вопрошающе взгляд
И я этим, наверно, тебя сберегу от беды.
Вот душа надломилась, почуяв поруганный ад –
Ты увидел болезнь, но лечил ее, в общем, не ты.

И в последний момент ты вдруг понял – со мною беда,
Что меня, как скульптуру, уведят на мой постамент.
Я останусь печатью на сердце твоём навсегда.
Ты в последний момент это понял. В последний момент.

Эта едкая соль на губах...
Мне плеснули в лицо полстакана холодной воды.
В моих вещих, потерянных снах
Я почувствую горечь от чьей-то далекой мольбы.

Но не внемлю я этой мольбе,
Мое сердце не дрогнет при стоне усталой души.
Я всегда подчинялась судьбе,
А теперь я прошу, ты навстречу ко мне не спеши.

Все рассыпалось медленно в прах.
То изъедено прошлым, что ты не успел завершить.
Эта едкая соль на губах...
Хорошо, что тебя не придется мне больше любить.

Старик

Ко мне пришел старик седой и властный
И указал рукой на тень мою,
Я обернулась – сразу стало ясно,
Что я теперь в неведомом краю.

И тишина звенела, и молчаньем
Окутан мир был в этот светлый миг.
Не дав мне насладиться расставаньем,
На тень мою мне указал старик.

Я обернулась – и ни капли страха,
И словно рай забрезжил вдруг рассвет.
Частички сна, рассыпанного праха.
А где же тень? – А тени больше нет.

**Камила
ХИКМАТУЛЛАЕВА**

Родилась в 1985 г. в Ташкенте. В 2006 г. окончила Ташкентский государственный технический университет. Работает там же преподавателем кафедры дизайна. Имеет 15 публикаций в научных сборниках. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Художественное оформление Ташкентского метрополитена

XX век внес в сокровищницу архитектуры Узбекистана немало блестящих и интересных памятников. Одним из наиболее значимых творений прошлого столетия можно назвать Ташкентский метрополитен, являющийся законной гордостью нашей страны, снискавший славу одного из самых красивых в мире. За весь период существования метро мы привыкли к нему, но став уже будничным транспортом, оно не теряет своей былой репутации «чуда» – чудо искусства, «подземное чудо Ташкента».¹

В проектировании станций Ташкентского метрополитена участвовали знаменитые архитекторы, художники-монументалисты, скульпторы, которые старались придать каждой станции неповторимый архитектурно-художественный образ. Создание подземных дворцов в столице проходило под руководством специалистов и архитекторов Ташметропроекта. За лучшие решения в различные годы архитекторы Ф. Музаффарова, А. Адылова, Я. Мансуров, А. Табибов, Р. Файзуллаев, В. Махмудов, С. Казимов и другие были удостоены высоких наград и грамот города, республики, Союза архитекторов Узбекистана, Министерства транспортного строительства; архитекторы Я. Мансуров, А. Табибов, О. Айдинова, Р. Файзуллаев были награждены Государственными премиями. Результаты их работы, которую мы видим ежедневно, говорят сами за себя. Архитектурное и художественное оформление каждой станции свидетельствуют о том, что люди, стоявшие у истоков строительства метро, несмотря на то, что строительство началось в сложное для нашей страны время – время восстановления Ташкента после разрушительного землетрясения 1966 года, сумели создать истинные произведения искусств. При оформлении станций метрополитена особое внимание уделялось поиску оригинальных художественных решений с учетом особенностей национальной архитектуры. Чувствуется тесная связь социальной и художественной роли метро в жизни Ташкента с его транспортной функцией. Метро возникло как необходимость и основная его функция – это решение транспортной проблемы в столице, разгрузка переполненных автодорог в нашем густонаселенном городе. Провозоспособность трех линий Ташкентского метрополитена рассчитана на 1 млн. 300 тыс. пассажиров в сутки, или 474,5 млн. пассажиров в год. Одновременно метро являет-

¹Ш. Шоабдурахимов. Подземное чудо Ташкента. Т. 1997, с 1

ся сложным историко-культурным комплексом и неотъемлемой частью архитектуры не только города, но и всей страны. Наличие возрастающего количества станций метро и разнообразие использованных художественных и архитектурных стилей заставляет широко и многогранно изучать «мир метро» как отдельную тему в искусстве архитектуры и строительства Республики.

При проектировании каждой станции метро учитывались не только потребности в подземном транспорте, но и сейсмические, геодезические особенности, начиная с инженерно-геологических и гидрогеологических работ, кончая дизайном и художественным оформлением, что является сложнейшим технологическим и трудоемким процессом. Но все эти этапы кропотливой работы остаются незаметными для ежедневных пользователей метрополитеном, и лишь декоративное оформление и дизайн привлекают взор и дарят эстетическое наслаждение.

Дизайн и художественное решение каждой станции – это широкое и многообразное понятие, оно тематически обусловлено названием станции. Большое влияние на архитектурно-художественный облик станций оказывает и место расположения, связанное с какими-либо историческим событием, личностью, или расположением крупных промышленных комплексов. Каждая станция отличается своей образно-выразительной индивидуальностью. Ни одна из станций не повторяет другую. Подлинный синтез архитектуры, монументального искусства, дизайна и эстетики способствовал достижению высокого уровня художественности в оформлении ряда станций таких, как: «Алишер Навои», «Космонавтлар», «Пушкин», «Мустакиллик майдони», «Хамид Алимджан», «Айбек». Эти станции отличаются удивительной красотой, неповторимостью образов, национальным колоритом, красотой архитектурных композиций. В их оформлении искусно сочетается качественная работа инженеров, профессиональная точность архитекторов, вдохновение художников и смелые творческие решения дизайнеров. Использование большого разнообразия отделочных материалов: мрамор, гранит, прессованное стекло и применение различных видов национальной традиционной отделки: росписи, резьба по ганчу и художественной керамики – все это придает неповторимую самобытность и оригинальность, свойственные каждой отдельной станции. Особой и неповторимой красотой, воплощающей национальные архитектурно-художественные традиции, отличается станция метро «Алишер Навои». Украшенный керамикой арочно-купольный свод делает уникальной эту станцию, ассоциируясь с монументальными памятниками средневекового зодчества. Станция была открыта в декабре 1984 года. Это строение колонного типа с подземным и наземным вестибюлем находится на перекрестке проспекта Навои и улицы Абая, около литературного музея имени Навои. Станция названа в честь выдающегося поэта Востока, философа суфийского направления, государственного деятеля тимуридского Хорассана – Алишера Навои. Напомним, что творчество Навои дало мощный толчок развитию литературы на тюркских языках, в особенности чагатайской и воспринявшей ее традиции узбекской литературы.

Архитектором станции является Я. Мансуров, инженером А. Зокиров. Интерьер станции украшен орнаментальным декором «гирих» и «ислими», выполненным художниками Р.Мухамаджоновым и А.Рахимовым. Карнизы и токи украшены традиционным национальным орнаментом, выполненным мастером И.Шермухамедовым. Стены зала украшают панно на сюжеты знаменитого произведения Навои – «Хамса» («Пятерица») и барельеф Навои художников Ч.Ахмарова и И.Каюмова, мастеров по гипсу А.Аминова и У.Маматбоева, скульптора А.Шаймурадова. Потолки на станции красочно подсвечены. В этих монументально-декоративных композициях создан зрительный эквивалент поэтических произведений великого узбекского поэта, а сама станция стала своеобразным памятником основоположнику узбекского литературного языка. Купольный свод станции поддерживают величественные колонны, отделанные белым мрамором. Керамическое воплощение сюжетов произведений великих классиков можно встретить на станциях «Ташкент», «Айбек», «Абдулла Кадыри».

Совершенно иной стиль станции «Космонавтар». Станция имеет многоколонный зал и два вестибюля, соединенных подземным переходом. Архитектурно-художественное оформление станции посвящено теме космоса. Интерьер зала украшен медальонами из художественной керамики с изображением великого астронома Мирзо Улугбека, легендарного Икара, первого космонавта Ю.Гагарина, других освоителей космоса (художник В.Ган). Потолок зала украшен звездами из литого стекла, выложенными в виде Млечного пути. Округлые колонны зала облицованы литым стеклом. Интерьер вестибюлей облицован металлом, украшен зеркалами, гранитом и мрамором, материалы соответствуют теме космонавтики, оформителям станции удалось создать атмосферу космического корабля, которая отличается неординарностью и неповторимостью.

Несмотря на то, что все станции метро выполнены с учетом национальных традиций, национального колорита, в решении отдельных станций использован классический европейский стиль ретро. Такова станция «Пушкин». Станция отличается строгостью и особым изяществом, что достигнуто кессонированным потолком, четким рядом колонн, на которых укреплены оригинальные светильники, похожие на свечи в бронзовых канделябрах. Романтический образ, созданный на перроне, дополняется геральдическими рельефами на лобных стенках, изображающими Музу и Славу, которые окружают бронзовый профиль А.С. Пушкина.

Создателей знаменитых произведений искусства: картин, скульптур, поэм, романов мы знаем с детства и восхищаемся их творениями. К сожалению, имена создателей станций метрополитена, архитекторов и дизайнеров зачастую неизвестны и теряются в будничном пассажиропотоке Ташкентского метро.

А между тем, «ежедневное общение с вечными образами, созданными ими, с изваянной руками архитекторов, строителей, скульпторов, народных мастеров красотой придают, поэзию даже рядовой поездке на работу и заставляет ташкентцев соответствовать своему великолепному метрополитену».¹

¹Ш.Шоабдурахимов. Подземное чудо Ташкента. Т. 1997, с 18

Храбрый Ван Лао и мудрый Шеньсянь

Китайская сказка

В давние времена, когда наших прапрапра бабушек и прапрапра дедушек еще и на свете не было, стояла на берегу прозрачной и быстрой реки Лицзян небольшая деревня. Окружали ее невысокие островерхие горы, во множестве поставленные творцом всего сухого отдельно одна от другой на плоской равнине, от подножий до самых вершин поросшие кудрявым и непроходимым лесом, они сияли изумрудной зеленью и, куда ни посмотри, уходили вдаль, теряясь в синеве безграничного небосвода.

Вокруг деревни расстилались возделанные поля, то здесь, то там виднелись густые заросли бамбука, в речных затонах покачивались на мелкой волне широкие листья и вот-вот готовые распуститься бутоны лотоса. По берегу бродили длинноногие цапли и аисты, воздух наполняло пение птиц и гудение хлопотливых пчел.

На краю деревни, где днем любили играть местные ребятишки, а по вечерам собирались на сходки взрослые, росло заповедное дерево магнолия с крупными, ароматными, белыми, как летнее облако, цветами.

В тот день, с чего, собственно, и начинается наш рассказ, в деревне шли приготовления к свадьбе. Прекрасная Чжу Интай должна была выйти замуж за всеми уважаемого в деревне храбреца Ван Лао.

Под магнолией уже были расставлены невысокие легкие столы, на них выставялась блюда с угощением. Матушка невесты говорила матушке жениха:

– Посмотрите, дорогая сватья, какие пышные тямбины у меня получились! Никогда еще, сколько живу, такой красоты не пекла. Кукурузную муку взяла самую желтую, молоко взяла самое жирное, сама пахтала масло, огонь разожгла жаркий...

– Полно сватья, – отвечала матушка жениха, – ваши тямбины всегда хороши. Никак не могу разгадать секрет. Но я тоже не сидела без работы. Такие красивые бобины у меня еще никогда не получались. Положила отборный изюм, орешки поджарила, сушеный абрикос распарила...

Набежали толпой девушки, приняли из рук и той, и другой блюда, стали хором хвалить выпечку. Ай-я, какие тямбины! Ай-я, какие красивые бобины! Один к одному, один к одному! Такие блины и прянички разве что у самых богатых людей бывают! Унесли и все расставили на столах.

Пришло время нести еду для предков, зажигать курения. Зажгли обе сватки ароматные палочки, разместили их перед статуэтками деревенских божков.

– Это тебе, Бог удачи, – приговаривала матушка невесты, – Пошли ее нашим детям, пусть они никогда не познают жестоких ударов судьбы, пусть не знают ни горя, ни слез.

– Это тебе, Бог счастья, – вторила матушка жениха, – пошли его нашим детям. Пусть всегда будет в их доме достаток. Пусть их труды никогда не пропадут даром. Да не коснется их ни колдовство, ни людская злоба.

**Ариадна
ВАСИЛЬЕВА**

Родилась 1942 г.

в Париже. В

1967 г. окончила

филологический

факультет

Ташкентского

госуниверситета.

Работала учителем

русского языка

и литературы,

журналистом,

помощником главного

режиссера по

литературной части

Ташкентского ТЮЗа.

Автор романов,

рассказов, пьес,

сказок.

Разложили они вкусную еду на красивых фарфоровых блюдах. «Это вам, дорогие предки! Храните очаг наших детей. Берегите их имущество от дурного глаза, не позволяйте им быть расточительными». Еще раз сложили они руки, смиренно поклонились божкам и отправились к магнолии, где уже были накрыты столы, и собирались первые гости. По пути сватья напомнили, что жених и невеста сначала должны поклониться предкам, а уже потом друг другу. Молодые вечно все забывают.

Стали гости церемонно здороваться, кланяться, поздравлять.

– Примите наши поздравления!

– Примите наши пожелания счастья!

Кто говорил, что время для свадьбы выбрано очень подходящее. И жары нет, и холодом до костей не пронизывает. Ветра нет, ярко горят фонарики жениха и невесты, и как будто специально для праздника в синем безоблачном небе сияет ласковое солнце. Кто-то просил обратить внимание на пышно цветущие в садах хризантемы.

– Да что хризантемы, вы посмотрите, какова река Лицзян. Вода в ней сегодня, просто удивление, прозрачна будто стекло.

Кто-то говорил о танце невесты. По всей округе идет о ней слава, всем известно, какая искусная танцовщица Чжу Ин-тай.

Один из гостей закивал головой:

– Верно, верно, отличная плясунья! Я сам видел, как она танцевала на свадьбе семейства Чень.

Матушка невесты отмахивалась, просила не захваливать ее дочь, девушку украшает скромность.

Долго они могли обмениваться любезностями, качать головами, но пришла древняя старушка, главная распорядительница на всех деревенских свадьбах. Поклонились ей матери жениха и невесты, поклонились все остальные гости.

– Все ли готово к свадьбе, доченьки?

Ей ответили: «Все готово».

– Сколько блюд на свадебном столе, доченьки?

Ей ответили: «Десять и еще восемь».

– Хорошо, – сказала старушка, – десять и еще восемь блюд на столе – это славное угощение. Усадите гостей так, чтобы никому не было обидно. Особый почет проявите старым людям.

Но что это? Внезапно подул сильный ветер, качнул ветви старой магнолии, сбросил на землю несколько цветков; пыль на дороге взвилась столбом. Гости всполошились. Неужели пойдет дождь и испортит праздник!

Порыв ветра пронесся, и все бы обрадовались, не случись большая беда. Замигал и погас фонарик невесты. Гости стали шептаться, – плохая примета. Не к добру, если еще до начала праздника вдруг погаснет фонарик. Что будет? Что будет?

– И-и-и, – стала всех успокаивать распорядительница, – что вы, что вы, люди! Всем приметам верить – жить не захочется. Подумаешь, ветер задул огонек! Принесите скорей свечу, мы его снова зажжем.

Но зажечь фонарик они не успели. С громкими криками примчались босоногие ребята: «Несут! Несут паланкин невесты! Они уже на мосту!»

Со стороны деревни приблизилась процессия с женихом во главе. Мать невесты вышла вперед, приготовилась к встрече с Ван Лао.

– Добро пожаловать, дорогой зять, – ответила она на его поклон. Ей подали красивый изогнутый меч. По обычаю нашей семьи я приготовила для тебя подарок. Прими этот меч. Из поколения в поколение он переходит от отца к сыну. Не мне, слабой женщине, держать в руках боевое оружие. Но что делать? У Ин-тай нет отца, нет братьев. Ты, Ван Лао, теперь ее защитник. Возьми меч. Будь справедлив. Никогда не поднимай его против слабого и беззащитного человека.

И Ван Лао принял почетный дар, пообещал всегда стоять на защите семьи и помогать любому, кто попросит о помощи.

Четверо носильщиков принесли паланкин невесты, бережно опустили его на землю. С радостным лицом бросился к нему Ван Лао, но старушка-распорядительница преградила путь жениху.

– Какой прыткий! Соблюдай обычай, сынок. Первой встречает невесту свекровь.

Матушка жениха взяла в руки резную шкатулку с красивым ожерельем и трижды позвала:

– Ин-тай, Ин-тай, доченька, мы ждем тебя.

Но занавески не раздвинулись, из паланкина никто не вышел.

– Стесняется, – заулыбались гости.

Снова позвали Ин-тай, снова никто не откликнулся. Тогда старушка-распорядительница подошла и откинула занавеси.

Ужас! Ужас! О, ужас! Паланкин оказался пуст!

Что тут началось! Крики, плач, причитания. Ван Лао бросился к носильщикам, но те лишь недоуменно пожимали плечами и клялись, что видели собственными глазами, как невеста вошла и уселась на подушки в паланкине. Правда, один припомнил, вроде бы, когда они ступили на мост через реку Лицзян, паланкин стал немного легче.

– Похитили! Мою дочь похитили! – вскричала матушка невесты и упала без чувств.

Девушки и женщины стали хлопотать возле нее, а гости продолжали шептаться. Кто? Как? Похитили среди белого дня прямо из паланкина! Это горный орел! Нет, это злой дракон! Мать невесты очнулась, услышала последние слова, стала рвать на себе волосы.

– Горе мне! Злой дракон похитил мою дочь!

Ей вторила мать жениха:

– Горе всем нам!

Гости качали головами.

– Вот тебе и посмотрели, как танцует Ин-тай.

Вокруг стали говорить, будто это не первый случай похищения людей. Из соседней деревни, к примеру, без следа пропал искусный барабанщик. Такой мастер был! Как ударит по барабану, все поджилки трясутся. Кто припомнил об исчезнувшей без следа искусной вышивальщице.

– Вспомните, – говорил кто-то, – из деревни Личуджень ушли и не вернулись два брата, два воина. Больше их никто никогда не видел.

Говорили о пропавшей певице и известной красавице...

Не зря, не зря погас фонарик невесты, а зажечь его не успели. Старушка–распорядительница обратилась к несчастному жениху:

– Что молчишь, Ван Лао? На тебя вся надежда. Как думаешь поступить?

Не задумываясь ни минуты, Ван Лао ответил:

– Я отыщу Ин-тай! Где бы она ни была. Хоть на краю света. Я найду и убью дракона!

Но ему возразили. Как он сможет ее отыскать? Никто не знает, откуда пришла эта напасть. «Дракон! Дракон!» – это одни лишь догадки и слухи.

Мать невесты очнулась, но осталась сидеть на земле. Слезы ее иссыкли, взгляд потускнел. Она раскачивалась из стороны в сторону, волосы растрепались, спутанные пряди свисали по обеим сторонам белого, как мел, лица.

– Довольно, – заговорила старушка–распорядительница, – слезами горю не поможешь. Ван Лао, сынок, тебе не дракона надо искать. Далеко отсюда, в волшебном лесу, живет мудрый Шеньсянь по прозвищу Большие уши...

В толпе засмеялся какой-то мальчишка:

– Ха! «Большие уши»!

– А ты, мальчик, не смейся. Большие уши боги дают тому, кто мудрее всех, кто добрее всех, кто без труда может знать все, что делается на белом свете. Иди к Шеньсяню, Ван Лао, поклонись ему. Только он может научить тебя, как спасти Ин-тай.

– Но как я найду Шеньсяня, бабушка? – растерялся Ван Лао, – я не знаю к нему дороги.

Тогда старушка велела одной из девушек пойти к ней в дом, найти на комодě коробку, украшенную ракушками, и принести сюда. Девушка принесла коробку, старушка открыла ее и достала старинный свиток, сплошь исписанный иероглифами.

– Читай, сынок.

Ван Лао развернул свиток и стал читать: «Нелегка дорога к Шеньсяню. Лишь человек с храбрым и добрым сердцем может осилить ее. Ступив на этот путь, снаряди лодку, спусти ее на воды реки Лицзян и помни: плыть тебе вверх против течения до трех заповедных утесов. Как увидишь утес черного камня, к нему не причаливай. Как увидишь утес красного камня, плыви дальше. Выходи на берег, как увидишь утес белого камня.

Выйдешь на берег, подойди к утесу, поклонись сосне, что растет на его вершине. Прислушайся. Как услышишь вдалеке легкий топот, пэн-пэн-пэн, – не пугайся. Прибежит к тебе обезьяна. Ты спроси у нее, где живет Шеньсянь-Большие уши. Она не сразу покажет. Тебе предстоит трудное испытание. Выдержишь испытание, снова приди к утесу, снова поклонись старой сосне на его вершине. Как услышишь топот, дун-дун-дун, – не пугайся. Прибежит к тебе тигренок. Спроси, где живет Шеньсянь Большие уши. И все повторится, как в первый раз. Выдержишь второе испытание, больше к утесу не возвращайся. А какое третье испытание – этого не знает никто. Твое сердце само подскажет. Сделаешь все честь по чести, тебе откроется прямая дорога к Шеньсяню. И помни, кто не сумеет пройти первое испытание, тому к утесу во второй раз лучше не возвращаться».

Ван Лао прочитал все, что было написано, вернул бумагу старушке, подошел к матушке за благословением. Благословила его мать на великий подвиг, сказала на прощанье:

– Мои материнские слезы не в силах остановить тебя. Иди, сын мой, пусть сопутствует тебе удача. Возвращайся скорее назад вместе с прекрасной невестой.

Уже три дня плыл по реке Лицзян храбрый Ван Лао. Мерно погружал он длинные весла в прозрачные воды.

Прекрасны были берега реки Лицзян. По отмелям бродили аисты, хватали длинными красными клювами трепещущих серебряных рыбок. Плакучие ивы низко склоняли к воде тонкие ветви. Сквозь их легкую зеленую дымку виднелись то рисовые поля, то поля сахарного тростника; появлялись и скрывались за излучинами большие и малые деревни. Люди выходили из бамбуковых хижин, махали руками:

– Счастливого тебе пути, Ван Лао.

Оставалось лишь удивляться, как быстро полнится земля слухами.

Но скоро все изменилось. Горы стали сближаться, река повернула на север, и вскоре лодка Ван Лао вошла в глубокое и узкое ущелье. Теперь по обеим сторонам он видел лишь отвесные скалы. Изредка свешивались с них пучки трав, да виднелись растущие из каменных расщелин низкорослые сосны с искривленными стволами, с простертыми в пустоту ветвями.

Наконец показался утес черного камня, безжизненный и зловещий. Ван Лао, не останавливаясь, проплыл мимо него. Проплыл он и мимо красного утеса и увидел белый утес с одинокой старой сосной на его вершине.

Ван Лао выташил на песчаную отмель лодку, приблизился к утесу. Он трижды поклонился сосне и услышал вдали легкий топот. Пэн-пэн-пэн, бежал и прыгал по скалам кто-то ловкий и легкий, и через какое-то время Ван Лао увидел красивую обезьяну. Лицо ее обрамляли длинные бакенбарды, густая серая шерсть отливала зеленью, а на груди красовалось большое белое пятно в виде манишки. Не раздумывая, обезьяна спрыгнула с высокой скалы и устремила на пришельца любопытные глаза.

– Привет тебе, почтенная обезьяна! – поклонился Ван Лао.

– «Почтенная?» – захихикала обезьяна, – я еще слишком молода, чтобы меня называли «почтенной». Кто ты, вежливый юноша? Что ты делаешь в наших краях?

Обезьяна уселась, и приготовилась слушать. Ван Лао рассказал ей все обстоятельно, как кто-то похитил Ин-тай, а кто – неизвестно. Теперь, он, простой деревенский парень, ищет дорогу к Шеньсяню-Большие уши. Только он, сказали ему, может помочь в беде.

Обезьяна подумала и сказала:

– Путь к дому Шеньсяня не долог. Но и не короток. Чтобы попасть к Шеньсяню, нужно пройти через три испытания.

Ван Лао тут же согласился, и тогда обезьяна сказала:

– Добудь волшебный меч для Шеньсяня, Ван Лао! Но помни, добыть его не так просто. Он лежит за стеной огня, за высоким и жарким пламенем. Сможешь ли ты пожертвовать собой ради спасения прекрасной невесты? Впрочем, ты можешь отказаться от испытания и спокойно вернуться домой.

Но Ван Лао изъявил готовность идти за Ин-тай даже в огонь. Тогда обезьяна подобрала на берегу бамбуковую палку, и велела плыть назад, к утесу красного камня. Там выйти на берег, подойти к его южной стороне и ударить по камню палкой.

– Увидишь, что будет! – крикнула обезьяна и исчезла.

Быстрое течение принесло к скале лодку Ван Лао в считанные минуты. Ему даже не пришлось грести. Он вышел на берег, подошел к южной стороне красного утеса и ударил по нему бамбуковой палкой. Тут же взметнулась перед ним стена огня. Языки пламени, будто живые, старались достать до него, пламя гудело, наливалось нестерпимым жаром, и не было никакой возможности обойти эту стену. Юноше стало страшно сгореть заживо. Но с криком: «Ин-тай, я иду!» – он бросился вперед. Тут же огонь погас, а перед ним появился плоский, гладко отполированный красный камень. Ван Лао приблизился и увидел лежащий на нем прекрасный меч в ножнах искусной работы. Он взял его в руки, выташил из ножен и залюбовался остро отточенным клинком. Тот сверкал на солнце так, что глазам было больно. По нему пробегали отблески, будто огонь, сквозь который прошел Ван Лао, остался сиять на лезвии.

Неведомо откуда появилась обезьяна, с криком: «Ты настоящий храбрец, Ван Лао!» – выхватила у него из рук волшебный меч и стала карабкаться вверх по скале.

– Стой! Стой! – закричал Ван Лао, – куда мне теперь?

– Ступай назад к белому утесу! – прокричала обезьяна и скрылась.

Возвратился Ван Лао к белому утесу, вспомнил, что нужно снова поклониться старой сосне. Поклонился и услышал вдали топот. Дун-дун-дун бежал кто-то по скалам. Через какое-то время появился перед ним тигренок. Он был красив и грациозен. Рыжая шубка его лоснилась на солнце; полосы на мордочке, на спине и на мягких лапках были черны, как черна тушь в чернильнице художника по шелковой ткани. Грудь и живот покрывала белая, как созревший хлопок, шерстка.

– Не бойся меня, юноша, – сказал тигренок, – я не стану ни кусать, ни царапать тебя.

Для чего ты пришел в наши края?

Тигренок сел на песок и насторожил мягкие уши. Стал Ван Лао рассказывать тигренку, как похитили его невесту, как плыл он по реке, пока не приплыл к белому утесу, как обезьяна научила добыть для Шеньсяня-Большие уши волшебный меч.

– Добыл ли ты волшебный меч, Ван Лао? – спросил тигренок, и, услышав ответ, одобрительно фыркнул в усы. – Что ж, ты доказал свою храбрость. Теперь ступай назад к черному утесу. Найди его западную сторону, ударь по ней бамбуковой палкой и увидишь, что будет, и исчез тигренок.

Ван Лао спустил на воду лодку, поплыл вниз по течению к черному утесу. Там вышел на узкую отмель. Мрачной отвесной стеной возвышался над ним черный утес, несло от него холодом и сыростью. Ничего не росло в его мелких расселинах, не шибетали кругом птицы. Только ветер, налетая, гудел, как гудит, объявляя начало битвы, большая войсковая труба.

Ван Лао подошел к западной стороне утеса и ударил по нему бамбуковой палкой. Утес раскрылся, и стал выползать из темной расщелины огромный кольчатый змей. Ван Лао выхватил из ножен подаренный меч и вступил с ним в схватку.

Долго бились они. Змей сворачивался кольцами, вздымался на высоту утеса, грозил сверху разверстой пастью, падал на песок и бросался снова. Но Ван Лао не отступал, храбро встречал атаки страшного змея и победил его.

Отсек его уродливую голову. Какое-то время еще билось безглавое чудовище, потом пропало, будто и не было его никогда. Тогда рухнул черный утес, а на месте его увидел Ван Лао прекрасную деву Лотос.

Не было в подлунном мире женщины красивее феи прозрачных вод. Лицо сияло близной, узкие, вытянутые к вискам глаза прикрывали длинные ресницы, тонкие брови изгибались подобно боевому луку. Черные волосы ее были уложены в замысловатую двойную прическу, в которой сверкали длинные золотые шпильки. Расшитое цветами одеяние багряного шелка ниспадало к маленьким ножкам, обутым в серебряные туфельки.

Поклонилась дева Лотос.

– Спасибо тебе храбрый юноша! Ты спас меня от ужасного змея, вызволил из заточения. Я знаю, ты ищешь дорогу к Шеньсяню-Большие уши. Возьми этот фонарик, он выведет тебя туда, где ждет тебя третье испытание.

С этими словами дева Лотос подала фонарик и растаяла, словно легкий туман.

Ван Лао поднял над головой фонарик и тронулся в путь. Он не знал дороги, но стоило ему сделать неверный шаг, фонарик начинал гаснуть. В какой-то момент он чуть было не погас совсем. К счастью, Ван Лао вовремя разглядел тропинку в высокой траве, и фонарик засиял с новой силой.

Но вот над ним зашумели вершины деревьев волшебного леса. Внизу было тенисто и тихо, а через какое-то время перед Ван Лао открылась широкая просека. «Какое новое испытание мне готовит судьба?» – думал храбрый юноша.

Он сделал несколько шагов и, вдруг, увидел большую, липкую паутину. В ней бился и звал на помощь несчастный оранжевый мотылек с разноцветными пятнышками на крыльях. Ван Лао пожалел мотылька. Он остановился, протянул руку, разорвал паутину и освободил его. Мохнатый паук, сидевший в засаде, упал на землю, притворился мертвым, а потом удрал в заросли.

Мотылек сидел на пальце Ван Лао, складывал и расправлял крылышки, словно хотел проверить, не повредила ли их паутина, не сломаны ли они. Потом вспорхнул и весело полетел, мерцая, словно живой огонек. Так они оказались на просторной солнечной поляне. Кругом, будто немая стража, застыли стеной вековые деревья. Понизу росли кусты самшита и лавра, и воздух был напоен их ароматом, смешанным с запахом цветов изобильных в густой и сочной траве. Но не яркая зелень и покой, исходивший от дивной поляны, привлекли внимание юноши. Посреди стояла невысокая белая скала, в ней был вырублен чьими-то искусными руками грот, и в этом гроте сидел, скрестив ноги, Шеньсянь-Большие уши. Ван Лао сразу его узнал.

Он сидел на простой циновке. Белые одежды его ниспадали широкими складками, волосы были собраны пучком на макушке, глаза закрыты, руки покоились на коленях, длинные мочки ушей достигали почти до самых плеч. Широкое лицо Шеньсяня было величественным и отрешенным, он был погружен в глубокий сон. Ван Лао топтался на месте, не зная, как к нему подступиться.

Но тут появились тигренок и обезьяна, а прилетевший вместе с юношей мотылек сел на лицо Шеньсяня и стал мелко трепетать крылышками, стараясь его разбудить.

Шеньсянь вздохнул, открыл глаза и улыбнулся мотыльку.

– А, это ты шалун! Где же наш гость?

Обезьяна указала на юношу.

– Вот он, храбрый Ван Лао перед тобой, Шеньсянь.

Тигренок добавил:

– Он выдержал все три испытания.

– О, нет, Шеньсянь, – с поклоном возразил Ван Лао, – тигренок ошибается. Я выдержал не три, а всего лишь два испытания. В третий раз я ничего не делал.

Тигренок и обезьяна весело засмеялись. Шеньсянь ласково посмотрел на них.

– Нет, Ван Лао, ошибаешься ты. Ты спас моего любимого мотылька. Ты доказал, что у тебя не только храброе сердце, но и добрая душа. Говори, чего ты ждешь от меня?

– Ты все видишь, все слышишь, все знаешь, мудрый Шеньсянь! Помоги найти мою невесту. Неизвестный злодей похитил Ин-тай в день свадьбы. Без нее нет мне жизни на этом свете!

Тогда повелел Шеньсянь-Большие уши принести волшебное зеркало. Бросились обезьяна и тигренок выполнять повеление хозяина, принесли большое овальное зеркало в серебряной оправе и установили его на поляне. Ван Лао приблизился и поначалу ничего не увидел. Синее небо с легкими, как лебяжий пух, облачками да макушки деревьев.

Но вот зеркало слегка потускнело, пошли по нему волны. Так бывает, если бросить камень в прозрачную воду. Затем в зеркале что-то проянилось, и внезапно Ван Лао увидел глубокую, прекрасно убранную пещеру. Всюду лежали богатые циновки, стояли драгоценные ширмы, расписанные картинами искусных художников. Возле стен была расставлена мебель черного дерева, комоды с многочисленными ящичками, туалетные столики с расставленными на них зеркалами, шкатулками и вазами из фарфора.

Но не пышное убранство привлекло внимание юноши. Там, посреди пещеры, стояла его невеста, его возлюбленная Ин-Тай, и горько плакала, не обращая внимания на суетившуюся перед ней сгорбленную старуху, одетую в черную, расшитую золотыми драконами одежду. Лицо ее было сморщенным, злобным.

– Да-хэй! – вскричал Шеньсянь, – смотри, Ван Лао! Вот, кто похитил твою невесту! Это злая колдунья Да-хэй! Послушаем, что она говорит!

И тут стал слышен не только голос колдуньи, но даже малейший шорох в пещере.

– Ах, какая прелесть! – ходила она вокруг Ин-тай. – Пригожая, нарядная. Ух, просто куклолка! А вот плакать не надо. Будешь плакать – глазки покраснеют, румянец сойдет с лица, – она топнула ногой и злобно крикнула, – перестань лить слезы, а не то опять в подземной тюрьме окажешься!

Ин-тай испугалась, перестала плакать, вытерла глаза.

– Вот и умница, – проскрипела старуха, – вот и хорошо. А теперь пройдишь, пройдишь до той стены и обратно.

Ин-тай удивленно глянула на нее, прошла до стены и обратно, не понимая, для чего это нужно.

– Ай, ай, ай! – раскудаhtалась злая старуха, – кто так ходит! Разве настоящая китаянка так ходит! С лица хороша, а топает как боевой конь!

Да-хэй стала показывать, как должна ходить настоящая китаянка.

– Крохотными ножками она должна вот так, вот так семенить, на пяточки должна вот так, вот так наступать!

Она схватила Ин-тай за руку, увлекла вглубь пещеры, усадила на циновку.

– Я тебе кое-что расскажу. Посидим, поболтаем. Нам торопиться некуда. Слушай. В стародавние времена правил Китаем великий император Я-о. Была у него любимая жена. Имени ее история нам не сохранила, да так ей, отступнице, и надо. Полюбила она молодого воина, а он – ее. И задумали они бежать. Поздней ночью вышла предательница из дворца в сад, крадучись среди деревьев добежала до условленного места, где стояли наготове два быстрых коня, где ждал изменник воин. Только наутро узнал о пропаже император и велел снарядить погоню.

– Догнали!? – испуганно воскликнула Ин-тай, невольно увлекшись рассказом.

– Нет, не догнали. Не перебивай! – старуха шлепнула Ин-тай по руке. – С тех пор велел император Я-о бинтовать ножки всем маленьким девочкам.

Ин-тай, простой деревенской девушке это было совершенно непонятно. Особенно, когда старуха пояснила, что забинтованная ножка не растет.

– Но зачем? – не выдержала Ин-тай.

– Чтобы не бегали! – злорадно расхохоталась старуха, и смех ее стократно отразился от стен пещеры.

Она велела Ин-тай встать и пройти так, как она перед этим показывала. Но Ин-тай заупрямилась и осталась на месте. Старуха упрашивала ее, сердилась, грозила всевозможными карами, девушка не сдвинулась с места. Наконец, она упала на колени и стала просить Да-хэй:

– Пожалуйста, отпустите меня домой к матушке, к жениху... они ждут меня, ищут, волнуются.

Но старуха только смеялась и говорила, что от ее пещеры до деревни Ин-тай тысячу и еще одну тысячу дней будешь скакать на лихом скакуне, и не доскачешь. Услыхав это, Ин-тай снова расплакалась, а старуха стала требовать, чтобы та перестала реветь и станцевала для нее веселый танец.

– О тебе слава идет, будто в своей округе ты лучше всех танцевать умеешь.

Но Ин-тай только руками всплеснула. Как она может танцевать, когда сердце ее рывается от горя.

– Делайте со мной, что хотите, танцевать не буду!

– Будешь, милая, еще как будешь! Твоя предшественница, певунья, петь не хотела, ножкой топала. А теперь что? Я пальчиком в спинку ее, вот так, легонько толкну – соловьем заливаешься.

Поняла Ин-тай, что старуха Да-хэй – злая колдунья. Совсем страшно ей стало, но виду не подавала, напротив, гордо вздернула голову. Колдунья покосилась на нее и захихикала.

– Как бы мне хотелось, чтобы вы сами, по доброй воле и танцевали, и пели! Но что делать, если мне попадают одни упрямы.

Она схватила Ин-тай за руку и потащила за собой вглубь пещер. Долго они шли.

Но вот перед взорами Шеньсяня и Ван Лао, не отводивших глаз от зеркала, открылась просторная, ярко освещенная золотыми шарами, зала. Посреди тесной группой неподвижно стояли и сидели люди. Все они казались неживыми.

– Вот они! – закричал Шеньсянь, – два брата воина, Чжуан-ши и Гуа-фэн. Этот, возле них с маленьким барабанчиком в руках – знаменитый барабанщик Лю Бань. Вон та – красавица Мин-чжу, рядом – певица Лю-мэй и вышивальщица Дин-чжер!

Злобно усмехаясь, колдунья спросила Ин-тай:

– Ты думаешь, это куклы? Нет! Они не куклы. Хотя и людьми их тоже назвать нельзя. Людьми они были в прошлом. Вот эта, – она указала на вышивальщицу Дин-чжер, – ох, какая была упрямая. Никогда не хотела расшить для меня, старой женщины, хотя бы одну подушку.

Она дотронулась скрюченным пальцем до плеча неподвижно сидящей девушки. Дин-чжер вздрогнула, просыпаясь от мертвого сна, склонилась над лежавшими на ее коленях пальцами. Иголка в нежных пальчиках задвигалась с необычайной скоростью, и на подушке возник красивый узор из переплетенных стеблей, листьев и хризантем.

Старуха, тем временем, шла дальше.

– Вот эти двое особенно дороги мне. Это мои непобедимые воины. Никто не мог справиться с ними. Никто! – она снова захихикала, – кроме меня. И ты спросишь, как я, немощная на вид старуха, могла справиться с ними? Так и быть, я открою тебе великую тайну!

Она притянула к себе Ин-тай, заставила ее наклониться и зашептала на ухо.

– У каждого из них... у этой, у этого и у этих... я забрала душу. Забрала и положила в чашу. Гляди! Вон она!

В глубине залы высветилась и засияла большая, сделанная из тончайшего фарфора, прозрачная чаша. По стенкам ее шли таинственные узоры, составленные из иероглифов, но освещена она была не сверху, не с боку. Она изнутри сверкала и переливалась живым, ослепляющим светом.

Старуха заглянула в лицо Ин-тай, словно проверяла произведенное впечатление. Та в ужасе молчала.

– Что, испугалась, бедняжка? Не бойся. Не грусти. Сейчас мы тебя развеселим.

Она дотронулась до плеча каждого воина. Те ожили и принялись показывать свое мастерство. Следующим она оживила Лю-Баня. Палочки так и замелькали в его руках, а под сводами пещеры зазвучала барабанная дробь.

– Их, ты! Их, ты! – стала хлопать в ладоши старуха.

Потом, как черная зловещая птица в развевающихся одеждах, стала подпрыгивать и крутиться на месте. Она разбудила певицу Лю-мэй.

Очнувшись от зачарованного сна и красавица Мин-чжу.

– Смотри, какая прелесть! – не прекращая чудовишной пляски, кричала старуха Да-хэй, – смотри, какая красавица! Как она любит смотреться в зеркальце! А как выступает, как ножками семенит! Настоящая китаянка! Ну, живее! Живее! Все вместе! Оп! Оп!

– Перестаньте! Перестаньте! – перекрывая шум, отчаянно закричала Ин-тай и прижала ладони к ушам.

Старуха остановилась. И впрямь хватит. Куклы замерли, волшебная чаша погасла. Ин-тай горько заплакала.

– Зачем, зачем вы это сделали? – сквозь рыдания спрашивала она, – отпустите их! Отпустите!

Да-хэй снисходительно усмеялась:

– Куда же они пойдут, бездушные? Послушай, – тронула она руку Ин-тай.

Та невольно отодвинулась, ей было противно малейшее прикосновение старухи.

– Послушай меня, – продолжала Да-хэй, – хочешь, устроим свадьбу. Я выдам тебя замуж за одного из воинов. Смотри, какие красавцы. Вот этого зовут Чжуан-ши, что означает «Непобедимая сила». А этот – Гуа-фэн, он может догнать и остановить ветер. Теперь посмотри на себя, – отступила она на шаг, – разве это достойный наряд для невесты! Я наряжу тебя в шелка, я осыплю тебя жемчугами, я подарю тебе роскошный веер бесценной слоновой кости, я поселю тебя в золотом шатре. Правда, выходи замуж за Гуа-фэна. Чем не жених!

– У меня есть жених! – закричала Ин-тай. – Он придет! Он освободит меня!

Старуха разразилась хохотом, и снова гулкое эхо отразилось от стен пещеры.

– Ты думаешь, у него хватит сил и времени проскакать тысячу и еще одну тысячу дней и ночей?

– Вы не знаете моего жениха! – кричала Ин-тай, – Ван Лао самый храбрый, самый добрый человек на свете!

– Глупышка, он давно забыл о тебе. Мужчины быстро утешаются и находят себе другую.

Но Ин-тай не унималась:

– Неправда! Неправда! Ты лжешь, злая старуха! Я никогда не смирюсь! Никогда! Никогда! – внезапно она обмерла, прошептала, – я... никогда... не...

И затихла.

– Вот так-то лучше, – пробормотала старуха.

Она протянула руку, дотронулась скрюченными пальцами с ногтями похожими на когти до груди Ин-тай, прошептала заклинание. Под сводами пещеры замигал и погас свет, раздался страшный удар грома, полькнула молния. Потом все стихло, вновь зажглись золотые шары, а на ладони старухи осталась капля света, сияющая, как сияет росинка в траве под лучами солнца. Душа Ин-тай.

Бормоча под нос заклинания, подошла Да-хэй к фарфоровой чаше, бережно опустила в нее свою добычу, и чаша осветилась новым светом, пошли от нее гулять под темными сводами цветные лучи и отблески.

– Танцуй! – протянула палец к плечу Ин-тай злая колдунья.

Ин-тай вышла на середину пещеры и закружилась в веселом танце.

Помутнело волшебное зеркало. Пошла по нему легкая зыбь, не стало ни пещеры, ни страшной ведьмы Да-хэй, ни околдованной бедняжки Ин-тай. В зеркале по-прежнему отражалось небо, облака и верхушки деревьев. Задумался мудрый Шеньсянь; опечалились тигренок и обезьяна. Только махаон, сидя на плече Шеньсяня, безмятежно складывал и раскрывал крылышки. А сердце Ван Лао сжала тисками злая тоска. Как быть? Тысячу и еще тысячу дней надо скакать на лихом скакуне, чтобы попасть в царство жестокой колдуньи. Сколько воды утечет за это время! Сколько песчинок переместится в жаркой пустыне! Застанет ли он в живых невесту?

– Ты прав, здесь надо действовать иначе, – сказал Шеньсянь, словно прочтя мысли Ван Лао. – Что скажешь, тигренок?

Тигренок потянулся, лизнул несколько раз шерстку на боку и сказал, что он берется доставить юношу к пещере старухи за пятьсот дней и ночей.

– Нет, тигренок, – улыбнулся Шеньсянь, – это все равно слишком долго. Что скажешь ты, обезьяна?

Обезьяна подумала и сказала, что, по ее мнению нужно позвать горного орла. Пусть он отнесет Ван Лао к пещере колдуньи за три дня и три ночи.

– За три дня он не долетит! – презрительно фыркнул в усы тигренок.

– Долетит! – подпрыгнула на месте обезьяна.

– Нет, не долетит!

– А я говорю, – долетит!

Шеньсянь поднял руку, прекратил спор, и обратился к мотыльку.

– Я думаю, мотылек подскажет нам самый короткий путь.

Мотылек вспорхнул, стал виться возле уха Шеньсяня.

– Да, да, ты прав, – отвечал Шеньсянь мотыльку, я тоже так думаю. А он не струсит, нет?.. Ты так в нем уверен?.. Посмотрим, что он на это скажет.

– Слушай меня, Ван Лао! В царство колдуньи Да-хэй можно попасть мгновенно! Стоит только пройти сквозь мое волшебное зеркало. Но не знаю, пропустит ли оно тебя.

Ван Лао бросился на колени перед Шеньсянем, пообещал, что он найдет самые нежные, самые ласковые слова, лишь бы зеркало его пропустило.

– Не нужны зеркалу ласковые слова, – прогремел голос Шеньсяня, – покажи ему свою доблесть!

Встал Ван Лао, приблизился к зеркалу, выхватил из ножен заветный меч, подаренный матерью Ин-тай, стал с ним танцевать.

Засверкал на солнце стальной клинок, поникли цветы и травы под ногами танцора. Стало казаться, будто зеркало приближается к нему. Миг – и Ван Лао исчез на глазах у всех.

– Он прошел! Он прошел! – обрадовались тигренок и обезьяна.

– Ступайте за ним! – приказал Шеньсянь, – если будет во мне нужда, кликните, я тотчас приду на помощь.

Тигренок и обезьяна безмолвно повиновались, нырнули в зеркало, словно в воду, вслед за Ван Лао, кругом воцарилась глубокая тишина.

Шеньсянь прошелся по поляне, волоча за собой шлейф белого одеяния, и там, где ступала его нога, цветы поднимали головки, распрямлялись травы, затоптанные Ван Лао.

В одно мгновение оказался Ван Лао в пещере колдуньи Да-хэй. Было темно. После яркой поляны он на какое-то мгновение ослеп, замер, не зная, куда идти. Вдруг он почувствовал, как кто-то дергает его за руку, а к ногам прижимается что-то теплое. Вскоре глаза немного привыкли к темноте, и Ван Лао различил тигренка и обезьяну.

Крадучись, они отправились в сторону светлого пятна. По мере приближения, оно разрасталось, ширилось. Вот уже стала слышна музыка и россыпь барабанной дробы, вот они остановились у входа в освещенную залу и замерли. Страшная картина открылась их взорам.

Посреди пещеры без устали танцевала Ин-тай. Движение ее были плавны, она изгибалась, словно былинка на ветру, но лицо оставалось неподвижным, как маска. В стороне от танцовщицы, с таким же неподвижным мертвым лицом распевала веселую песню Лю-мэй. В глубине пещеры два воина сражались, в стороне от всех сидела Дин-чжер со своим вышиванием, иголка так и мелькала в ее тонких пальчиках; возле туалетного столика подводила брови и любовалась собой красавица Мин-чжу.

А над всем этим жутким представлением возвышался помост с мягкими подушками, расшитыми цветами, драконами и пестрыми птицами, на нем восседала сама Да-хэй, хлопала в ладоши и двигала плечами в такт музыке и грохоту барабана.

Внезапно она увидела пришельцев, поднялась, шелкнула пальцами, и сейчас же куклы застыли, смолкла веселая музыка.

– А-а, все-таки добрался! – метнула она злобный взгляд на Ван Лао. – Храбрец! Думаешь одолеть меня? Ты никогда не уйдешь отсюда!

Тут она хлопнула в ладоши и, указав пальцем на юношу, приказала двум воинам схватить его. Вот для чего похитила их колдунья. Не только воинственные танцы братьев нужны были ей, она приспособила их охранять себя и беречь все, находящееся в пещере.

Покорные приказу колдуньи, воины напали на юношу. Разгорелась битва не на жизнь, а на смерть, хотя Ван Лао не нападал, а только оборонялся. Он понимал, что воины действуют не по своей воле.

Обезьяна в страхе прижалась к тигренку, но он оттолкнул ее и бросился на помощь. Удивилась колдунья. Это еще что такое? Улучила момент и взмахом руки послала на тигренка шелковую сеть. Тигренок запутался, стал биться, стал звать обезьяну. Обезьяна, забыв о страхе, бросилась на помощь и тоже запуталась. В это время два воина подвели к старухе побежденного Ван Лао.

– Вот и все, мой голубчик, – проскрежетала она, – куда ты шел! На что надеялся? Невесту хотел освободить? Вон твоя невеста! Да только хоть по виду это она, на самом деле не она, – Да-хэй сошла с помоста, приблизилась к юноше, притянула его к себе и зашептала на ухо, – знаешь, почему она такая? Знаешь, почему она готова выполнять мои приказы? У нее нет души!

– Знаю, ведьма, – отвечал Ван Лао, – все знаю про твое подлое колдовство!

Да-хэй обошла его, спросила вкрадчиво:

– Откуда знаешь? Не может быть, чтобы простой деревенский парень сам догадался. Кто тебе помогает? Эти милые зверушки? – она приблизилась к тигренку и обезьяне, подобрала палку и ткнула ею сквозь ячейку сети, – у меня никогда не было таких симпатичных куколок, тепленьких, мягоньких – затем она снова обернулась к Ван Лао, – так кто же тебе помогает?.. Молчишь. Молчи, молчи. А хочешь, я научу тебя, как спасти девчонку? Это так просто, так легко, не составит никакого труда. Отдай ей свою душу.

– Мое сердце, моя душа уже давно принадлежат Ин-тай, – ответил Ван Лао.

Обезьяна и тигренок заволновались, забились в сети.

– Нет! Не соглашайся! Она обманет тебя!

Юноша засомневался. Хотел отступить на шаг от старухи, но было поздно. Колдунья протянула руку, грянул гром, и на ладони у нее осталась светящаяся капелька – душа Ван Лао. Сам он застыл, превратился в неподвижную куклу.

Злорадно усмехаясь, Да-хэй присоединила новую украденную душу ко всем остальным. Казалось, все было бы потеряно, если бы в этот момент тигренку не удалось про-

грызть в сетке дыру и освободиться. Он прыгнул, припал к земле, забил хвостом, оскалил белые клыки.

– Ах ты, ведьма! Я искусаю тебя! Я исцарапаю!

– Шеньсянь! Шеньсянь! – закричала обезьяна, – спаси нас! На помощь! На помощь!

И в тот же миг возле нее появился Шеньсянь. В одежде воина с волшебным мечом в руке.

Да-хэй увидала его, испугалась, но виду не подала, лъстиво улыбнулась.

– А-а, Шеньсянь-Большое ухо! Старый знакомый. Все слышит, все видит, все про всех знает. Как же я раньше не догадалась. Проходи, будь гостем, раздели со мной вкусный ужин. У меня есть чудные яблоки и гранаты... Тебе понравятся свежая рыба и желтый, сваренный на шафране, рис...

Шерсть на загривке тигренка поднялась дыбом, обезьяна, успев к тому времени освободиться, заухала, запрыгала на месте.

– Не верь! Не верь!

Улыбнулся Шеньсянь, погладил тигренка, кивнул обезьяне.

– Успокойтесь, друзья, против меня ее чары бессильны.

Он повернулся к старухе, наставил на нее свой волшебный меч, и ведьма съежилась, вытянула вперед скрюченные, словно когти, пальцы.

– Да-хэй, черная колдунья! – воскликнул Шеньсянь, и голос его загремел под сводами темной пещеры, – кончилось твое время! Верни людям то, что отняла, и мы уйдем, не причинив тебе вреда!

Страшно расхохоталась старуха в ответ. Ведь Шеньсянь все правильно угадал. Он не зря пообещал ей жизнь. После смерти Да-хэй все люди, превращенные в бездушных кукол, должны будут умереть.

Грянулась ведьма о землю, и на том месте, где она стояла, появился страшный черный дракон. Дохнул огнем дракон, расправил крылья и полетел по коридорам и переходам к выходу из пещеры. Шеньсянь, тигренок и обезьяна бросились за ним.

Очутившись на свободе, дракон взмыл в воздух, развернулся и кинулся на Шеньсяня. Но Шеньсянь успел увернуться, сделать ложный выпад, и дракон упал на землю. Он свернулся кольцами, загремел крыльями и снова напал на смельчаков, дохнул жарким огнем, опалил на Шеньсяне одежду; ударил страшным хвостом, выбил из рук его волшебный меч. Сверкнув клинком, меч отлетел в сторону, упал на землю, прозвенев на острых камнях. Сам Шеньсянь не удержался на ногах, свалился, пытаясь достать меч, дотянуться до него окровавленными пальцами.

Смело бросился в битву тигренок, прыгнул с растопыренными когтями на спину дракона, стал царапать и рвать его. А трусливая обезьяна взвизгнула, озлившись, расхрабрилась и стала бросать во врага палки и камни.

Острые когти, палки и камни не причиняли вреда дракону. Когти скользили по железной чешуе, камни отскакивали от нее. Но тигренок и обезьяна отвлекли внимание дракона, и Шеньсянь успел дотянуться до меча. Сверкнул волшебный меч, дракон уклонился, и удар пришелся по пустому месту. Снова полыхнул огонь, мелькнули страшные клыки, но тут обезьяна набрала полные пригоршни песка и швырнула песком прямо в глаза противника. Страшный рык испустил дракон. Затряслась земля, закачались деревья вокруг пещеры. Изловчился Шеньсянь и нанес ему смертельную рану. Полилась из раны черная кровь. Там, где падали капли ее, там вспыхивало жаркое пламя, и вскоре друзья оказались в огненном кольце.

Но не зря добывал Ван Лао волшебный меч. Взмахнул Шеньсянь мечом, налетел вихрь, полил дождь и погасил огонь, а дракон забился в судорогах, издыхая.

Бросились Шеньсянь, тигренок и обезьяна обратно в пещеру. Пока жива колдунья, надо успеть! Добежать и спасти людей.

Первой примчалась обезьяна, схватила фарфоровую чашу и застыла на месте, не зная, что делать дальше. Иди, догадайся, где, чья душа, как разобраться в спешке? Минуту раздумывала она, решила и приступила к делу. И когда Шеньсянь и тигренок поспели на место, обезьяна успела оживить Ван Лао и его невесту Ин-тай. Им повезло, обезьяна вернула каждому его душу и не ошиблась. Влюбленные радостно обняли друг друга.

Но дальше все пошло не так гладко. Воину Чжуан-ши досталась душа красавицы Мин-чжу, барабанщику Лю Баню – вышивальщицы Дин-чжер, Гуа-фэну-Останови ветер – певички Лю-мэй.

Бросился оживший Чжуан-ши искать зеркальце, а красавица Мин-чжу схватила палицу и принялась ею размахивать. Барабанщик Лю Бань никак не мог собрать вышивки, а Дин-чжер вместо пялец нашла барабан и давай выбивать дробь. Гуа-фэн попытался петь, Лю-мэй бросилась к его брату с воинственным кличем. А тем временем на стенах пещеры появились первые трещины.

– Скорей! – закричал тигренок, – пещера вот-вот обрушится!

Шеньсянь широко раскинул руки и стал всех теснить к выходу. Пусть все останется, как есть, потом разберемся! Почувяв опасность, все кинулись вон из пещеры. Они бежали по переходам, поднимались и спускались по лестницам, а позади них с грохотом падали каменные глыбы и рушились своды.

Как только все выбежали, обрушилась колдовская пещера, а на ее месте образовалось глубокое озеро. И в тот же миг вспыхнуло огнем тело дракона, сгорело, и не осталось от него даже малой горсточки пепла. Так погибла злая колдунья Да-хэй.

Но колдовство еще не кончилось. Барабанщик Лю-бань причитал и плакал о пропавших иголках и шелковых нитках, воин Чжуан-ши сокрушался о потерянных рюмянах и белилах, а красавица Мин-чжу продолжала размахивать палицей. Одним словом, путаница продолжалась, гвалт стоял на берегу озера, уже успевшего порастить вдоль берега высоким камышом.

– Что ты наделала, обезьяна! – кричал тигренок, – ты всех перепутала!

Обезьяна стояла в полной растерянности, виновато моргая глазами.

Но Шеньсянь успокоил помощников.

– Ничего страшного. Пусть каждая пара встанет друг против друга, пусть внимательно посмотрят друг другу в глаза.

Подбежала обезьяна к воину Чжуан-ши, стала толкать его в сторону красавицы Мин-чжу. Все еще не понимая, где они и что с ними происходит, посмотрели они друг на друга. И вдруг две звездные капли поднялись над их головами, покружились, покружились, словно отыскивая свое место, а затем исчезли. Но перед тем как исчезнуть, коснулась одна капелька одеяния Чжуан-ши, а другая складок на груди Мин-чжу. Он вздрогнул, будто очнулся от глубокого сна, посмотрел на прелестную девушку и внезапно понял, что перед ним стоит его невеста. Красавица скромно потупила глазки, протянула маленькую ручку и вложила ее в протянутую руку избранника. Да и как им было не влюбиться, если душа каждого побывала в груди другого.

– Ну и дела! – весело крикнула обезьяна, – кажется, у нас намечается свадьба!

Но когда ее взгляд упал на другую парочку, на Лю Баня и вышивальщицу Дин-чжер, когда услышала, как они воркуют, когда увидела, что барабанщик не сводит глаз с обреченной подружки, восторгу ее не было предела.

– Скажите мне, – говорил Лю Бань, – где я мог вас видеть?

– Быть может, во сне, – тихо отвечала Дин-чжер.

– Сомнений нет, – промурлыкал тигренок, – будет еще одна свадьба.

Но где третья пара, куда подевались певунья Лю-мэй и силач Гуа-фэн-Догони ветер? Побежала обезьяна прочь от берега, огляделась по сторонам и заметила мелькнувший за ближним деревом подол яркого платья. Тихонько подкралась она к влюбленным и успела подсмотреть их первый робкий поцелуй. Услыхала Лю-мэй, как треснула под ногой обезьяны сухая палка, увидела ее, застыдилась, покраснела. Но обезьяна схватила их за руки и привела к остальным.

– Вот и четвертая свадьба, – сказал Шеньсянь.

Тигренок и обезьяна очень удивились, почему четвертая? Перед ними всего три пары.

– Вы забыли о Чжу Ин-тай и Ван Лао, – улыбнулся Шеньсянь.

И тогда взгляды всех устремились к четвертой паре.

– Ван Лао, – заговорил Шеньсянь, – ты смело бросился в огонь и добыл для меня волшебный меч. Ты сразился со страшным змеем и освободил деву Лотос. Ты проявил беззаветную храбрость и сердечную доброту, протянул руку и спас моего мотылька. Не каждый бы сделал это. Говори, чего ты ждешь от меня, я исполню любое твоё желание.

Подумал Ван Лао и ответил Шеньсяню:

– О, мудрый Шеньсянь, ты освободил нас от злой колдуньи Да-хэй, мне не о чем больше просить тебя.

Тогда Шеньсянь обратился к Ин-тай.

– Ты слабая женщина, Чжу Ин-тай, но злая ведьма не сломила тебя, ты отвергла ее богатства, ты осталась верна своему избраннику. Говори, чего ты ждешь от меня, я исполню любое твоё желание.

Неловко было Ин-тай просить о чем-нибудь мудреца, засмушалась она, опустила голову. Но Шеньсянь ласково улыбнулся ей и попросил не стесняться. Она глянула на него и решила.

– О, мудрый Шеньсянь, ты все знаешь, все слышишь, все можешь. Сделай так, чтобы не было никаких злых колдуньей, сделай так, чтобы никто никогда не смог помешать чужому счастью.

Философия искусства

Наталья КРОФТС

Мир без границ...

(Интервью главного редактора журнала «Звезда Востока» Улугбека Хамдама с поэтом из Австралии Натальей Крофтс 15 октября 2013 г.)

1. Наталья, вы живете в Сиднее, в Австралии. Это как-то обуславливает ваши творческие интересы?

– Да, в какой-то мере. Можно сказать, что из-за приезда в Австралию у меня появился новый интерес – история русской литературы пятого континента. Дело в том, что этим очень мало кто систематично занимался – а между тем в Австралии были и замечательные прозаики, и поэты, да и просто пишущие люди с удивительной судьбой: Константин Бальмонт, Борис Нарциссов и невероятно противоречивый и яркий человек Сергей Алымов, и многие другие... Лично мне очень интересно открывать этот неизвестный пласт.

2. Расскажите о вашей литературной деятельности. О журналах, которые вы издаете, о литературных конференциях и форумах, где вы всегда желанная участница.

– Прежде всего, я – главный редактор квартального международного издания «Интеллигент. Санкт-Петербург». Мы публикуем современную силлабо-тоническую поэзию и короткую прозу. Среди наших авторов – Ефим Бершин, Игорь Губерман, Владимир Алейников, Кирилл Ковальджи и многие другие замечательные писатели. Мы очень рады, что за три года существования нашего издания отбор материала заметно ужесточился, что, конечно же, повышает качество издания. Кроме того, в рубрике «Гость номера» мы регулярно беседуем с интересными людьми, оставившими след в литературе или формирующие современный литературный процесс. Например, у нас были опубликованы беседы с главными редакторами ведущих толстых журналов: Андреем Василевским из «Нового мира», Андреем Грицманом из «Интерпоэзии», Евгением Степановым из «Детей

Ра» и ряда других журналов. Мы планируем продолжать такие беседы, чтобы помочь нашим читателям – да и нам самим – разобраться в сегодняшнем литературном мире.

Что же касается литературных форумов и конференций, то туда я езжу не столько как редактор (хотя, конечно, мы всегда ищем новые имена, и разные литературные события тоже помогают нам их найти), сколько как автор. За последние несколько лет я побывала на очень разных событиях в разных точках планеты – от «Форума молодых писателей в Липках», регулярно проходящего в России, в Подмоскowie, до ежегодного фестиваля журнала «Интерпоэзия» в Нью-Йорке.

3. То, что вы много ездите по всему миру, с чем связано? Это стремление к познанию мира, или потребность общения с людьми, которые занимаются литературой? Вы родились на Украине, где люди очень общительны и искренни. Сейчас вы живете в большом мегаполисе, а общения очень не хватает. Может быть, ваш страннический образ жизни своего рода компенсация той жизни, которую вы оставили на родине?

– Скорее всего, мои поездки просто связаны с характером и немного с прихотями судьбы. Все началось еще в школе, когда я случайно выиграла конкурс на годовое обучение в Штатах. Когда человеку в 17 лет приходится отправляться совершенно одному на другой конец света на целый год, как в «черную дыру», то к дальнейшим передвижениям уже относишься с легкостью. Живя в Москве и потом, учась и работая в Оксфорде и Лондоне, я потихоньку «осваивала» Европу; впоследствии, работая на Востоке, и теперь, живя в Австралии, я тоже стараюсь исследовать близлежащие страны. В свои 37 лет я побывала уже в 57 странах.

Кроме того, во многие страны хочется вернуться: теперь в самых разных точках планеты живут дорогие мне люди, хотя, казалось бы, у нас всех очень разные жизни, разное прошлое, разные языки и культуры. Раз в год я обязательно стараюсь навестить своих друзей на Украине, а два коренных американца уже много лет гордо представляют меня всем как свою дочку, хотя формально на это нет никаких оснований. И разные точки на земном шаре, будь то Генуя, Цюрих или Сингапур, вдруг начинают излучать тепло потому, что для меня они – логическое продолжение очень любимых мною друзей.

4. Я внимательно прочитал ваш последний сборник «Поэт эпохи динозавров» и понял, что вас волнуют не только проблемы того края, откуда вы родом, или той страны, где вы сейчас живете. Вас интересуют проблемы всего мира. Диапазон тематики ваших стихов очень широк. Об этом свидетельствуют названия ваших стихов: «Моя Одиссея», «Дубай», «С острова под Южным Крестом», «Письма с Мертвого моря», «Последний султан Занзибара» и т.д. Вы в каком-то смысле становитесь поэтом всех континентов, то есть поэтом планеты. Как вы прокомментировали бы это?

– Наверное, я просто человек, для которого во многом стерлись границы. Например, мне предлагают поехать поработать куда-нибудь в Кению или в Индонезию – и я с огромным удовольствием немедленно туда еду; то, что там совсем другая культура, образ жизни, меня не только не останавливает, а наоборот, привлекает. Я стараюсь провести в таких местах побольше времени, общаться с местными, а не с приезжими, ходить пешком или ездить на велосипеде и даже посещать местные театры. Когда я работала на Востоке, то прошла почти все каньоны султаната Оман, а о том, что это потрясающее, захватывающее дух природное сокровище, знает очень немного людей, даже из местных.

Просто у меня уже давно возникло чувство, что Земля – это мой мир, без всяких границ. И когда начинаешь много ездить, то расстояния сокращаются и уже не пугают. Мне очень интересно, как живут другие люди, как живут прочие обитатели земли. Я люблю сидеть в кафе и наблюдать за прохожими, или же могу часами смотреть, как купаются слоны, как живут колонии каких-нибудь дасси, или как леопард сидит на дереве и ждет свою добычу. В животном мире столько интриг, страстей, иерархий – это тоже ужасно занятно, лучше любого телесериала.

5. Расскажите немного о литературе Австралии.

– В Австралии, как мы уже говорили, я занимаюсь, в основном, русскоязычными авторами. Думаю, что те, кого интересует австралийская литература на английском языке, уже знают и довольно известных авторов – Питера Кэри, нобелевского лауреата Патрика Уайта, поэта Генри Лоусона, и сравнительно недавно появившиеся имена – например, Аравинда Адигу, чей «Белый тигр» мне очень понравился.

А вот русской литературой Австралии серьезно очень мало кто занимался. Поэтому, наверное, лучше рассказать о ней. Насколько мне удалось установить, скорее всего, «русская литература Австралии» начинается с 1911 – 1912 года, когда на материк приехало сразу несколько интересных писателей: Константин Бальмонт, Александр Усов (Чеглок), Сергей Алымов. Правда, надолго в Австралии из этих троих авторов остался только последний, но зато и Бальмонт, и Чеглок, наверное, впервые отразили в литературе настоящую, невымышленную Австралию, честно говоря, их разочаровавшую:

*Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.*

Такие строки напишет Бальмонт в стихотворении «Черный лебедь». Впоследствии появятся очень разные авторы, описывающие пятый континент и с любовью, и с ужасом... На портале «Русская литература Австралии» при старейшей русскоязычной газете континента «Единение» можно прочитать работы самых интересных авторов за последние сто лет. Читателей, которым интересно узнать больше о русской литературе Австралии, можно отослать к ряду моих статей на эту тему: они были опубликованы и в «Литературной газете», и, наверное, самая полная статья – в альманахе «Белый ворон». А наше издание «Интеллигент. Санкт-Петербург» посвятило этой теме целый номер в 2012 году, когда мы отмечали столетие русской литературы континента, конечно, понимая всю условность этой даты.

6. Что вы знаете об узбекской литературе и о русскоязычной литературе в Узбекистане? Как вы оцениваете нашу литературу?

– Мое знакомство с писателями Узбекистана началось почти случайно: мне очень понравилась проза Исажона Султона, которую я впервые прочла в чикагском журнале «Лексикон». Но, в основном, авторов из Узбекистана я для себя открыла, когда уже стала собираться к вам в гости. Мне было очень интересно познакомиться и с узбекскими писателями, и с русскоязычными авторами, очень разноплановыми и яркими. Например, не могу не сказать о замечательной прозе и стихах Баха Ахмедова, мне также очень понравились ваши рассказы, прекрасно переведенные на русский язык Саодат Камиловой – это не дань вежливости, а лишь говоря о моем впечатлении о прочитанном.

Впоследствии мое знакомство с узбекской литературой в переводе Саодат продолжилось: она привезла книгу рассказов узбекских прозаиков для обсуждения на Форуме молодых писателей в подмосковных Липках.

Теперь я знаю, что это знакомство будет продолжаться, поскольку каждый раз, знакомясь с литературой Узбекистана, я получала большое удовольствие. И судьба продолжает меня знакомит со все новыми интересными авторами, живущими или родившимися в вашей стране.

7. Мир меняется, меняется и взгляд на мир. Естественно, что литература тоже явление динамичное. Чем отличается литература прошлого столетия от литературы сегодняшней, на ваш взгляд? И как поэт, и писатель, и как человек, который много ездит по всему миру, скажите, что ждет литературу завтра, каковы ваши прогнозы? Хочу напомнить, в начале 90-х годов у нас, в литературных кругах Узбекистана, был поднят вопрос – «Умирает ли литература?» Конечно, сразу же с пафосом ответили, что пока человечество существует, литература тоже будет жить! А если отказаться от пафоса?

– По-моему, она будет жить и без пафоса. Как мне кажется, сейчас очень сильно

меняется «инфраструктура»: читателям не совсем понятно, где искать интересных им писателей. И поэтому у многих создается впечатление, что сильных писателей сейчас нет или почти нет. Но они есть, просто каждому читателю приходится больше усилий тратить на поиски.

Наверное, в новом веке появится просто другая система публикаций, вернее, даже не публикаций, а «рекомендательная система». Понимаете, раньше, когда напечатать книгу или журнал было технически сложно, публикация уже служила рекомендацией. И таких публикаций было, в общем-то, не так уж много, за ними можно было следить – и находить подходящих вам авторов.

А сейчас любой клуб, любое собрание людей, любой отдельный человек может, по идее, опубликовать все, что угодно: и на бумаге, и в сети. Это касается и книг, и журналов. Поэтому сейчас таких «рекомендаций» слишком много, чтобы за всем успевать следить. Более того, сомнительной стала искренность, ценность этих рекомендаций: опубликован ли автор потому, что его очень интересно читать, или потому, что он принадлежит к какому-то клубу, междусобойчику?

Хотя, конечно, ценность рекомендаций была всегда под вопросом: и в прошлом многие замечательные авторы публиковались мало или не публиковались вообще, то же касалось и отдельных книг, сейчас считающихся классикой. Здесь мне даже не нужно перечислять имен, они слишком хорошо известны: от ни разу не опубликованных при жизни стихов Павла Когана – до романа «Доктор Живаго»...

8. Сегодня никто не сомневается, что литература и искусство сближают народы, независимо от расы, национальности и религиозного вероисповедания. Дни рождения Навои, Шекспира или Пушкина отмечают как литературный праздник во многих странах мира. Значит, литература объединяет народы. Но, к большому сожалению, в нынешнем мире не очень доброжелательны к серьезной литературе. Та литература, которую мы знаем и любим, теряет свои позиции. Как вы думаете, как писатель, побывавший во многих странах, как можно разрешить эти набелевшие проблемы в пользу серьезной литературы? И что необходимо для более активного взаимодействия литератур разных стран и более активного взаимосоотрудничества писателей?

– Вы знаете, возможно, мы стали слишком «серьезными». Конечно, большой пласт классической литературы – литература не развлекательная... Но из перечисленных вами авторов – Шекспир-то как раз писал «для толпы», для развлечения, для ярких сцен, которые соберут народ и увеличат кассовые сборы театра. Да и у Александра Сергеевича множество вещей озорных, на особую серьезность и пафосность не претендующих.

А что касается «потерь позиций» литературы... У того же Александра Сергеевича есть одна очень мною любимая вещь, «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» – остроумная, занятая и поучительная статья. Очень рекомендую всем любителям литературы – и особенно людям пишущим – полюбопытствовать. Так вот, там он говорит: «В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре». А теперь давайте представим себе, сколько во времена Пушкина было мест в театре. Поэтому, наверное, стоит признать, что число истинных любителей и ценителей серьезной литературы никогда не было особо большим. Как говорится все в той же статье: «Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают только любители поэзии. А много ли их?»

Что же касается взаимодействия литератур разных стран, конечно, нужны хорошие переводчики, а еще – разумные законы авторских прав. Дело в том, что и я, и мои друзья уже неоднократно сталкивались с тем, что опубликовать переводы отличных зарубежных авторов очень трудно, если те умерли только недавно, и их правами теперь заведует какое-нибудь агентство. Такие агентства, как правило, интересуют только доход от публикаций, без учета того, что сами переводчики за подобные публикации часто ничего не получают. Продвижение же автора среди русских читателей в такой ситуации, как правило, агентства не интересуют совершенно. Выходит, что нужно или договариваться с живыми авторами, которые, надо сказать, вполне понимающе относятся к ситуации, по крайней мере, исходя из моего опыта, или же переводить авторов, умерших более 75 лет назад, то

есть тех, чьи работы уже свободны от копирайта. Что, конечно, не сильно способствует взаимодействию культур и взаимопроникновению именно некоммерческой литературы в настоящем, на том начальном этапе, когда только начинают выкристаллизовываться имена появляющихся классиков некоммерческой литературы, в первую очередь, стихов.

9. Во время нашей беседы, когда я привел высказывание пророка Мухаммеда о том, что человек, который знает один язык – это один человек, человек, который знает два языка – это два человека, вам оно понравилось и вы записали его в свой блокнот. Сколько же человек живет в вас? Вы не знали, что в вас живет несколько человек?

– У меня возникало это чувство, и когда я прислушивалась к себе и к моим друзьям, многие из которых тоже говорят на нескольких языках. Помню, когда, живя в Америке, я впервые по-настоящему заговорила по-английски, то есть, не переводя слова и предложения с русского, а просто погружаясь в этот язык и думая его категориями, то у меня даже возник небольшой рассказ об этом погружении – и там была фраза «меня становится две». Наверное, именно поэтому приведенное вами высказывание так сильно меня зацепило, так сильно понравилось: это формулировка того, что я уже понимала и чувствовала, но так хорошо не могла сказать. Так что спасибо вам за эту находку!

Что же касается «количества людей», то, как мне кажется, тут все-таки многое зависит от уровня языка. Два человека во мне живут точно: русскоязычный и англоязычный, и я подозреваю, что италияязычный тоже, хотя практики и «простора для выражения» этому последнему сейчас достается, увы, не так много. Будем считать, два с половиной человека!

10. В октябре этого года вы побывали в Узбекистане. Посетили Бухару, Самарканд, Ташкент. Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями.

– Я должна абсолютно искренне сказать, что в Узбекистан я просто влюбилась – и теперь мне очень хочется сюда вернуться. У меня появилась еще одна точка на карте, начавшая излучать для меня тепло, переставшая просто быть каким-то абстрактным географическим названием. Во-первых, здесь я встретила невероятно радушных, светлых и мудрых людей; наверное, встреченных мною здесь замечательных людей объединяет «солнечность», на каком бы языке они не говорили.

И, конечно, здесь невероятно древняя, интересная культура. Больше всего меня поразила Бухара, ее древность, сохранившийся дух другой жизни, другого мира, даже другой цивилизации. Очень красив Самарканд, очень зеленый и чистый Ташкент. Каждое место оставило свое теплое впечатление – а сколько еще мест в Узбекистане, в которых я на этот раз не успела побывать!

11. Ваши пожелания нашим читателям...

– У вас замечательные читатели: в зале музея Есенина, выступая перед ташкентскими слушателями, я видела перед собой понимающих, умных, отзывчивых и чувствующих людей. К такой аудитории хочется возвращаться, и приятно, что такие люди есть. Поэтому просто пожелаю вашим читателям не утратить этот дар – чувствовать поэзию, ценить литературу, любить прекрасное, на каком бы языке они не говорили. И еще раз – большое спасибо за гостеприимство, радушие и теплоту, которые я нашла в этой замечательной стране.

Прозрачные сны Марата Садыкова

Среди современных художников Узбекистана, Марат Садыков, несомненно, является одной из крупнейших творческих личностей. Он принадлежит к тому типу художников, у которых жизненный путь и искусство пребывают в неразрывном единстве. Выбранный этими мастерами способ существования обладает собственным эстетическим совершенством, поэтика которого непосредственно тождественна создаваемым им живописным образам. Не удивительно, что и судьба этих мастеров в сознании потомков, да и современников принимает форму художественного образа – легендарного и романтического. Налет романтичности есть и в образе-легенде Марата Садыкова, скромного и аккуратного, как будто «мечтателя», всю свою жизнь пишущего «странные» пейзажи «странными» красками и в «странной» манере.

Конечно, можно родиться в Париже и учиться ходить по мостовым в квартале на Монпарнасе или среди лавок Монмартра, а можно – в крошечном городке Гиждуване, где все, без исключения, неширокие и кривые улочки обязательно приведут тебя к медресе, воздвигнутому самим Мирзо Улугбеком! В пятилетнем возрасте уже можно начать познавать мир по своеобразным улицам, как будто уснувшей непробудными вековыми снами, старой и седой Бухары.

Потом, если Судьба будет благосклонна, на улицах этого города можно встретить Сергея Николаевича, удивительно похожего на Дон Кихота высокого старика, который жил в келье медресе Улугбека (вот совпадение, а ведь в Средней Азии медресе Улугбека всего три!), собирал древности Бухары и знал историю города так, как не знают ее даже самые известные историки до сих пор. Археолог Юренев мог часами, сутками рассказывать о «Священной Бухаре», показывать груды сверкающих драгоценных камней, археологические артефакты и, дымя своей трубкой, вдумчиво вглядываться в юношу Марата, поглаживая при этом свою совершенно седую бородку. Этот человек был истинным знатоком древностей, неподдельным интеллигентом и сразу чувствовал душу каждого человека, с кем вел беседы. Именно он познакомил Марата с художниками, которые приезжали в Узбекистан и писали свои этюды на улицах и площадях Бухары. Это были первые знакомства Садыкова с настоящим искусством. Потом было художественное училище в Душанбе. Обучение на этом, естественно, не могло закончиться. Пытливый ум, помноженный на трудолюбие – вот стезя, которую выбрал тогда молодой художник.

Многочисленные поездки по тогда еще огромной и разноликой стране, зарисовки, этюды, сравнительный анализ и неимоверное терпение воспитывали в нем живописца. Большое количество акварельных листов, рисунков и графических оттисков, возможно, так и остались бы невостребованным «сокровищем

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г.
в Ташкенте.
Окончил факультет
журналистики
Ленинградского
университета,
исторический
факультет
Ташкентского
госуниверситета.
Историк,
искусствовед.
Автор статей по
искусствоведению.
Живет в Ташкенте.

свалок чердаков и подвалов», поскольку практически все художники на ранних стадиях обучения переживают этот этап, когда «захлеб» познается громада и разнообразие окружающего мира. Марат Садыков тоже старательно осваивал мир, но ремесло незаметно переходило из количества в качество, в «стойкие работы». Но Судьба как будто забыла о нем, не задаривая вниманием коллег по творчеству и восхищением экзальтированных искусствоведов. Еще бы, Садыков работал на такой не слишком популярной стезе, как акварельная живопись. После окончания Ташкентского театрально-художественного института им. А. Островского, где Садыков учился на отделении промышленной графики (1968-1973 гг.), он стал самостоятельно продолжать овладевать графическим мастерством, в котором его привлекали условность языка, конструктивность и лаконизм.

Какое это было время! Время жарких и сумасбродных споров молодых художников, время познания традиционного и модернистского, время, когда педагоги-графики, такие же молодые, были озабочены проблемами поиска новой, иной творческой самобытности. Днем создавались автолитографии из серии «Газли», а по ночам с упоением просматривались привезенные контрабандно буклеты и альбомы с выставок Сальвадора Дали. В будни «увечковечивались» портреты делегатов Ташкентского Международного кинофестиваля стран Азии и Африки, который обреченно скончался вместе с Советским Союзом, а вечерами любовались первыми изданиями работ Эля Лисицына, до драк спорили о картинах в альбомах Василия Кандинского и Казимира Малевича, впервые, наверное, по недоразумению изданных в те годы.

Именно так входил в творческую палитру Марата Садыкова изысканный прецизионизм. Упрощение предметных форм, отказ от изображения мелких деталей, увлечение архитектурными, инженерными и техническими мотивами. Манера его графики была лаконичной, построенной на геометризме линий, ярких контрастах больших плоскостей (серия «Газли»). Я абсолютно уверен, что тогда Садыков и слыхом не слыхивал о таких художниках-прецизионистах, как Ч. Дельмут, Ч. Шилер или Э. Хоппер, которые в своих пейзажах изображали заводы, мосты, пароходы; формы индустриального пейзажа передавались в манере, сложившейся под влиянием кубизма. Именно поэтому, поиски Садыкова столь успешны – он собственным нутром почувствовал этот кубофутуристический дух грандиозныхстроек, это одновременные озарения разных, но чудовишно талантливых художников в самых отдаленных друг от друга пространствах. В тех его работах, в которых изображалось соединение куполов небесных и барханов пустыни, брошенных земель Мирзачуля и пространства Арала, уже были заложены мистические миражи родных, азиатских городов.

Конечно, без «поддержки» классиков современной среднеазиатской живописи – Урала Тансыкбаева, Павла Бенькова и особенно Павла Кузнецова, у Марата Садыкова не появилась бы широкая, свободная манера живописи, умение точно и тонко передать игру света и тени. Разумеется, эта поддержка была не прямым «учительством», а поучительством, которое Садыков извлекал для себя из полотен этих творческих титанов. И пусть в его листах подавляющей была монохромность, за ней ассоциативно чувствовалось разноцветье природы. О глубоко скрытой лиричности творческого темперамента Садыкова свидетельствует такой цикл его графических работ, как серии «Сукок», «Моя Бухара». Стремясь постичь смысл жизни, которую он наблюдал, художник отбрасывал все суетное в ней, в результате его строгого отбора только недвижимые глинобитные строения, грубокирпичные старинные здания, отдельные неподвижные фигуры людей да синева неба и сила солнечного света, озарившая белизной весь мир, оказались немногими составляющими его картин.

Казалось бы, художник Садыков достиг самых великолепных высот в графическом осмыслении мира, но вдруг, он начинает работать с цветом, и притом, с самыми тончайшими и красочными его оттенками – акварелью! Безмерно трудоемкой и виртуозной формой живописи.

Я вижу здесь прямую аналогию с теми историческими метаморфозами, которые происходили в поздних стадиях палеолита. Художник древнекаменного века, внезапно от графической формы изображения – петроглифов, переходит к монохромной, слегка расцветоченной, живописи! При этом, когда отсутствуют предварительные «наброски» или «этюды», которые, казалось бы, должны были обязательно иметь место в больших количествах (как школа живописного мастерства), но нет, на стенах гротов и пещер появляются громадные по масштабам и виртуозные по исполнению росписи. Этот феномен известен по живописи пещер Ласко, Дордонь, Фон-де-Гом (Франция), Альтамира (Испания) или Зараутская (Узбекистан).

Но что заставило очнуться разум древнейшей цивилизации, дремавший в самоуспокоении? Только ли достижения в познании природы, окружающего мира и его системного анализа? По сути, от разрыва единства человечества как субъекта и окружающего его мира как объекта, с чем никогда не могла примириться человеческая психика, и не могли согласиться многие философские школы XX века. Думается, что первый, палеолитический период роста человечества был периодом интенсивного духовного, но сравнительно скромного материального роста; второй период, от неолитической революции до революции нынешней, компьютерной, был временем бурного роста материальных сил при довольно скромном по сравнению с ними духовном росте. Третий период, на пороге которого мы находимся сейчас, должен ознаменоваться если не прекращением, то резким замедлением материального роста и переключением всех созидательных сил на интенсивное духовное развитие.

Так что же открылось нам на низко нависшем своде Альтамыры, или Ласко, или Зараутся? Только ли шедевры живописи, памятники культуры двадцати пяти тысячелетней давности? А может быть, еще и память о себе прежних, о периоде самого интенсивного духовного развития в истории человечества? О неизменяемых в обратной перспективе истории смыслах — смыслах первоначальных, прирожденных, прорастающих к нам и в нас и не отпускающих мысль человека от «полиэikonического» поиска все новых и новых своих связей с мирами существования?

Искусство разных эпох существует в непрекращающемся диалоге с собой — поверх времен и культур. Иногда, внимательно вдумываясь в работы Садыкова, мне кажется, что тексты этого диалога нам принципиально доступны — для адекватного прочтения и исчерпывающего понимания. Но...

Обращение Садыкова к цветовой гамме окружающего мира естественно. Лаконизм языка графики сохранился, но дополнился (обогатился) цветовыми решениями. В связи с чем? Да для достижения еще большей выразительности. Может быть, и прав сам художник, когда говорит: «...Чтобы быть интересным зрителю, нужно избегать однозначности в передаче своего мироощущения и стремиться к соединению в произведении романтического и рационально-аналитического начала. Я обычно через простой мотив пытаюсь решить волнующую меня проблему: вечность как мгновение и мгновение как вечность. В этом — суть моих поисков. Этим я живу, об этом думаю, это стараюсь передать в своих работах».

Удается ли маэстро воплощать задуманное? Несомненно. Это обращение к проблемам вечным, вопросам бытия — жизни и смерти, добру и отчаянию, милосердию и любви.

Возвращение к читателю

Павел КУЛЕШОВ

Родился 1960 г. в Новокузнецке. В 1986 г. окончил геолого-почвенный факультет Ташкентского госуниверситета. Работал инженером-технологом, занимался издательской работой. Имеет публикации в «Молодой смене», «Молодежи Узбекистана», «День и ночь» (Красноярск), «Звезде Востока».

Вопреки течению времени

Поэтическое творчество Эрнста Усманова, несмотря на свои явные достоинства, вполне может затеряться во времени. Сборники его стихотворений изданы крошечными тиражами, некоторые из его стихотворений, опубликованные в Интернете, ничем не выделяются из потока остальной стихопродукции. Критериями оценки качества поэтических произведений зачастую является некий трудноуловимый «вкус» и во многом произвольные «авторитетные мнения». Критики, зорко следящей за публикациями и подсказывающей читателям достойные восхищения творения, не существует. А если учесть, что автор уже умер и не может проявить активности в продвижении своих стихов навстречу читателям, то мое опасение выглядит весьма обоснованным. Поэтому-то и хочется преградить течение времени, чтобы не смыло все лучшее, созданное нашими современниками. А началось наше знакомство так...

Первого мая 2005 года в ташкентском музее Есенина завершился международный поэтический фестиваль «Малый шелковый путь». Один из его организаторов робко предложил зрителям сказать что-нибудь под занавес фестиваля. Из зрительного зала раздался голос Альбины Маркевич: «Здесь же присутствует Эрнст Усманов! Пусть он прочтет свои стихи!»

Организаторы испуганно переглянулись, но согласились с этим предложением. И вот перед зрителями стоит худощавый старик и тусклым срывающимся голосом бормочет стихотворение, в котором метафорическое мышление художника причудливо сплетает иронию с трагизмом:

В ожиданьи теплохода
Дебаркадер тяжелеет.
Лето. Жаркая погода.
Разговоры о жаре.
Солнце соком облепихи
Вытекает из шелей.
Теплоход набит клубникой
Вместе с гомоном детей.
От Луневского порога
До порога Костромы
Два часа речной дороги,
Пассажирской кутерьмы.
Мой сосед – профессор в прошлом –
В отслужившем пиджаке,
Оживленно и дотошно
Говорил о чесноке.
Кто про баню, кто про мужа,
Кто о трудностях с водой –
Теплоход был перегружен
Разговорною ботвой.
Берегами лес в осинах

Явно думал о другом:
 «Ты куда плывешь, Россия,
 В настроении таком?
 Обо всем в заботах дачных
 Ты забыла – оглянись!»
 Но плывет Россия дальше,
 Кто-то вверх, а кто-то вниз.

Меня поразила метафора «разговорная ботва». Это было так здорово, что сразу же захотелось познакомиться с автором этого стихотворения.

Мы договорились встретиться у него дома. Эта встреча положила начало сотрудничеству, итогом которого явились три стихотворных сборника, сделанных при моем активном участии.

Эрнст Усманов родился 28 декабря 1934 года в Ташкенте. Воспитывали его мама и бабушка. Поскольку мама много работала и мало уделяла сыну внимания, он много времени проводил со своими сверстниками. Сам он говорил, что «вырос на улице», мало внимания уделял учебе в школе. Каких-то особых пристрастий ни к одному из преподаваемых предметов он не испытывал. Но, не смотря на это, ухитрялся хорошо учиться. Часто ему хватало просто внимательно послушать объяснения учителя. Иногда достаточно было перед началом занятий расспросить кого-нибудь из отличников, чтобы хорошо ответить на уроке.

В 1959 году Э. Усманов окончил Московский Текстильный институт. Вернувшись в Ташкент, работал научным сотрудником в ЦНИИ хлопковой промышленности, руководил лабораторией, был заведующим отдела ПО «Миконд».

Всю жизнь увлекался рыбалкой, каждые две недели выезжал на Сырдарью. Во время работы на «Миконде» он заведовал заводской базой отдыха на озере Арнасай. И там тоже не упускал возможности порыбачить.

В молодости серьезно увлекался шахматами, свободное время охотно играл в шахматы с соседями и друзьями. В молодости увлекался баскетболом. Имел первый спортивный разряд.

Много времени уделял чеканке по меди, алюминию, бронзе. Участвовал как чеканщик в оформлении музея Афросиаба. Многие из своих работ раздарил.

Стихи стал писать в 45 лет, после второго инфаркта. Он рассказывал об этом как поворотном моменте жизни: когда его везли в больницу на машине скорой помощи, он, глядя на свою улицу думал, что если умрет, то на этой улице про него быстро забудут, ничего он для нее не оставил, и стало страшно от осознания никчемности собственной жизни.

Его первые стихотворные опыты – «рубаи». Рудольфа Баринского он считал своим первым учителем в творении стихов. Их отношения были неровными, но, несмотря на это, Эрнст Усманов всегда испытывал чувство благодарности к Р. Баринскому.

По роду деятельности Э. Усманову приходилось часто выезжать в командировки. И в одной из поездок он открыл для себя красоту природы Поволжья. Он внимательно и бережно вглядывается в лица, в повседневный быт окружающих людей. Эти наблюдения в дальнейшем отразились в его, пожалуй, самых пронзительных стихах.

Стихотворения Э. Усманова публиковались в журнале «Звезда Востока», в альманахе «Молодость», в литературно-художественном сборнике издательства имени Гафура Гуляма «До востребования», в газетах «Ташкентская правда», «Северная правда» (г. Кострома). Он является автором сборников стихов «Разлукой тронутые струны» (Ташкент, 1990), «До мартовских времен» (Ташкент, 1999), «Иллюзия вечности» (Ташкент, 2005), «Хризантемы на столе» (Ташкент, 2006), «Где влажен грунт, там корни хилы» (Ташкент 2007). На его стихи ташкентским композитором и исполнителем Геннадием Арефьевым написан и исполнен ряд песен.

В последние годы жизни здоровье Э. Усманова сильно ослабло: инфаркты, инсульты, бронхиальная астма. Нарушились координация движений и речь. Умер 22 апреля 2010 года.

Стоит только вспомнить о нем и сразу же из памяти всплывают афористичные строки:

Грусть – форма благодарности
 И жизни и теплу.

Поминки – праздники печали.
 ...счет за счастье не оплачен,
 Но предо мной уже лежит.
 Едва познал в чем жизни этой смысл,
 Глядишь – и век свой отведенный прожил.

И все это на фоне стрекотания неистребимой «разговорной ботвы»...

В одной из книг прошлого века «Как мы пишем»¹ была предложена для писателей интересная анкета, Э. Усманов откликнулся и тоже ответил на вопросы этой анкеты.

Эти ответы позволят составить представление о творческом процессе Эрнста Усмано́ва:

1. Подготовительный период. Длительность его? – Его нет или он не определен.
2. Каким материалом преимущественно пользуетесь (автобиографическим, книжным, наблюдениями, записями)? – Всеми.
3. Часто ли прототипами ваших героев являются для Вас живые люди? – Да.
4. Что Вам дает первый импульс к работе (услышанный рассказ, заказ, образ и т.д.)? – Первый импульс к работе – мысль, которая выхвачена из жизни, кино, рассказа. Мысль – это начало, а дальше идет само собой. Эта мысль очень часто оказывается выражена в первой строке, потому начинать стихотворение легче, чем его заканчивать.
5. Когда работаете: утром, вечером, ночью? Сколько часов в день максимум? – Когда курю и думаю о чем-то в прошлом, или о рассказе, или о запечатленном. Ночью – редко.
6. Примерная производительность — в листах в месяц. – Не ставлю перед собой такой цели. Иногда много, иногда – ничего.
7. Тонизирующие средства во время работы, в каком количестве? (Видимо, это кофе, курево. П.К.) – Курю. За время написания одного стихотворения выкуриваю одну-две сигареты.
8. Техника письма: карандаш, перо или пишущая машина? Делаете ли во время работы рисунки? Сколько раз переписывается рукопись? Много ли вычеркиваете в окончательной редакции? – Перо (в смысле – шариковая ручка). Рисунки – нет. Переписываю некоторые два-три раза. Вычеркиваю много, около 20 %, но не в окончательном варианте, а в работе над стихотворением. В окончательном варианте просто выбрасываю, зачеркиваю.
9. Составляется ли предварительный план и как он меняется? – Нет. Не составляется.
10. Что оказывается для Вас труднее: начало, конец, середина работы? – Очень трудно писать конец стихотворения. Важно понять, когда же надо остановиться, а это сделать не просто.
11. На каких восприятиях чаще всего строятся образы (зрительных, слуховых, осязательных и т.д.)? – На зрительных и слуховых.
12. Ставите ли себе какие-нибудь музыкальные, ритмические требования? – Нет.
13. Проверяется ли работа чтением вслух (себе или другим)? – Да.
14. Какие ощущения связаны у Вас с окончанием работы? – Чаще всего никаких. Иногда – удовлетворение.
15. Меняете ли Вы текст при последующих изданиях? – Почти нет.
16. Оказывают ли на Вас какое-нибудь влияние рецензии? – И да и нет. Смотря кто и что пишет.

Не горы выкуренных сигарет; не груды выловленной рыбы; не многие часы, проведенные за шахматной доской на досуге; не годы, отданные сну, и сидению перед бормочущим что-то телевизором, наполняют человеческую жизнь смыслом. Все это ничтожно и бренно.

Звучит банально, но... человек покинул земной мир – остались стихи. Он успел оставить добрый разумный след. Теперь дело за потомками – не растерять бы этих сокровищ, увлекшись погоней за очередными модными миражами...

Внимание читателей журнала «Звезда Востока» предлагается поэтическая подборка Эрнста Усмано́ва.

¹ «Как мы пишем». Сборник, Москва, «Книга» 1989

Вея соль вселенной в нас с тобой...

Вступление

Сейчас предстану перед вами
 Как перед Богом. Вам судить.
 И истеку на пол стихами,
 Чтоб вы могли по мне ходить.
 Затем, подошв не вытирая,
 Не глядя, разнести мой дух.
 Кто до плиты, кто до сарая,
 Кто до цветов в своем саду.
 И все забыть непринужденно.
 Жизнь такова. Куда уж мне,
 Но там, где грусть, в том месте темном,
 Быть может, стану вам нужней.

Дурманит полдень лес осенний.
 Тенями бродят грибники,
 А я, задумчив и рассеян,
 Сижу на берегу реки.
 Река спокойна. Легкий шелест...
 О чем мне волны говорят?
 Неужто так обманна прелесть
 Последних чисел октября?
 Не вижу я, но все уходит,
 По каплям унося красу,
 Как этот благодарный полдень,
 Еще блуждающий в лесу.

Когда смакует тишина
 Весенний запах смол и соков,
 Душа предчувствием полна
 И где-то там парит, высоко.
 А горизонт уже чернит
 Лазури краешек туманный.
 Еще чуть-чуть и прогремит
 Гроза в большие барабаны.

Но этот дождь, и этот гром,
И этот мрак в оправе света,
Живут в предчувствии моем,
Как счастья верная примета.
Я – свил в душе твоей гнездо
Соловушкой залетным,
Я всей тоски твоей исток,
Сомнений искрометных,
Я мыслям всем переполю,
Назойливый как слепень.
Я – день, взошедший на порог,
Я – соль в засушенном хлебе.
Все оттого что нет милей,
(А лучше и не надо)
Улыбки солнечной твоей
И лугового взгляда.

Грусть – форма благодарности
И жизни, и теплу –
Дождем забытой радости
Струится по стеклу.
Слетает шалью сумерек,
На зов усталых плеч.
И мысли от безумия
Старается сберечь.
Взойдет луною полною,
Листою опадет.
И, чтоб о прошлом помнила,
Ушедшее вернет.
И так же тихо, бережно
Под Новый Год снежит.
Мне по годам теперешним
Приятно с ней дружить.

Вся соль вселенной в нас с тобой,
Вся сущность, зерна смысла.
Весь этот дивный рай земной
Для нас с тобою выслан.

И свет в ночи во имя нас,
И то, что скрыто, - тоже.
И большего никто не даст,
И большим не поможет.

Заснеженному полю плуг не снится,
Заснеженному полю снится лен.
За что тебе, мечтательная жрица,
Моей любви и верности полон?
Не тяжко ль сердцу с этой глупой ношей, –
Когда тебе уже за пятьдесят?
Ну, чем, скажи, я – старый хрен – хороший?
На мне года лохмотьями висят.
Забудь меня, а я твой образ светлый
До той сырой земли донесу,
Где встречный ангел, может быть, ослепнет
В моих глазах познав твою красу.

Поздравляем!

Читателям журнала «Звезда Востока» предлагается собранная С. Бакиевым из различных источников подборка афоризмов, имеющих, в основном, мерфологическую направленность, дополненная его собственными высказываниями и комментариями и посвященная женщинам.

ФЕМИНОЛОГИЯ

Вот женщина: она грустит,
что зеркало её толстит.

И. Губерман

Кто ищет истину, держись
у парадокса на краю;
вот женщины: дают нам жизнь,
а после жить нам не дают.

И. Губерман

Наблюдение Т. Гигера

В пятнадцать лет девушка ненавидит мужчин и с удовольствием поубивала бы всех. А два года спустя, оглядывается – не ушел ли случайно один.

Закон Бакиева о женской красоте

Все красивые женщины красивы одинаково, а каждая некрасивая некрасива по-своему.

Мерфологическая аксиома

Красивые девушки встречаются на каждом шагу. С другими мужчинами.

Закон Гердера

Красивое не нуждается в дополнительных украшениях – больше всего его красит отсутствие украшений.

Аксиома Лопе де Вега

Чтобы украсить утреннюю розу, достаточно лишь капельки росы.

Комментарий Бакиева

Красивые женщины, скорее всего, не читают Гердера и Лопе де Вега.

Принцип Лессинга

Чем красивее женщина, тем она должна быть честнее, потому что только честностью она может противодействовать тому вреду, который способна произвести ее красота.

Наблюдение А. Бирса

Белладонна: в Италии – красивая женщина, в Англии смертельный яд. Поразительный пример глубинного сходства двух языков.

Сайдамин БАКИЕВ

Родился в 1942 г.

Окончил МГУ.

Доктор технических наук. Специалист в области прикладной ядерной физики и ядерной аналитики.

Имеет более 100 научных публикаций, автор 2 книг по мерфологии (изд. Москва).

Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов XXI столетия».

Правовая аксиома С. Джонсона

Природа наделила женщину огромной властью, и нет, поэтому, ничего удивительного, что законы эту власть ограничивают.

Историко-правовое замечание С. Джонсона

Так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам.

Закон Стендаля

Любимая женщина излучает больше очарования, чем имеет.

Предписание Ипехорской

Первое правило вежливости – быть красивой, или хотя бы не быть некрасивой.

Второе предписание Ипехорской

Будь красивой и сиди молча. Первое, конечно, легче.

Кredo М. Соважон

Красивая женщина не должна быть слишком умна – это отвлекает внимание.

Аксиома естественности Клейна

Самое главное – выглядеть совершенно естественно; но для этого нужно очень много косметики.

Принцип Ипехорской о чудесах природы и искусства

Молодая красивая женщина – это чудо природы. Не молодая красивая женщина – это чудо искусства.

Правило Я. Ипехорской

Чтобы выглядеть как богиня, нужно двадцать минут. Но чтобы выглядеть естественно, нужно три часа.

Правило Сильвии Чиз

Косметика необходима, но недостаточна. Чтобы продать товар один раз, нужна хорошая упаковка. Но чтобы продать товар второй раз, нужно, чтобы это был хороший товар.

Принцип Элеоноры Дузе

Я обхожусь без грима. Я гримируюсь изнутри.

Комментарий Ипехорской о затратах и победах

Говорят, во Франции женщины тратят на косметику больше, чем государство на армию. Но у них и побед больше.

Закон Вивьен Ли о спасительном заблуждении

Нет некрасивых женщин – есть только женщины, не знающие, что они красивы.

Наставление тети Б. Шоу

Помни, что наименее уродливая сестра считается фамильной красавицей.

Аксиома об отсутствии толстых женщин

Нет толстых женщин, но у некоторых женщин недостаточный рост для их веса.

Закон сохранения женской фигуры

Многие женщины не только сохраняют свою девичью фигуру, но и удваивают ее.

Утешительное правило Мины Антрим

Невзрачное личико и плохая фигура многим женщинам помогли попасть в рай.

Аксиома Бакиева

Господь милосерден: годами он портит нам зрение, чтобы мы не замечали морщин у наших любимых.

Наблюдение Бакиева.

Женщины – баловни всевышнего. Ко всем их достоинствам им дарована еще и своя логика.

Уточнение Бакиева

Женская логика имеет тонкую структуру и подразделяется на:

- обычную женскую логику,
- логику блондинок.

Женский контрвыпад

О женской логике хотя бы говорят. Про мужскую, вообще, ничего не слышно.

Барбра Стрейзанд о логике жен

Почему жена десять лет усердно старается изменить привычки мужа, а потом жалуется, что он не тот человек, за которого она выходила?

Принцип Круассе

Когда женщина не права – первым делом нужно попросить у нее прощения.

Классификатор М. Генина

Если женщина разделяет мнение мужчины, значит он прав; если не разделяет, значит, он ее муж.

Аксиома Пушкина

Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.

Наблюдение Уайльда

Женщины вдохновляют нас на великие дела. Но вечно мешают нам их творить.

Закон Э. Роттердамского

В темноте все женщины одинаковы.

Закон осязаемого отличия

Женщины – такие же, как и мы, только приятнее на ощупь.

Баланс Дианы де Пуатье

Годы, которые женщина отнимает от своего возраста, не потеряны: она прибавляет их к возрасту других женщин.

Комментарий Бакиева

Баланса быть не может, поскольку они отнимают только у себя, а прибавляют ко многим.

Наблюдение Булатовича

Женщины своих лет не считают. За них это делают подруги.

Замечание Ипехорской о женском возрасте

Не знаю, сколько ей лет, но она выглядит старше.

Возрастная теорема Гитри

Если мужчина и женщина одного возраста, женщина всегда выглядит чуть старше, потому что ей на десять лет больше.

Закон Б. Беншианова

Женщину в сорок лет не вгонишь, а из сорока не выгонишь.

Закон Булатовича

Только женщина может временно остановить время.

Правило Люса

Гордость – это роскошь, которую влюбленная женщина не может себе позволить.

Правило Белинского

Меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит.

Комментарий Бакиева

И любит она его сообразно его достоинству.

Замечание Жана Поля

Когда женщины ведут разговор о женщинах, они особенно хвалят ум красивых и красоту умных, голос павлина и оперенье соловья.

Замечание Я. Ипхорской

Если мои подружки такого же мнения обо мне, как и я о них, то хорошего же они обо мне мнения!

Наблюдение Ипхорской

Взгляд одной женщины на другую напоминает контроль багажа на таможне.

Постулат о женской дружбе де Монтерлана

Дружба между женщинами – всего лишь пакт о ненападении.

Против кого дружите?

(приписывается А. Ахматовой или Ф. Раневской)

Определение порядочности по Бальзаку

Порядочная женщина – та, которую любовник боится скомпрометировать.

Определение скромности по Я. Ипхорской

Скромная девушка не закладывает ногу за ногу. Скромная девушка не раздвигает ноги, когда сидит. Скромная девушка не демонстрирует своих ног. По-настоящему скромная девушка вообще не имеет ног.

Постулат о женской интуиции

Интуиция: поразительное чутье, которое подсказывает женщине, что она права, независимо от того, права она, или нет.

О. Уайльд о женской интуиции

У женщин просто удивительная интуиция. Они замечают все, кроме очевидных вещей.

Аксиома Э. Хау о правовых заблуждениях

Мужчины имеют столь же преувеличенное представление о своих правах, как женщины – о своем бесправии.